

Если бы меня спросили, каково это — умереть в собственной комнате и остаться в ней назло риелторам, я бы ответила коротко: скучно. Но скучно ровно до тех пор, пока в твои законные метры не решают заселить очередное чудо природы.

Моя комната в бывшей 402-й секции общаги юридически давно «повисла» в воздухе.

Дальние родственники, когда меня не стало, приехали, глянули на масштабы коммунального ада, поняли, что ремонт и долги по квитанциям сожрут больше стоимости самого жилья, и перепродали её за копейки первому встречному ушлому агентству.

Коммерсанты заморачиваться не стали: наклеили дешёвые обои поверх моей жизни, притащили с помойки скрипучую кровать, обозвали это «уютной студией в стиле ретро» и пустили в оборот для неприхотливых студентов.

В тот день на пороге появился Артур — риелтор из этого самого агентства. Скользкий тип с причёской, зализанной гелем так, будто его только что облизала корова, и в пиджаке, который явно был ему велик в плечах. За собой он тащил моё новое наказание.

— Вот, Ляйсан, заходи, располагайся! — Артур взмахнул рукой, будто презентовал пентхаус на Медео, а не одиннадцать квадратных метров с видом на мусорные баки. — Комната с историей, тихая, энергетика потрясающая. Прошлая хозяйка была женщиной строгой, порядок любила, так что здесь до сих пор... аура особая. Всего сорок тысяч тенге в месяц, для студентов — чисто символически!

Девка брезгливо повела носом, переступила порог и заняла:

— Ну блин... Тут всё побитое какое-то. Стены облезлые, плинтус отходит, то, сё, седьмое-восьмое... А подешевле нельзя? За тридцать пять хотя бы?

Слышь, курица, ты чо там вякнула?!

У меня внутри аж каскад замкнуло, а несуществующий левый глаз задёргался так, что готов был вылететь. Мою комнату?! Облезлым хламом обзывать?! Да я тут каждую половицу зубами выгрызала, шпатлевала своими руками, пока жива была, а эта мебель ходячая пришла и нос воротит! «То, сё» у неё побитое!

Я ворчала уже чисто по привычке, понимая, что эти сопли мне теперь слушать долго.

Артурчик, чувствуя, как воздух вокруг начинает стремительно тяжелеть и остывать, засуетился, замахал руками:

— Ляйсан, ну помилуй, какие тридцать пять? Тут центр рядом, транспортная развязка! Сорок тысяч — это и так даром!

Я стояла у окна, скрестив руки на груди, и привычно, на автомате, костерила этого зализанного коммерсанта. Вообще, эти риелторы от меня регулярно поджоппники получали — в прямом и переносном смысле. То у них папка с договорами из рук вылетит, то ручка током долбанет, то на ровном месте споткнутся. Они к этим моим мелким пакостям в 402-й комнате уже как к родному сглазу привыкли, не замечали толком, списывали на старую проводку и неровный пол, но соваться сюда лишний раз всё равно боялись.

Вот и сейчас Артур косился на люстру, которая подозрительно ровно, но очень зловеще замерла, и пот со лба утирал. Сволочь редкая, калым свой забирает, а убираться за квартирантами мне потом?

«Ладно, ладно, — подумала я, глядя, как он судорожно пересчитывает её помятые купюры. — Скотина ты эдакая... Ты мне только приди сюда ночью, когда проверять объект вздумаешь или за новой долей явишься. Я тебе такое шоу устрою, враз все сорок тысяч

обратно выплюнешь».

Артурчик словно мои мысли прочитал — быстро сунул девчонке ключи в ладонь, схватил деньги и испарился из секции так шустро, будто за ним черти гнались. В принципе, он был не так уж далек от истины.

Начался самостоятельный осмотр владений. Мою новую жиличку соавтор моего одиночества абсолютно точно назвал бы «тушкой». Вот просто тушка ходячая, ни убавить, ни прибавить. Хотя мозги у неё в голове всё-таки проглядывались, не совсем уж пропащая. По крайней мере, взгляд был не совсем пустой, просто молодая ещё, необстрелянная, жизни не видевшая.

Ляйсан осталась стоять посреди комнаты, тяжело отдуваясь. На полу рядом с ней покоилась огромная, доверху набитая клетчатая китайская сумка — классический баул челнока, у которого от тяжести уже наполовину треснула молния. Девка оглядела старый паркет, пузыри на риелторских обоях, перевел дух, прикинула масштабы предстоящего бедствия и... тихонько всхлипнула. Села прямо на этот китайский баул и закрыла лицо руками. Навалилось всё сразу: переезд, эта обшарпанная берлога, да ещё и в процессе волочения тяжелой сумки по этажам она умудрилась под корень сломать длинный нарощенный ноготь. Обычная девичья реакция на запредельный стресс, когда ты остаёшься один на один с суровым бытом.

У меня в груди поднялся лёгкий гомерический хохот, от которого по стенам общаги пошла едва заметная вибрация.

«Святые угодники, — подумала я, закатывая глаза. — Ну и сокровище мне досталось. Ладно, поплачь, тушка, полезно для разрядки. Ноготь она сломала, трагедия века! Ты бы лучше подумала, как ты в этой комнате выживать собираешься. Тут розетка возле стола коротит, из крана на общей кухне течёт ржавчина, а она сидит, сопلي на кулак наматывает».

Минут через двадцать Ляйсан взяла себя в руки. Молодцом, соображает, что слезами плинтус не приклеишь. Она поднялась и принялась распаковывать свой баул. Тряпки свои она вытаскивала аккуратно, складывала стопками на кровать, ходила вокруг, соображая, как лучше распределить вещи в этом убогом пространстве. Видно было, что пытается навести хоть какой-то аналог порядка, но сил после дороги явно не хватало. В итоге, кое-как распахав первую партию одежды, Ляйсан уставшая завалилась на матрас прямо в джинсах и вытащила свой айфон.

Вот тут началось её истинное погружение в альтернативную реальность. Ляйсан уткнулась в экран и принялась судорожно листать аккаунты инста-див. Я, естественно, не удержалась и зависла у неё за плечом, созерцая этот ярмарочный бред. На экране какая-то крашенная утка с заученным выражением лица вещала про успешный успех, Дубаи и то, как она «открыла 88 источников изобилия от Вселенной, просто дыша маткой».

Глаз у меня задёргался с новой силой. Восемьдесят восемь потоков у неё вылезли, надо же! Я в своё время на трёх работах пахала и каждую доску для этого пола сама отбирала, а эти кошелки воздух в розовой обёртке продают, и моя тушка на это медитирует. Ляйсан смотрела на экран, вздыхала и переводила взгляд на сиротливо стоящую на столе коробку от дешёвой лапши быстрого приготовления. В её глазах читалась вселенская

скорбь: в инстаграме — «Гелики» и яхты, а в реальности — общага 402 и перспектива ужинать кипятком со специями.

«Ладно, малая, мозги у тебя вроде есть, обрастут ещё опытом, — мысленно резюмировала я, устраиваясь в старом кресле в углу. — Раз уж мы теперь сожители, будем делать из тебя человека. Для начала научу тебя тряпкой махать, а то на твоём подоконнике уже свои 88 слоёв пыли вылезли...»

Первая ночь на новом месте — это всегда проверка на вшивость. Ляйсан вырубилась рано, даже свет на общей кухне выключать не пошла, просто заперла хлипкую дверь на один оборот и сползла на матрас прямо в джинсах. Айфон так и остался лежать у неё на груди, периодически вспыхивая экраном от уведомлений.

Я сидела в своём старом кресле в углу, закинув ногу на ногу, и лениво наблюдала за этой картиной. Моя новая сожительница умудрилась уснуть в обнимку со своей инстаграмной иллюзией. Телефон в её руке то и дело подмигивал розоватыми цветами, транслируя в пустую темную комнату очередные сторис об успешном успехе. Девка во сне морщилась, натягивала одеяло до самого носа, а у меня в башке крутилась только одна мысль: до чего же отвратительно риелторы убрали комнату перед её заселением.

Эти скотины из агентства недвижимости, когда марали мои стены своим копеечным ремонтом, сэкономили вообще на всём. Клининг они, видите ли, провели. Наняли по объявлению какую-то контору за три копейки, те пришли, грязной тряпкой по центру повозюкали для вида, а углы вообще не тронули. В итоге на подоконнике, под раковиной и за шкафом остались лежать вековые залежи пыли. Настоящие восемьдесят восемь слоёв грязи, от которых у меня, как у женщины чистоплотной, внутри всё клочотало.

Терпеть этот свинарник в своих законных владениях я не собиралась. Раз уж девка спит без задних ног, пора было переходить к методу принудительной уборки. Сама она за тряпку среди ночи точно бы не взялась, а значит, требовался деликатный, но очень доходчивый стимул. Мысль пришла сама собой, когда я перевела взгляд на угол комнаты. Благо, разгуляться мне было где. За тонкой гипсокартонной стеной риелторы умудрились обустроить подобие индивидуального санузла с унитазом и раковиной, присобачив туда хлипкую китайскую дверь. Раковина, естественно, стояла тут ещё со времён постройки этого здания. И был у неё один приметный, мой самый любимый винтик на нижнем сифоне трубы. От старости, ржавчины и сырости он уже настолько разболтался, что держался исключительно на честном слове и моей доброй воле.

«Ну что, красавица, — подумала я, поднимаясь с кресла и поправляя халат. — Настало время для боевого крещения. Будем делать из тебя человека».

Я подошла к раковине и мысленно, со всем почтением к законам физики, слегка крутанула этот несчастный винтик на трубе. Старый металл жалобно звякнул, резьба окончательно сорвалась, и деталь с тихим стуком покатила по кафелю. Из образовавшейся щели тут же бодро, с весёлым и наглым журчанием, хлынула вода, целеустремлённо заливая пол за дверь.

Наступил глубокий вечер, плавно переходящий в глухую ночь. Ляйсан наконец завозилась на кровати. Сквозь сон до её сознания донёсся этот отчётливый, ни с чем не сравнимый

звук: где-то в комнате уверенно и мощно бежала вода. Девка открыла глаза, похлопала ресницами в темноте, пытаясь сообразить, откуда именно журчит. Решив попутно совместить разведку с насущными делами, она спустила ноги с кровати, нащупала на стене выключатель и дёрнула клавишу.

Зажглась тусклая лампочка, и Ляйсан замерла на пороге санузла.

Сюрприз, мазафака!

Воды там было просто дохуя. Она уже весело переливалась через пластиковый порожек из-под хлипкой двери и тонкими ручейками устремлялась вглубь комнаты, подбираясь к её клетчатому китайскому баулу. Пол превратился в полноценное озеро местного масштаба, в котором красиво отражался потолок.

У Ляйсан моментально округлились глаза, а остатки сна испарились так, будто их и не было.

— Бля-а-а-а! — в панике пискнула она, подпрыгивая на сухом клочке паркета.

Ну и что ты делать будешь, инста-дива? Звонить зализанному Артурчику в такое время?

Удачи, он сейчас десятый сон видит. Спасать имущество надо здесь и сейчас.

Надо отдать ей должное, девка сообразила на удивление быстро. Схватив из угла ту самую грязную ветошь, Ляйсан практически в прыжке перекрыла главный вентиль под раковиной — благо, сил после таскания сумок у неё хватило. Вода хлестать перестала, но то, что уже натекло, никуда уходить не собиралось.

И началась великая ночная уборка. Ляйсан, матерясь сквозь зубы и поминая недобрым словом и риелторов, и всю эту общагу, встала на карачки. Одной грязной тряпки явно не хватало, поэтому в ход пошли какие-то старые футболки, обрывки газет и найденное под раковиной пластиковое ведро. Девка пахала как проклятая: выжимала воду, тёрла пол, выгребала грязь из таких глухих углов, куда клинеры даже не заглядывали. Попутно ей пришлось отодвинуть тумбочку, вымести оттуда вековую паутину и смыть те самые проклятые слои пыли, которые так раздражали мой взор.

Я уселась обратно в кресло, закинув ногу на ногу, и с истинным удовольствием наблюдала за процессом. Из груди у меня рвался тихий гомерический хохот.

«Во-о-от, так-то лучше, сожительница, — мысленно подбадривала я её, глядя, как Ляйсан яростно орудует половой тряпкой, вытирая паркет до блеска. — Труд, он изнеженную в соцсетях психику лечит получше любых марафонов желаний. Зато теперь у нас чистенько, свежо, и углы продезинфицированы. Считай, что первую ночную проверку бытом ты прошла».

Мокрая, злая, но победившая стихийное бедствие Ляйсан наконец закончила. Комната сияла первозданной чистотой, которой эти стены не видели последние лет пятнадцать. Девка обессиленно упала на кровать, вывесив руку до пола, и мгновенно отрубилась мёртвым сном. Ночь боевого крещения завершилась со счётом 1:0 в пользу санитарных норм.

Утреннее солнце уже вовсю по-хозяйски палило сквозь немытое окно, подсвечивая идеальную, вылизанную до блеска комнату. Ляйсан наконец разлепила глаза, села на кровати, сладко потянулась и зевнула, явно гордясь своей ночной победой над коммунальным апокалипсисом.

Я наблюдала за ней со своего кресла. Ладно, признаю, тушка заслужила поощрение. Свинарник ликвидирован, углы блестят, глаз мой больше не дёргается — надо и честь знать, отблагодарить сожительницу по-нашему, по-общажному.

Совершать набеги за пределы своих одиннадцати квадратов я, конечно, могла. Стены для меня — так, условность. В коридоре и на общей кухне у меня давно были свои каналы связи с «коллегами по несчастью». В соседней 406-й, например, обретался дух деда Матвея, который помер там ещё в советские годы. Официально все думали, что у него инфаркт случился во время просмотра футбольного матча — старик орал, разволновался, с кем не бывает. Но на самом деле его там просто знатно долбануло током от старой оголённой проводки. Сердце в его возрасте и так на честном слове держалось, а тут сверху ещё вольт прилетело — оно и сказала «кря».

Мы с Матвеичем иногда пересекались на нейтральной территории, чтобы коллективно поворчать на жильцов. В этот раз он как раз караулил своих квартирантов — двух вечно голодных студентов-заочников, которые вчера припёрли из дома знатную посылку от родителей. Там, среди банок с вареньем, покоилась стратегическая коробка хороших шоколадных конфет — не какая-то там дешёвая карамель, а нормальное ассорти. Студенты дрыхли без задних ног после бурной ночи, Матвеич лениво гонял сквозняком муху по потолку, так что повернуть операцию «Экспроприация» было делом двух секунд. Я просто создала лёгкое завихрение воздуха, коробка плавно съехала со стола прямо в мои невидимые руки, а дед только одобрительно хмыкнул в усы — мол, дело благое, за чистые полы не грех пацанов и раскулачить.

И вот Ляйсан, почулав затылок, встаёт с кровати, подходит к столу, чтобы включить чайник, и застывает на месте.

Прямо по центру чистой, выскобленной до скрипа столешницы в гордом одиночестве лежит коробка шоколадных конфет. Яркая такая, цветастая, прямо как из её любимого Инстаграма.

Надо было видеть её лицо. У Ляйсан глаза моментально стали круглыми, как пятидесятикопеечные монеты. Она замерла с протянутой к чайнику рукой, боясь даже вздохнуть. Девка точно помнила, что в её огромном китайском бауле из еды была только лапша быстрого приготовления и три пакетика «три в одном». Никаких конфет она не покупала, Артурчик вчера сбежал без оглядки, а дверь заперта на шпингалет изнутри. Она медленно, на цыпочках подошла к столу, словно коробка могла на неё прыгнуть, и осторожно потрогала её пальцем. Настоящая. Шоколадом пахнет. Ляйсан испуганно оглянулась на пустую комнату, сглотнула и тихо так, сиплым со сна голосом, спросила в пустоту:

— Э-э... Привет? Тут... есть кто-то?

Я сидела в кресле, едва сдерживая гомерический хохот.

«Ешь давай, тушка, не обляпайся, — мысленно ответила я ей, ехидно улыбаясь. — Это тебе премия за ударный труд от профсоюза 402-й комнаты. Чай вон заваривай, заслужила».

Ляйсан ещё минуты три стояла в ступоре, переводя взгляд то на дверь, то на коробку. Логика в её аккуратной голове тщетно пыталась найти рациональное объяснение, но

голод в конце концов взял верх над паранойей. Девка решительно хлопнула по кнопке чайника, открыла коробку и с явным удовольствием вонзила зубы в первую конфету, всё ещё косясь на углы с подозрением. Сработано идеально. Боевое крещение переросло в фазу взаимовыгодного сотрудничества.

Ляйсан доедала третью конфету, жмурясь от удовольствия, как сытый кот. Паника в её голове окончательно капитулировала перед качественным молочным шоколадом с пралине. Списав всё на то, что это, возможно, какой-то невиданный сервис от агентства недвижимости для новых жильцов, она решительно отодвинула коробку. Пора было спускаться с небес на землю и браться за ум.

Всё-таки Ляйсан приехала сюда не просто так, а покорять вершины. Она умудрилась поступить в МУАД — Международный Университет Арт-Дизайна. Учиться она шла на самый модный факультет — классический арт-дизайн. Правда, за этот статус и красивые корочки нужно было платить круглую сумму, а родительских дотаций едва хватало на покрытие базовых нужд и те самые сорок тысяч тенге за общагу.

Ляйсан вздохнула, вытащила айфон и открыла ХедХантер. Нужна была подработка.

Причём желательно такая, чтобы соответствовала статусу будущей инста-дивы:

«Ассистент креативного директора» или «Контент-мейкер в концепт-стор». Чтобы сидеть в какой-нибудь модной кофейне, лениво водить пальчиком по экрану дорогого ноутбука и пить матча-латте.

Я зависла над её плечом, лениво разглядывая эти амбициозные запросы.

«Ищи, ищи, арт-дизайнер комнатного масштаба... — мысленно прокомментировала я, качая головой. — Ты бы лучше на землю вернулась, лакшери-мученица».

Чтобы ускорить процесс её заземления, я слегка дунула на подоконник. Лежавший там помятый, наспех подписанный вчера лист договора аренды от Артурчика затрепетал, съехал на край и с тихим шорохом приземлился прямо Ляйсан на колени.

Девка вздрогнула, отложила телефон и подняла бумажку. Вчера она подмахивала её на коленке, едва глянув на строчку с ценой. Но после ночного заплыва в санузле и сорванного винтика на трубе, воспоминания о котором всё ещё отзывались ноющей болью в пояснице, Ляйсан решила всё-таки вчитаться в каракули риелтора.

Артурчик был парнем шустрым, и договор у него был составлен с истинной наглостью.

Ляйсан бегала глазами по строчкам, и на третьем абзаце у неё перехватило дыхание.

Пункт 4.2 мелким убористым шрифтом гласил: «В случае неисправности, поломки или порчи сантехнического, электрического и иного оборудования по вине Арендатора, последний обязуется возместить ущерб в полном объёме, а также выплатить штраф в размере десятикратной месячной стоимости аренды за создание аварийной ситуации». Десятикратной. Четыреста тысяч тенге. За один только чих в сторону этой доисторической раковины.

У Ляйсан явственно дёрнулся правый глаз. Она судорожно вспомнила, как ночью вода хлестала по кафелю, грозя затопить нижние этажи. Если этот заливанный Артурчик прознает про ночной потоп, её международный арт-дизайн закончится, даже не начавшись.

— Офигеть... — тихо прошептала девка, сглатывая подступивший к горлу ком.

Она судорожно схватила телефон, закрыла вкладку с «ассистентами директоров» и

принялась лихорадочно вбивать в поиск совершенно другие вакансии. Планочка амбиций стремительно покатила вниз. Теперь Ляйсан искала всё, где платили быстро и без лишних вопросов: «Официант, вечерняя смена», «Посудомойщица на полставки», «Расклейщик объявлений». В итоге выбор пал на контору с многообещающим названием «Поинт-ту-Поинт».

Звучало почти как название какого-нибудь модного архитектурного бюро, и девка уже видела себя утончённой бизнес-леди, порхающей между стеклянными высотками financial-центра с элегантно папкой в руках. Реальность же выдала ей знатный поджопник в первый же рабочий день. «ВИП-документами» оказались пухлые коробки с налоговыми отчётами и накладными весом с хорошую шпалу. Вместо порхания Ляйсан пришлось штурмовать забитые в мясо автобусы в час пик, таскаться по бесконечным лестницам промзон и нарезать километры по алматинской жаре.

Прошла неделя этого пешего марафона. Ноги у девки гудели так, будто она пешком дошла до Капчагая, зато в кармане приятно шуршала первая честно заработанная наличность.

Все эти семь дней для меня пролетели весело. Ровно с того утра, как я умыкнула коробку ассорти, за тонкими стенами в 406-й комнате разверзлся настоящий филиал ада. Серёга и Димон, обнаружив пропажу родительского гостинца, сцепились не на шутку. Они орали друг на друга каждый божий вечер, выясняя, кто из них крыса и сожрал конфеты втихаря под одеялом. Дело доходило чуть ли не до поножовщины, а я, устраиваясь поудобнее в своём кресле, просто наслаждалась этим акустическим сопровождением. Их ругань отлично скрашила мои скучные общажные будни.

Страх перед четырёхсоттысячным штрафом Артурчика у Ляйсан немного отпустил, и к концу недели она решила, что имеет полное право расслабить булки и устроить себе праздник жизни. До начала учёбы оставалось всего ничего, так почему бы не шикануть? Вечером на вымытом до блеска столе появилась коробка горячей, ароматной пиццы и двухлитровая бутылка колы. Девка переделалась в домашнее, завалилась на кровать и приготовилась балдеть. Свинарник, правда, вернулся мгновенно: Ляйсан лениво бросала помятые салфетки мимо ведра, крошки весело летели на паркет, а недоеденные куски пиццы так и остались лежать в открытой коробке, пока сожительница пускала слюни в подушку под бормотание сериала.

Дождавшись, пока Ляйсан начнёт выдавать ровные ночные трели, я соткалась возле стола. Идея мелкой мести родилась мгновенно, благо на полке над раковиной сиротливо ютился пакетик жгучего красного перца — остатки роскоши от чьего-то прошлого кулинарного шедевра. В темноте, действуя исключительно на глаз и на чистом азарте, я подцепила щепотку этого порошка. Слегка дунула, направляя воздушный поток точно на оставшиеся в коробке куски пиццы. Красная пыль идеально, ровным невидимым слоем легла поверх подсохшего сыра и колбасы. Сработано было ювелирно: внешне — обычный фастфуд, внутри — филиал ада.

Утро началось по классической схеме: то, сё, седьмое-восьмое, опаздываю. Будильник

проорал рано, Ляйсан подорвалась с кровати, судорожно соображая, что через сорок минут ей уже нужно стоять на базе «Поинт-ту-Поинт» и принимать новую порцию макулатуры. Времени на нормальный завтрак не было вообще.

— Блин, блин, блин, — причитала она, натягивая джинсы одной рукой и параллельно включая чайник.

Чай заваривать было некогда, поэтому девка решила обойтись проверенным студенческим методом — бахнуть колы и зажевать вчерашней пиццей на ходу. Она подлетела к столу, схватила самый большой кусок, смачно, от души его укусила и сделала огромный глоток прямо из горла бутылки.

Спустя секунду в 402-й комнате наступила абсолютная, звенящая тишина. Ляйсан замерла с открытым ртом, а её глаза начали медленно, но уверенно вылезать из орбит, становясь ещё круглее, чем от ночных конфет.

— Кх-х-х... М-м-м! — просипела она, хватаясь за горло.

Красный перец, сдобренный углекислым газом из колы, сработал как кумулятивный снаряд. У девки в ротовой полости полыхнуло так, будто она глотнула бензина и чихнула на открытый огонь. Лицо моментально пошло багровыми пятнами, из глаз брызнули слёзы, а из носа, кажется, пошёл пар. Она заметалась по комнате, ища спасения, бросилась к раковине и начала жадно, прямо из-под крана, глотать ледяную воду, напроочь забыв про свой страх сорвать злополучный винтик.

Я откинулась на спинку кресла, и комната содрогнулась от моего беззвучного гомерического хохота.

«Приятного аппетита, арт-дизайнер! — мысленно угарала я, вытирая невидимые слёзы. — Это тебе бодрящий заряд энергии от Хозяйки на весь рабочий день, чтоб на точках не засыпала».

Кое-как придя в себя, Ляйсан схватила сумку и пулей вылетела из комнаты, так и оставив недоеденный кусок на столе.

Вечером, после очередного забега по городу с сумкой, набитой макулатурой, девка буквально ввалилась в комнату. Ноги отваливались, язык на плече, а во рту до сих пор стоял призрачный привкус утреннего пожара. Единственное, о чём мечтало это юное дарование — упасть на матрас и не двигаться. Ляйсан скинула кроссовки, доползла до стола, чтобы убраться утренний свинарник, и вдруг застыла на месте.

Прямо по центру столешницы, аккуратно рядом с коробкой из-под пиццы, лежала улика. Маленький, помятый, наполовину пустой бумажный пакетик с надписью «Перец красный

жгучий».

Надо было видеть её лицо. Остатки усталости с неё сдуло в ту же секунду. Она уставилась на этот пакетик так, словно перед ней лежала неразорвавшаяся граната. В голове у девки мгновенно закрутился сумасшедший вихрь мыслей.

— Что за бред?.. — тихо пробормотала она, пятясь назад. — Откуда он вообще взялся?

Логика Ляйсан затрещала по швам. Паника накатила с новой силой: она ведь точно помнила, что никакого перца у неё отродясь не было. Но мозг, отчаянно цепляясь за остатки здравого смысла, выдал спасительную соломинку. Голова у неё в этот момент знатно замылилась.

«Может... может, я его сама как-то уронила? — пронеслось у неё в башке. — Ну да, точно! Наверное, валялся где-нибудь на полке от старых хозяев, а я, когда ночью раковину мыла или тумбочку двигала, зацепила его курткой. Он упал в пиццу, раскрылся... Ну конечно! Не привидения же мне его туда насыпали, в самом деле».

Самовнушение сработало было на ура. Придумав это корявое, но хоть как-то успокаивающее объяснение, Ляйсан облегчённо выдохнула, хотя правый глаз у неё всё ещё подозрительно подёргивался. Повторения утреннего ада ей не хотелось, поэтому девка развила штормовую деятельность. Она судорожно схватила этот злосчастный пакетик и с размаху зашвырнула его на самое дно мусорного ведра. Следом туда же полетела коробка из-под пиццы, пустая бутылка из-под колы и все до единой салфетки. Ляйсан достала тряпку, заново, с маниакальным усердием протерла стол до зеркального блеска, вымела каждую залетевшую под кровать крошку и для верности плотно закрыла дверь на шпингалет, после чего без сил рухнула спать.

На следующее утро Ляйсан упылила на работу пораньше, всё ещё со следами перцового шока на лице. Ей нужно было таскать новые центнеры макулатуры, так что комната опустела, и для меня наступило самое благодатное время — часы законного досуга и обхода личных владений. Перед собратями по несчастью надо было козырнуть успехами в дрессировке сожительницы.

Первым делом я занялась миграционной политикой. Заметить под плинтусом парочку обнаглевших рыжих тараканов, прибежавших на разведку, я устроила им показательную депортацию. Прижав усатых к полу лёгким ментальным давлением, я со свистом погнала их сквозняком под дверную щель и дальше по коридору, приговаривая:

— А ну пошли вон, доходяги! К пацанам в 406-ю топайте, у них там как раз крошки под столом сохнут. А у меня тут арт-дизайнер всё до скрипа вылизала, нечего мне санитарные нормы нарушать.

Выпроводив незваных гостей, я отправилась на общую кухню — местный аналог загробного дискуссионного клуба. Там на широком подоконнике, грея старые кости в лучах алматинского солнца, уже обитал дед Матвей из 406-й. Выглядел он как типичный советский пенсионер в линялом трико, и характер у него был под стать — ворчливый, но в душе безобидный.

— О, здорово, Матвеич, — я лениво «присела» рядом, закинув ногу на ногу и поправляя халат. — Как твои оглоеды? Не подрались ещё?

Дед Матвей только горько вздохнул, пытаясь по привычке почесать затылок, но рука только со свистом рассекла воздух.

— Да какое там... Всю плешь мне проели. Всю неделю друг на друга орал из-за той коробки конфет, что ты у них умыкнула. Серёга думал, что это Димон втихаря сожрал, чуть до поножовщины не дошло. Пришлось мне ночью их сигареты со стола на пол скинуть, чтоб хоть как-то тему перевести. Твоя-то как? Всё пальцы гнёт?

Я ехидно прищурилась, и из груди вырвался сухой, потрескивающий смешок:

— Моя-то? Цаца! Насмотрелась своего Инстаграма, думала, в сказку попала. Устроилась курьером в какую-то контору бумажки таскать. На днях пиццу заказала, расслабила булки, салфетки мимо ведра швыряет... Ну, я ей под это дело вчера праздничек и устроила. Насыпала ночью от души красного перца прямо на колбасу, пока она дрыхла. Так эта дура утром проснулась, кусок в зубы и колой запила — у неё чуть пар из ушей не пошёл! Бегала к раковине так, что пятки сверкали. А вечером припёрлась с работы, увидела пустой пакетик из-под перца на столе и знаешь что придумала? Будто она сама его случайно курткой с полки смахнула, когда раковину мыла! Сама себя успокоила, дурёха, и давай со страху комнату по второму кругу намывать, всё до последнего фантика вчера выгребла. Зато чистота теперь какая! Признаю, девка хоть и с инстаграмным павлином в башке, но исполнительная. Вызывает даже лёгкую симпатию — из неё ещё можно человека вылепить, если регулярно профилактику устраивать.

Пока Ляйсан наматывала километры по городу, мы с Матвеичем ещё немного поговорили, а потом решили, что на этаже ловить больше нечего, и двинулись вниз, проветриться. Для жильцов общаги первый этаж был просто грязным пятачком с почтовыми ящиками и выходом на улицу, а вот для местной загробной тусовки это был единственный доступный «променад». Дальше козырька подъезда ходу не было — там стояла невидимая, глухая стена. Стоило попытаться сделать шаг на тротуар, как тебя просто отбрасывало назад, вжимало в старые кирпичи здания. Общага держала своих мертвецов крепко, намертво привязав к фундаменту.

Поэтому козырёк подъезда и широкое окно возле почтовых ящиков были местным аналогом бродвейского бульвара. Когда мы с Матвеичем спустились, на подоконнике уже

торчал дух Санька — разбитного парня в олимпийке, который умудрился в девяностых упасть в пролёт по пьяни. Санёк увлечённо разглядывал улицу через мутное стекло.

— О, здорово, Мадам! — Санёк хохотнул, вовремя заметив мой тяжёлый взгляд. — Матвеич, здорово. Привалили на мир поглазеть? Тут вон, на лавке, местные сплетницы опять кого-то обсуждают. Два часа уже сидят, у меня аж уши вянут.

Я подошла к дверям, скользнула сквозь стекло и «присела» прямо на металлический козырёк подъезда, свесив ноги над головами проходящих жильцов. Матвеич устроился рядом, по-стариковски поджав под себя колени. Отсюда, сверху, им открывался весь их маленький, но такой заманчивый обитаемый мир. Мимо подъезда, шурша шинами по асфальту, то и дело проносились курьеры на мопедах с яркими квадратными рюкзаками за спиной, сигналили машины, а чуть дальше, за тополями, шумел вечно живой, забитый автобусами проспект. Я смотрела на это бурление жизни с лёгким, едва заметным вздохом. Город рос, строился, катился куда-то вперёд, а они застряли здесь, на этом пятачке, как мухи в янтаре.

— Слышь, Мадам, — Санёк высунул голову сквозь раму окна прямо к нам на козырёк. — А твоя-то новая, пигалица эта, чего, реально в курьеры заделалась? Я вчера видел, как она из автобуса выползала — еле ноги волочит, а сумка больше неё самой.

— Войсковая курьерская служба «Пункт А в Пункт Б», — с важностью и лёгким стёбом отозвалась я, разглядывая свои невидимые ногти. — Документы ценные развозит. Сама напросилась. Зато вчера припёрла коробку пиццы, развалилась на моей чистой кровати, крошки на пол, салфетки мимо ведра... Наглая, как танк.

— И чего ты? Спустила ей? — заинтересовался Санёк.

Дед Матвей на козырке аж закричал от смеха:

— Ага, спустит она, держи карман шире! Мадам ей втихаря на пиццу жгучего перца насыпала. Девка утром кусок в пасть запихала, колой лакнула — у неё глаза чуть на этот козырёк не вылетели! Выла и бегала к крану, как пожарная сирена.

Санёк знатно заржал, захлопав себя по коленям:

— Ну ты даёшь, Мадам! Чистый террор! Она же съедет от тебя через неделю!

— Не съедет, — уверенно отрезала я, глядя на дорогу. — У неё контракт с Артурчиком, там штраф за поломку крана — четыреста тысяч. Ей деваться некуда, будет сидеть и курьерствовать как миленькая. Зато теперь у нас стерильная чистота, до последнего фантика вчера всё выгребла со страху. Главное, чтоб булки не расслабляла, а человека я из неё вылеплю. Urbis et orbis, так сказать, общажного масштаба.

— Ладно, засиделась я с вами, бездельниками. Пойду наверх, в свое царство под номером 402. Скоро моя лакшери-дива с сумками притащится, надо проверить, в каком настроении явится.

Я поплыла обратно по лестнице, разминая затекшие плечи и слушая привычные звуки общажного вечера. До своей комнаты я дойти не успела — из 402-й секция плавно переходила в зону боевых действий возле 408-й комнаты. Оттуда на весь коридор раздался оглушительный семейный визг. Местные супруги, Айдос и Мадина, судя по звукам, опять не поделили какую-то бытовую хрень вроде немытой сковородки. Я закатила глаза. Ну сколько можно орать? Зайдя чисто из любопытства сквозь деревянную дверь, я застала классическую картину: Мадина стояла у стола, уперев руки в бока, и пилила мужа, а сам Айдос, взъерошенный и злой, махал руками в ответ. Их трёхлетний пацан сидел на полу среди игрушек и вовсю пучил глаза на родителей. Стоило мне соткаться посреди комнаты, как мелкий тут же отвлёкся от родительского концерта. Он уставился на невидимую для взрослых тётю и забавно приоткрыл рот. Я, недолго думая, подмигнула ему и скорчила знатную, угарную рожицу. Малыш аж запищал от восторга, захлопав в ладоши.

Айдос в этот момент как раз набрал в лёгкие побольше воздуха, чтобы выдать жене очередной бронебойный аргумент:

— Да ты задолбала уже! Сколько можно мне мозг выносить?! Я тебе говорю...

Договорить он не успел. Я легонько мазнула взглядом по верхушке старого шкафа. Большая пластиковая коробка из-под обуви, стоявшая на самом краю, внезапно сдвинулась и с глухим, сочным бумсом прилетела Айдосу чётко на темечко.

Мужик мгновенно заткнулся на полуслове. Коробка съехала ему на ухо, а в комнате повисла звенящая, гробовая тишина. И тут среди этой тишины раздался радостный голосок мелкого, который пальцем ткнул прямо в пустоту рядом с отцом:

— Тётя приходила!

Мадина, которая всего годик назад приехала в эту общагу из посёлка и с местной чертовщиной знакома не была, сперва дико выпустила глаза. Она ошарашенно перевела взгляд с коробки на сына, а потом яростно повернулась к мужу, зашипев:

— Айдос... Ты что, вообще?! Какая ещё тётя?! Ты кого сюда в моё отсутствие приводил, пока я на базаре была?!

Айдос, как старый общажный житель, от этих слов побелел ещё больше, чем от удара коробкой. Он судорожно замахал на жену руками, зашикав на неё на полушёпоте:

— Цыц! Дура, замолчи! Какая тётя, ты что! Не обращай внимания, рот закрой, кому говорю!

Мужик испуганно огляделся по сторонам, поднял руки вверх перед пустым пространством и запричитал, косясь на шкаф:

— Ой, бля... Всё-всё-всё, я сдаюсь! Мы больше не ругаемся, честное слово! Всё, Мадина, мир! Больше не злим, случайно получилось, извиняемся!

До Мадины по округлившимся глазам мужа наконец дошло, что «тётя» — это далеко не живая любовница, а кое-кто посерьёзнее. Весь её боевой запал мигом улетучился, и она

судорожно закивала головой, боясь даже вздохнуть в сторону разгневанного духа. Я стояла рядом, сложив руки на груди, и беззвучно угарала с этой картины. Мужик стоял чуть ли не по стойке смирно, готовый прямо сейчас бежать мыть ту самую сковородку. В этот момент дверь 408-й снаружи осторожно обошла Ляйсан, волоча за собой огромную курьерскую сумку. Она лишь удивлённо моргнула, услышав, как секундный дикий ор за стеной сменился гробовым молчанием, а потом испуганным, поспешным шёпотом соседа: «Тихо ты, не ори, а то сейчас точно марш похоронный заиграет...».

Ближе к двум часам ночи, когда за стеной в «царстве» Айдоса и Мадины всё окончательно затихло, а Ляйсан выключила сериал и начала выдавать ровные ночные трели, я соткалась посреди комнаты. Хватит с неё потрясений на сегодня, пора было посмотреть, к чему вообще эта курьерская эпопея вела.

Я лениво подошла к вешалке, где девка пристроила свои вещи, приготовленные на самый первый, торжественный день в МУАДе. Из-под полиэтиленового чехла сиротливо торчал помятый подол дорогой блузки и юбка. Точнее, это когда-то было брендовым шмотом для будущей инста-дивы, а сейчас вещи выглядели так, словно их три часа жевала бешеная корова, а потом по ним топтался табун курьеров. Ткань шла такими жуткими, глубокими складками, что соваться в подобном виде в элитный университет было просто позором. Ляйсан, конечно, планировала как-то решить эту проблему, но утюга у неё, как назло, не водилось, а просить у соседей после утреннего перцового воя она банально побоялась.

Я вздохнула, поправляя халат. Накатила какая-то дурацкая общажная солидарность. Не идти же сожительнице в первый день как бомжаре с теплотрассы, в конце концов, лицо 402-й комнаты на кону. Надо было спасти репутацию.

Инструмента у меня в наличии не было, поэтому я решила прогуляться за помощью. Просочившись сквозь стену в соседнюю 406-ю, я застала деда Матвея за его любимым делом — он лениво гонял сквозняком помятый фантик по полу под кроватью спящих студентов.

— Слышь, Матвейч, — шепнула я, материализуясь в углу. — Утюга у твоих оболтусов нет случайно? Моей лакшери-мученице завтра на линейку, а шмотки такие, будто на них сидели.

Дед Матвей замер, перевёл на меня взгляд и вдруг беззвучно, гомерически расхохотался, схватившись за бороду.

— Утюг? У этих? Да они про такое слово не слышали, Мадам! — Матвейч подмигнул мне и резво нырнул куда-то под свой загробный плинтус в углу. — Но ты погоди. У меня тут для тебя кое-что получше есть. Настоящий раритет, едрёна вошь!

Спустя секунду дед с кряхтением выудил из невидимых закров тяжёлый, ядерный артефакт и с гордостью водрузил его на стол. Это была толстостенная, пузатая стеклянная бутылка из-под легендарного шмурдяка «Талас» с наполовину облезлой, пёстрой этикеткой.

Я уставилась на бутылку, и у меня даже бровь приподнялась от удивления.

— Слышь, Матвейч, — я подозрительно прищурилась на старика. — Ты же сам в советские годы преставился, когда тебя током шарахнуло. Откуда у тебя в заначке этот ядерный снаряд из двухтысячных?

Дед Матвей хитро ухмыльнулся в усы и победно звякнул стеклом:

— А вот места надо знать, Мадам! Общага — она штука общая, тут у каждого времени свои следы остаются. Я эту красавицу лет двадцать назад у местных студентов приватизировал, когда они тут знатно гуляли. Мы в свои студенческие годы только так и спасались, а метод-то сквозь поколения работает! Наливаешь внутрь крутой кипяток из чайника, берёшь за горлышко — и вперёд, как катком! Стрелки на брюках перед танцами выкатывали так, что порезаться можно было. Бери, девкам полезно классические технологии осваивать.

Я оценила масштаб инженерной мысли. Бутылка была знатная, гранит советского стеклоделия, переживший второе рождение в эпоху дикого капитализма. Перехватив чекушку за горлышко, я мысленно поблагодарила Матвейча и поплыла обратно на общую кухню. Там я со всеми мерами предосторожности дождалась, пока закипит общажный титан, аккуратно заправила «Талас» крутым кипятком под самое горлышко и вернулась в своё царство.

Работа предстояла ювелирная. Разложив мятую блузку Ляйсан прямо на высокобленном столе, я взяла горячую бутылку и принялась аккуратно, сантиметр за сантиметром, катать её по капризной ткани. Стекло под давлением моей ментальной силы шло мягко, пар шёл от влажной марли, которую я нашла под раковиной, а складки на глазах сдавались под натиском шмурдячного авторитета. Юбка тоже сдалась без боя. Минут через двадцать шмотки сияли такой идеальной, стрелочной глажкой, какой этот элитный университет арт-дизайна ещё не видал.

Закончив процедуру, я аккуратно повесила вещи обратно, а саму горячую чекушку «Таласа» с гордо выпяченной облезлой этикеткой поставила ровно по центру чистого стола. Чтобы утренний натюрморт был полным.

Утро началось со стандартного подрыва. Будильник на айфоне завязался мертвой петлёй, Ляйсан в панике подскочила на матрасе, судорожно соображая, что до выхода осталось пятнадцать минут. Она заметалась по комнате, подлетела к вешалке, готовая натягивать

мятую блузку и мысленно проклинать свою курьерскую жизнь... и замерла на месте.

Перед ними висели идеально, просто безупречно отглаженные вещи. Ни единой складочки, воротничок к воротничку, словно только что из дорогой химчистки.

Ляйсан ошарашенно похлопала глазами, решив, что у неё со сна начались галлюцинации. Она осторожно потрогала блузку пальцем — реальная. Тёплая ещё немного. Девка медленно, на деревянных ногах перевела взгляд на стол, ища хоть какое-то рациональное объяснение этому бытовому чуду...

И тут её инстаграмный мозг аннигилировал окончательно.

Прямо посреди идеальной столешницы, в лучах утреннего алматинского солнца, гордо высилась пустая бутылка из-под шмурдяка «Талас». Пёстрая этикетка весело подмигивала Ляйсан, словно намекая на тонкие исторические связи между классическим арт-дизайном и суровым общажным бытом.

Девка так и осталась стоять с открытым ртом, переводя взгляд то на идеальную блузку, то на чекушку из прошлого, пока остатки её зумерской логики тихо паковали чемоданы и уходили в закат. Когнитивный диссонанс ударил наотмашь. Счёт в нашей игре стал 2:0, и первый учебный день обещал быть незабываемым.

Ляйсан влетела в 402-ю комнату буквально на крыльях, сияя как новенький тенге. Первый день в университете прошёл просто идеально: брендовые шмотки сидели как влитые, стрелочки на юбке были острее бритвы, а однокурсницы из МУАД обзавидовались её лакшери-виду. В этой эйфории Ляйсан даже не заметила, что стоявшая утром на столе загадочная бутылка «Таласа» куда-то бесследно испарилась — девка просто напрочь забыла про неё, закинув сумку на кровать.

В этот момент в дверь негромко постучали, и на пороге нарисовались соседи из 408-й. Мадина приветливо улыбалась, держа в руках пустую пиалу:

— Ой, привет! Мы твои соседи. У нас тут сахар к чаю кончился, не одолжишь пару ложек? Следом за ней в комнату бочком просочился Айдос, у которого на буксире шёл трёхлетний сынишка. Но прежде чем посмотреть на Ляйсан, мужик испуганно обвёл глазами углы, завис взглядом на шкафу и на всякий случай вежливо поклонился в пустоту: — Салам алейкум... Добрый вечер этому дому.

Ляйсан от такого маневра удивлённо приподняла идеальную бровь:

— Э-э... Здравствуйте. А вы это сейчас кому?

Айдос резко вздрогнул, судорожно отмахнулся рукой и выдавил фальшивую улыбку, покрываясь холодным потом:

— Да так, не обращай внимания! Привычка общажная, местный этикет, так сказать! Чисто из уважения к стенам!

Пока Мадина весело щебетала с Ляйсан, насыпая сахар, мелкий пацанёнок вовсю

осваивал новую территорию. Он бегал по комнате, крутился возле стола, как вдруг замер и уставился прямо на верхушку шкафа. А там, закинув ногу на ногу, сидела довольная Мадам. Заметив пацана, она сперва погрозила ему пальцем, а потом состроила такую страшную, угарную гримасу, выпучив глаза, что мелкий аж подпрыгнул.

Он тут же с деловым видом подлетел к отцу, изо всей силы дёрнул его за штанину и громко потребовал:

— Папа, дай ухо! Секрет скажу! Нагнись!

Айдос послушно нагнулся, подставив ухо, и пацан на всю комнату восторженным заговорщицким шёпотом выдал:

— А вон та страшная тётя со шкафа сказала тебе про неё ничего не говорить! А то она тебя как в детстве по заднице нашлаёт! И рожу вот такую сделала! — мелкий изо всех сил перекошил лицо, повторяя мимику Мадам.

В комнате мгновенно повисла звенящая тишина. У Айдоса аж челюсть отвисла, а глаз мелко задергался. Мужик побледнел, медленно повернулся лицом к шкафу, судорожно сглотнул и на полушёпоте выдал в пустоту:

— А-а... Всё-всё-всё, я понял... Я тебя услышал. Всё хорошо.

Мадина, глядя на перепуганное лицо мужа, только весело хихикнула, качнув головой, и мило улыбнулась Ляйсан, забирая пиалу:

— Ой, ладно, побежали мы, а то у меня чайник выкипит. Спасибо за сахар! Айдос, пошли, не обращай внимания на него, вечно он выдумывает.

Соседи бодрым шагом эвакуировались в коридор, плотно прикрыв за собой дверь. Ляйсан осталась стоять посреди комнаты в полном ступоре, переводя взгляд с двери на пустой шкаф. В её инстаграмной голове крутилась только одна мысль: «Блин, кажется, мои соседи — какие-то капец странные сектанты». А Мадам на шкафу в этот момент уже просто лежала, утыкаясь лицом в колени от беззвучного загробного ржача.

Прошло два дня. Ближе к трём часам ночи по коридорам четвёртого этажа поползла липкая, душная хмарь. Потолок в крыле пошёл едва заметными тёмными разводами, а из узких щелей под плинтусами начали медленно выдавливаться склизкие, полупрозрачные тени. Грёбанные налётчики опять вышли на охоту.

Эти твари, двоедушники, появлялись в общежитии не то чтобы каждую ночь, но с завидной регулярностью — стабильно раз в пару недель, как по расписанию. Днём они маскировались под обычный, безобидный сор: шуршали пылью по углам, прикидывались скрипом старых половиц или безобидным сквозняком. Жильцы их не замечали, списывая всё на дряхлость здания. Но стоило этажу погрузиться в глубокий сон, как изнанка этих паразитов лезла наружу.

В этот раз хитрожопые налётчики решили не соваться к 402-й комнате, прекрасно зная крутой нрав Мадам. Вместо этого они устроить рейд на 406-ю комнату, где беззаботно дрыхли два студента-балбеса. Твари просочились сквозь дверные щели, облепили кровати парней и принялись жадно крутить им лютые кошмары, высасывая энергию страха. Пацаны во сне начали глухо стонать, метаться по подушкам и покрываться холодным потом.

Дед Матвей, обходивший дозором свои углы, эту суету прочухал мгновенно. Поняв, что в одиночку стаю обнаглевших паразитов ему не разогнать, он рванул по коридору и буквально влетел сквозь деревянную дверь в 402-ю, где Мадам сидела на подоконнике.

— Мадам, свистать всех наверх! — зашипел дед, судорожно размахивая руками. — Налётчики опять припёрлись, черти хитрожопые! В четыреста шестой пацанов душат, жилы из них тянут! Задолбали уже, никакого покоя от них нет!

Мадам от этих слов аж скривилась. Лицо её потемнело от злости: эти паразиты со своими регулярными набегами уже сидели у неё поперёк горла. Каждый раз одно и то же — только общага затихнет, эти твари лезут из всех щелей, пытаются отжать себе кусок территории.

— Да сколько можно-то, а? — процедила она сквозь зубы, соскакивая с подоконника. — Никакого уважения к чужому отдыху. Пошли, Матвейч, устроим им раздачу.

Они вдвоём пулей вылетели в коридор. Стоило Мадам только рывкнуть на ходу, как двоедушники в 406-й мгновенно почуяли угрозу. Стая паразитов, бросив недоеденных студентов, испуганно брызнула из комнаты. Но вместо того чтобы бежать к лестнице и убираться вовремя, эти трусливые твари стадом ломанулись обратно по коридору — прямо в сторону 402-й. Они наивно надеялись, что смогут забиться в углы её комнаты, разбежаться по щелям или спрятаться за спиной спящей Ляйсан, к которой Мадам в последнее время проявляла жалость.

Твари плотной серой массой протиснулись под дверь и влетели в комнату Ляйсан. Девка спала без задних ног, уткнувшись носом в подушку после тяжёлого дня, и даже близко ничего не слышала. Двоедушники заматались в панике, пытаясь спрятаться. Один с ходу юркнул в шкаф, а второй пластом залёг под кровать.

Мадам влетела следом, с ходу заблокировав за собой дверь. Всесильной она, конечно, не была, и этот бесконечный бой с паразитами её саму уже знатно вымотал, но законы своей комнаты она знала назубок. Решив не тратить время на долгие разборки, она просто мгновенно переместилась прямо внутрь платяного шкафа. Тварь, сидевшую там в темноте, даже пикнуть не успела, как перед ней из ниоткуда соткалось злое лицо Мадам. Она плотоядно ухмыльнулась, хищно щёлкнула зубами, демонстративно облизнулась и утробно прошептала на всю темноту:

— О-о-о, бесплатный шашлычок пришёл...

Мадам выдала налётчику такую лютую, парализующую гримасу, выпучив глаза, что тот от ужаса разом потерял всю свою серую форму. Тварь со страху сдулась в бесформенный комок и с диким писком вылетела сквозь щель дверцы обратно в комнату.

Мадам тут же бесшумно оказалась возле кровати. Наклонившись, она хладнокровно запустила руку под матрас, поймала второго двоедушника за лапу и с силой вытащила его наружу. Держа извивающегося паразита на весу, она приблизила его к своему лицу и с ехидной, хищной усмешкой прошептала ему прямо на ухо:

— О-о-о, какой вкусенький... Ну что, на бульон пойдёшь?

У твари от такого расклада окончательно сдали нервы. Лишённые подпитки и прижатые к ногтю, оба двоедушника стремительно обмякли, превращаясь обратно в обычные, серые комья пыли. Мадам брезгливо крутанула пальцем в воздухе, организовав резкий, бесшумный поток ветра, и остатки размазанных паразитов просто вынесло сквозь

закрытую форточку прямо на улицу.

Там, на козырьке, как раз сидел Санёк. Поймав лицом тучу серой общажной хмари, он смачно чихнул, чертыхнулся и крикнул куда-то вверх, в темноту окна:

— Мадам, блин! Ну предупреждать надо! Опять своих налётчиков вытряхиваешь? Весь прикид мне заговняли!

Мадам только устало фыркнула, присаживаясь обратно на подоконник и разминая затёкшую шею. Одним налётом меньше, но она прекрасно знала, что через пару недель эти хитрожопые твари накопят сил и снова полезут из подвальных щелей. Общажная изнанка никогда не спала долго.

Мадам устало фыркнула, закрывая форточку, и тяжело опустилась обратно на подоконник. Дед Матвей со вздохом примостился на край старого стула, вытирая несуществующий пот со лба, и принялся привычно бухтеть:

— Блин, ну вот мирная же общага была! Обычная малосемейка, люди тихие, никто никого не пробивал, жили себе спокойно... И вот откуда эти скотины берутся только на этаже?!

Ладно бы ещё на районе, там понятно — вечно на углу какие-нибудь пьяные дебоши устроят, орут, заборы ломают, караул кричат. Но эти-то гады куда лезут? Задолбали уже, честное слово, никакого покоя. Может, их святой водой тут окропить, а, Мадам?

Мадам согласно кивнула и со своей фирменной циничной ухмылкой выдала:

— Ага, давай, окропи. Чтобы здесь опять воняло, как в прошлый раз? Помнишь, были тут такие Умники религиозные, набрызгали своей воды? Так потом целую неделю по всему этажу тухлятиной и гарью воняло, дышать вообще было нечем, у меня чуть пар из ушей не пошёл. Нет уж, обойдёмся без кадила.

Она повернула голову к окну, провожая взглядом ночную мглу.

— В моё-то время здесь вообще тишина была, — с чёрным юмором добавила Мадам. — Чистый упокой, любо-дорого посмотреть. Все спали как миленькие, никто чужую кровь по ночам не пил. А сейчас эти налётчики из всех щелей прут, в уши дышат. Реально, хоть бери загробный dust и все плинтуса тут посыпай, чтоб у них шкура облезла. Гады, сил на них нет.

Дед Матвей только тихонько захихикал в усы, качая головой. За стеной общага продолжала жить своей привычной, суетливой жизнью, и оба они прекрасно знали, что эта тишина — лишь временная передышка перед новым раундом.

Прошёл месяц с тех пор, как Ляйсан поступила в университет и обжилась в 402-й комнате. Страх перед «странными соседями» поутих, лакшери-жизнь студентки МУАД была ключом, и в один из солнечных выходных дней девка окончательно расслабилась. Погода за окном стояла отличная, птички пели, и Ляйсан, валяясь на кровати, лениво трындела по телефону с однокурсницей, строя грандиозные планы:

— Да ладно тебе, к нему в квартиру тащиться? Зачем? Пойдём лучше ко мне в общагу! У меня комната свободная, никого нет. Соберёмся чисто своей толпой, пацанов позовём, устроим нормальную вписку, погудим как надо! Чего ты сомневаешься-то?

Мадам, только что вернувшаяся в комнату, замерла у шкафа. Слушая этот восторженный трёп про вписку и пацанов, она аж перекосилась от безразличия. Её призрачные ноздри

гневно раздулись, а на лице проступила опасная ехидная гримаса. На чистом немецком языке, со своим тяжёлым загробным акцентом, она глухо процедила в пустоту:

— Scheiße... Развелось тунеядцев. Я здесь бордель и свинарник устраивать не позволю! Ничего не подозревающая Ляйсан тем временем кинула мобилу на кровать и летящей походкой направилась в туалет — тот самый, который когда-то соорудили из бывшей тёмной кладовки. Зашла, прикрыла за собой дверь и повернула защёлку.

И вот тут план «Бандит» включился на полную мощность. Мадам действовала как матёрый диверсант. Сначала она без единого звука полностью обрубил свет в туалете. Ляйсан внутри замерла в крошечной тьме:

— Блин, опять проводка в этой дыре полетела, задолбало... — заворчала она и дёрнула ручку двери, чтобы выйти.

Но дверь не поддавалась ни на миллиметр. А всё потому, что с той стороны, в гробовой тишине, Мадам аккуратно придвинула старый, тяжёлый советский стул вплотную к двери, которая открывалась наружу, в комнату. Пышнотелая покойница с ехидной улыбкой усадилась на сиденье, закинула ногу на ногу и врубила свой призрачный вес на максимум, сделав конструкцию неподъёмной, как гранитная плита на кладбище. Попробуй сдвинь.

Ляйсан изнутри сначала просто жала на ручку. Потом начала толкать плечом, но дверь будто наглухо приварили к косяку. Телефона с собой нет — остался на кровати. Вокруг — глухая, плотная дневная темень и тишина. У девки началась конкретная паника. Месяц относительного спокойствия вылетел из головы за секунду. Она принялась колотить кулаками в деревянное полотно, кричать и умолять о помощи, а Мадам на стуле только ехидно ухмыльнулась, качая ножкой в такт её ударам. Воспитательный час начался.

Спустя ровно час, когда Ляйсан внутри уже охрипла и тихо всхлипывала от скуки и ужаса, Мадам сочла урок оконченным. Она бесшумно встала, стул сам собой отъехал в сторону, а замок тихо щёлкнул.

Дверь распахнулась, и Ляйсан буквально вывалилась в залитую солнцем комнату — зелёная, зарёванная, с размазанной тушью. Она испуганно огляделась, но в комнате, естественно, никого не было. Девка судорожно подлетела к кровати, схватила телефон дрожащими руками и увидела светящийся экран. Там висело пропущенное сообщение от подружки:

«Короче, Ляська, не обижайся, но у тебя в общаге полная херня, атмосфера какая-то давящая и стрёмная. Мы подумали и решили квартиру посуточно снять. Так что отбой, к тебе не пойдём».

Мадам, сидевшая на шкафу, внимательно прочитала текст через плечо девки, облегчённо выдохнула, перекрестилась и загробным шёпотом выдала на всю комнату:

— Фу-у-у, бля... Пронесло.

Пятница началась с тотального, безумного балдёжа. Для Ляйсан это был не просто конец учебной недели, а день официального посвящения в студенты МУАД. На радостях девка устроила в 402-й комнате такой хаос, будто собиралась не на студенческую пьянку, а минимум на красную ковровую дорожку.

Музыка из беспроводной колонки орала на всю катушку, комната была завалена шмотками, на тумбочке дымилась плойка, а сама Ляйсан, сияя от счастья, скакала перед зеркалом. Она выводила километровые стрелки, красила губы и брызгалась духами с таким фанатизмом, что вокруг неё образовалось плотное, удушливое облако парфюма. Сегодня её ждал великий день: сначала официальная часть, потом посвят, а следом — обещанная однокурсниками масштабная вписка с танцами до упаду и всем сопутствующим весельем.

Мадам сидела в своём любимом кресле возле настёжь открытого окна. Она демонстративно вытягивала шею наружу, шумно втягивала ноздрями уличный воздух, делая вид, что пытается дышать, а потом картинно кашляла, маша ладонью перед носом. — О боже, — ехидно комментировала Мадам со своим тяжёлым немецким акцентом, косясь на прыгающую девку. — Она хочет отравить всё живое на этом этаже ещё до начала своей вечеринки? Мои невидимые лёгкие сейчас просто откажут. Куда ты столько мажешь на лицо, майн готтинь... Ты собираешься на праздник или хочешь напугать моих коллег на кладбище?

В этот момент сквозь закрытую дверь в комнату неспешно завалил дед Матвей — чисто зашёл в гости, посидеть да перетереть последние общажные новости. Оценив масштабы праздничного бедствия, дед аккуратно примостился на край старого стула, почесал затылок и добродушно заворчал, глядя на Ляйсан с чисто дедовским, тёплым стёбом: — О-о-о, Мадам, ты глянь, как фифа наша вырядилась! Прямо королева малосемейки, ни дать ни взять. Глаза нарасила, шпильки эти нацепила... Это сейчас у них всё модно, богато — рестораны, клубы, квартиры эти съёмные посуточно, вписки-расписки... А помнишь, Мадам, как в наше-то время всё соображали?

Дед Матвей весело хихикнул в усы, ностальгируя на всю комнату:

— Нашли в коридоре свободный угол, газетку на полу расстелили, килечку в томате открыли, картошечки в мундире наварили — и всё, уже праздник! Где посидеть сообразили — уже хорошо! А дальше схема простая: попели, потанцевали, подрались, разошлись по комнатам — вот тебе и весь посвят! И ведь весело же было, душевно! А сейчас — эх, буржуи, одно слово.

Мадам, поймав дедовскую волну, согласно закивая из своего кресла и хихикнула, наблюдая, как Ляйсан со вдохом пытается застегнуть на себе дико узкое, но жутко модное платье:

— Ja, Ja, Матвейч! И не говори, золотые были времена. Танцевали, подрались, разошлись — чистый кайф, и никакого свинарника в комнатах, все сразу ложились в упокой. А эта сейчас надушилась — у меня аж в горле першит, хотя у меня его нет! Куда пошла на таких ходулях? Она же на первой нашей лестнице ноги себе переломает, обратно на руках понесут.

Ляйсан, естественно, весь этот загробный консилиум не слышала из-за орущих басов в колонке. Она победно застегнула молнию, крутанулась перед зеркалом, схватила сумочку и, сияя от предвкушения лучшей ночи в жизни, пулей вылетела из комнаты, громко хлопнув дверь.

В 402-й наконец наступила благословенная тишина, прерываемая лишь шумом машин из открытого окна.

Дед Матвей проводил дверь взглядом, покачал головой и тихо вздохнул:

— Эх, молодо-зелено... Ну, пускай бежит, празднует. Главное, чтоб хахалей своих сюда под утро не приволокла.

Мадам проводила взглядом улетающее облако девичьих духов, ехидно прищурилась и похлопала ладонью по подлокотнику кресла:

— О, пусть только попробует. Тяжёлый стул у двери, туалет работает, свет отключается по щелчку. Воспитательный профилакторий готов к работе круглые сутки.

Около половины пятого утра в коридоре четвертого этажа раздалось подозрительное шуршание, глухой стук о косяк и тихое, счастливое хихиканье. Дверь 402-й комнаты медленно приоткрылась, и внутрь не пришла, а буквально приползла Ляйсан.

Первое в её жизни знакомство с алкоголем прошло сверхуспешно. Коварный студенческий шампусик ударил в башку так, что ноги напрочь отказались служить. Фифа из МУАД представляла собой незабываемое зрелище: модные туфли-ходули она держала в одной руке, сумочка волочилась по полу, дорога тушь живописно размазалась по щекам, но улыбка на лице блуждала блаженная и абсолютно невменяемая. Девка была довольная как ёжик. На автопилоте добралась до кровати, она рухнула туда бревном прямо в узком платье и затихла, ловя первые в жизни вертолёты.

Мадам, сидевшая в своём кресле, при виде этой картины сначала безмолвно открыла рот, а потом просто сползла на пол от хохота. Её сорокалетний загробный цинизм дал трещину — покойница заливалась так, что призрачные слёзы из глаз текли. Она принялась вовсю звать деда сквозь стену:

— Матвеич! Шнеллер! Бегом сюда, ты должен это видеть!

Дед Матвей материализовался в комнате через секунду, испуганно озираясь, но, заметив пьяное тело на кровати, облегчённо выдохнул и примостился на стул.

— О-о-о... Приплыла наша фифа, — ухмыльнулся дед, качая головой. — Хорош посвят, знатный. Слышь, Мадам, ты бы присмотрела за ней, а? За шторм её сейчас примет, неровен час, убирать за ней придётся... Иди вон, тазик принеси или подотри, если что.

— Ага, сейчас! Разбежалась! — Мадам аж руками замахала, утирая нос сквозь смех и возвращаясь в кресло. — Я ей что, горничная? Сама в туалет побегает, ножками, полезно для физкультуры! Заодно хмель выветрится.

Она скрестила руки на груди, с превосходством посмотрела на икающую Ляйсан, ехидно подмигнула деду и разоткровенничалась:

— Слушай, Матвеич, короче... Просыпаюсь я как-то с утра после такой же дискотеки — голая! Вещи вообще все по комнате ровным слоем разбросаны. Я вообще не помню, как я раздевалась! Походу, когда домой пришла, прямо на ходу с себя всё скидывала по всему дому, ха-ха! Это хорошо ещё, что я тогда одна жила, никто этого позора не видел. Короче, просыпаюсь, голова намертво застряла под подушкой. Кое-как её вытаскиваю — а подушка вся в губной помаде! Я с ней ночью, видать, очень хорошо и страстно поцеловалась. Лицо, естественно, тоже всё в этой помаде размазано. Лежу, смотрю в потолок и вообще понять не могу с утра: кто я такая, что я такое и что я здесь вообще потеряла?! Ха-ха-ха!

Мадам сокрушённо вздохнула, возвращаясь взглядом к Ляйсан, и добавила:

— Так что эта хоть в платье до кровати дошла, прогресс! Но как же жалко, Scheiße, что я с

некоторыми вещами взаимодействовать не могу! Настолько плохо, что аж обидно. Я бы сейчас у этой дуры телефон спёрла или камеру какую, чтобы весь этот позор отснять! Мы бы ей потом это кино каждое утро крутили в качестве профилактики.

Ляйсан на кровати что-то невнятно пробормотала, перевернулась на бок и сладко захрапела, даже не подозревая, какой жёсткий компромат на неё только что пытались собрать. Старые призраки ещё немного похихикали над молодой бестолочью, и в комнате наконец воцарилась тишина до самого позднего, тяжёлого похмельного утра.

Ближе к полудню Ляйсан наконец зашевелилась. Башка у неё трещала так, будто по ней всю ночь топтался табун лошадей, а во рту поселилась сухая, безжизненная Сахара.

Девка с трудом продрала глаза и уставилась в потолок. Вид у неё был — краше в гроб кладут: лицо зелёное, как первая весенняя трава на улице, тушь окончательно въелась в кожу, а на голове красовался дикий взрыв на макаронной фабрике.

Мадам к этому моменту уже вовсю развлекалась. Сидя в своём кресле, она умудрилась проверить целую спецоперацию — используя всю свою призрачную концентрацию, кое-как дотолкала по столу стакан, нашла на полке Ляйсан пакетик лимонной кислоты и банку с сахаром, сотворив ядрёный антипохмельный коктейль.

Заметив, что мелкая пигалица подала признаки жизни, Мадам обернулась к деду Матвею, который преспокойно сидел рядом на стуле, и громко, ехидно зашептала на всю комнату: — Слушай, Матвеич, тебе не кажется, что наша красавица проснулась? Ты только посмотри на неё! Мне кажется, в её глупой башке сейчас что-то с чем-то перемешалось. Интересно, она помнит, под каким кустом свои туфли нашла?

Ляйсан тяжело перевернулась на бок, обняла подушку и жалобно, со слезами в голосе, прохрипела в пустоту:

— О-о-о-ой, мамочки... Я больше никогда... никогда в жизни пить не буду... Убейте меня кто-нибудь...

Мадам в кресле аж подпрыгнула от коварного удовольствия и запричитала со своим тяжёлым немецким акцентом:

— Да-да-да! Пить она больше не будет! Слышали мы это уже раз триста. Все вы, малолетние тунеядцы, по утрам одинаковые песни поёте, а в следующую пятницу опять на бровях ползаете!

Ляйсан, ловя лютый сушняк, попыталась сфокусировать зрение и вдруг заметила на тумбочке прямо возле кровати стакан с мутноватой жидкостью. Ей было уже абсолютно плевать, откуда он там взялся и кто его налил — выжить хотелось сильнее. Девка судорожно сцапала стакан дрожащими руками и в несколько жадных глотков высадила его до самого дна. Шипучая кислота мгновенно обожгла горло, Ляйсан смешно сморщилась, забавно задвигала носом, но в ту же секунду почувствовала, как по телу разлилось долгожданное облегчение, а туман в голове начал понемногу рассеиваться. Она сидела на кровати, тупо глядя на пустой стакан, и до её отравленного алкоголем мозга наконец начала доходить странная мысль. Девка нахмурилась и пробормотала под нос:

— Так, подожди... А откуда здесь вообще взялась вода? Я же вчера сразу на кровать упала...

Дед Матвей весело подмигнул Мадам, и они в один голос, с самым ехидным и довольным

видом, выдали в пустоту комнаты:

— А это тебе, чучело, заботливые соседи налили! Скажи спасибо, что жива осталась! Ляйсан испуганно захлопала ресницами, озираясь по углам пустой солнечной комнаты. По спине у неё пробежала мелкая похмельная дрожь: до девки медленно, но верно доходило, КТО именно её сегодня откачал.

Спустя пару часов Ляйсан немного оклемалась, кое-как поползла до душа, смыла размазанную тушь и теперь сидела на кровати — бледная, несчастная, но уже способная держать в руках телефон. В этот момент мобильник ожил, и девка хриплым голосом ответила на звонок подружки.

Мадам, вальяжно сидевшая в своём любимом кресле у окна, сразу же наострила свои призрачные уши. Дед Матвей тоже придвинулся ближе, с любопытством слушая жалобное похмельное сопение Ляйсан:

— Да... привет... — стонала девка в трубку. — Капец мне, девки... Башка просто раскалывается, вертолёты до сих пор ловлю. Я вообще не помню, как до общаги добралась... Что? Какая водка? Мы ещё и водку пили?! Блин, точно... Мы же её в шампанское доливали, когда вино закончилось... О-о-о-ой, мамочки, зачем мы всё это смешали... Меня сейчас опять стошнит...

Слушая этот чистосердечный доклад, Мадам сначала округлила глаза, а потом ехидно ухмыльнулась, повернувшись к деду Матвею. Сорокалетняя покойница закинула ногу на ногу и со своим тяжёлым немецким акцентом громогласно выдала на всю комнату:

— О-о-о, Матвейч, ты слышал?! Они сделали «ёршику»! Смешали всё, что можно и нельзя, понизили градус, повысили градус — полный интернационал в желудке! Настоящий хтонический подбой! Теперь понятно, почему она у нас зелёная, как весенний укроп. Наверняка же весь этот ад даже не закусывали! Просто водичкой из-под крана запивали, ха-ха! Экономии на закуске, лакшери-студентки, майн готт! Это ещё очень хорошо, Ляська, что у тебя организм молодой и крепкий, а то не добежала бы ты до белого друга, ох не добежала бы!

Ляйсан, естественно, их не слышала, но отчего-то судорожно сглотнула, поспешно попрощалась с подругой и испуганно покосилась на закрытую дверь туалета. Организм внутри предательски заурчал, напоминая о ночных подвигах, и девка, вжав голову в плечи, тихонько поползла в сторону коридора, твёрдо пообещав себе больше никогда в жизни не притрагиваться к шампанскому.

К вечеру Ляйсан наконец-то окончательно очухалась. Зелёный оттенок с лица сошёл, вертолёты улетели, и девка, тихо вздыхая, мирно пила чай на кровати, боясь лишний раз пошевелиться после утреннего хтонического похмелья.

Мадам вальяжно сидела в своём кресле у открытого окна, потягивала воображаемый кофе и довольно зажмуривалась. На этаже и в комнате наконец-то воцарился идеальный, каноничный орднунг. Покойница мысленно уже праздновала победу, думая, что после убойного студенческого «ёрша» в 402-й комнате наконец-то наступит благословенная тишина и долгожданный упокой.

В этот момент на тумбочке громко вильнул вибросигнал телефона. Ляйсан лениво

потянулась за мобилой, разблокировала экран, вчиталась в текст сообщения и... мгновенно подавилась чаем, зайдясь в диком кашле. Глаза у неё стали размером с советские рубли, а лицо снова приобрело утренний мертвенно-бледный вид. На экране светилось короткое СМС от мамы:

«Доча, привет! Я тут подумала и решила завтра утром приехать к тебе в общагу навестить на пару дней, погляжу, как ты там устроилась. Скоро буду на вокзале».

Мадам, из чистого призрачного любопытства зависнув прямо над плечом девки, прочитала строчки на экране и замерла на долю секунды. А потом её просто разорвало. Хвалёная немецкая сдержанность полетела к чертям — Мадам рухнула обратно в своё кресло и начала ржать как конина на всю малосемейку, катаясь от безумного, громогласного хохота и вытирая призрачные слёзы.

— Матвейч! — сквозь конский гогот закричала она, содрогаясь всем своим пышным загробным телом. — Шнеллер, Матвейч, бегом сюда! Я сейчас второй раз сдохну от смеха, майн готт!

Дед Матвей привычно просочился сквозь стену, удивлённо почёсывая бороду при виде такой дикой истерики со стороны всегда строгой соседки.

— Чего ржёшь как лошадь, Мадам? Чего орёшь на весь этаж?

— Смотри на это чучело! — Мадам, задыхаясь от смеха, ткнула пальцем в Ляйсан, которая уже в полной панике заметалась по комнате, хватаясь за голову. — Я-то думала, у нас тут тишина и упокой наступят, ага, щас! Вот тебе, мелкая пигалица, была одна проблема с утра в туалете, а вот тебе вторая нарисовалась, да ещё какая! Маман едет! Контрольный выстрел в её лакшери-жизнь!

Ляйсан её, естественно, не слышала, но её трясло так, будто по общежитии объявили эвакуацию. Девка в ужасе начала соображать, что через несколько часов сюда зайдёт самый строгий ревизор в её жизни. Она принялась хаотично бегать по углам: судорожно пихать под кровать разбросанные грязные шмотки, соскребать с тумбочки пустые коробки из-под дошираков, оттирать зеркало и пытаться замаскировать следы того, что по факту просто не убрала или забросила. По старой школьной традиции всё, что Ляйсан не успела растолкать по местам, она тупо сгрела в охапку, зашвырнула глубоко под кровать и быстро завалилась спать. После этого в комнате наступила короткая ночная тишина. Утром Ляйсан пулей влетела в туалет и принялась с бешеной скоростью драить зубы, выливая на щётку половину тюбика ядрёной мятной пасты, лишь бы намертво убить любой намёк на вчерашний перегар.

И тут на пороге нарисовалась маман.

Сперва всё было тихо. Мама вошла, по-хозяйски огляделась, пока Мадам из кресла внимательно изучала её придирчивый взгляд. Родительский прессинг не заставил себя долго ждать — мамаша, обладавшая замашками старого прожжённого завхоза и тяжёлым характером окружного прокурора, быстро включила привычный режим работы и начала с ходу наезжать на притихшую деваху.

— Ну и где отчёты по деньгам? Куда бабки деваешь? Что с учёбой, опять хвосты? Третье, восьмое, десятое...

Начался тотальный вынос мозга и допрос с пристрастием. Мамаша ходила по комнате, высматривала мусор, подозрительно косилась на углы и строго допытывалась про

пацанов: таскает кого в комнату или нет. Ляйсан стояла бледная как смерть — похмелье ещё давало о себе знать, да и подготовиться ко всему на свете она физически не успевала, учёба в МУАД всё-таки штука суровая, косяков хватало. Ляйсан молча сносила удары, ведь она призраков не видела и не слышала, а потому надеяться ей было абсолютно не на кого.

И тут наступил самый жуткий момент. Мамаша строго прищурилась и решила заглянуть под кровать — вдруг девка там прячет бутылки, заначки или грязных мужиков.

Ляйсан внутренне похолодела и зажмурилась, мысленно прощаясь со стипендией, свободой и лакшери-жизнью. Сейчас маман найдёт там весь скомканный хлам и устроит ей показательную казнь.

Мать решительно нагнулась, заглянула под кровать... и замерла. Там было абсолютно пусто. И тишина. На чистом линолеуме не осталось ни одной шмотки, ни одной коробки и даже ни единой пылинки, будто здесь только что прошлся отряд профессиональных уборщиков.

Не поверив своим глазам, мамаша резко выпрямилась и кинулась к шкафам, надеясь откопать тайные заначки, припрятанные деньги или недоеденный доширак. Она рывком распахнула дверцы, но и там её ждал полный облом: все вещи были аккуратно, идеально сложены по стопочкам, чисто постираны и приведены в идеальный порядок. Пока Ляйсан спала и чистила зубы, Мадам с дедом Матвеем, дико угарая, с помощью призрачной силы перетаскивали весь мусор в надёжное место, а шмотки разложили по линейке — чисто назло зловредной мамаше, чтобы обломать ей весь повод для наезда.

Мамаша застыла посреди комнаты, удивленно переводя взгляд со шкафа на кровать, и недоверчиво выдала:

— Это что ещё такое?.. Ты что, за собой следить, что ли, начала? С ума сойти.

Ляйсан сама стояла с открытым ртом, круглыми глазами глядя на эту стерильную чистоту. Студентка мгновенно поняла, что за счёт этой невероятной потусторонней уборки её авторитет в глазах матери только что взлетел до недостижимых высот. Она медленно перевела взгляд на кресло, где Мадам, уже сев нормально, ехидно подмигивала ей и беззвучно шевелила губами: «Скажи спасибо соседям, чучело!». Девка, которая по-прежнему ничего этого не видела, судорожно сглотнула, попыталась вернуть лицу уверенный вид и робко пискнула:

— Ну... да, мам... Я же взрослая уже. Сама всё убираю...

Три дня маминого контроля превратили жизнь в 402-й комнате в затяжной, изнурительный кошмар. Ляйсан ходила по струнке, бледная и задолбанная, потому что родительский прессинг не прекращался ни на минуту: то она тарелку не так помыла, то свитер не так сложила, то вообще «нормальные девахи так себя не ведут, лакшери-жизнь из тебя так и прёт, третье, восьмое, десятое!».

Мадам поначалу даже радовалась. Сидя в своём кресле, покойница сыто зажмуривалась от запаха нормальных домашних обедов, борщей и котлет, которые маман вовсю наготавливала на плитке. За сожительницей ухаживали, комната блестела, но к исходу третьего дня этот бесконечный, занудный материнский бубнёж допёк даже мёртвых. От

вечных нотаций у Мадам начала сдавать её призрачная нервная система.

— О боже, Матвейч, — простонала покойница, сползая по спинке кресла и затыкая уши невидимыми ладонями. — Эта баба меня окончательно задолбала! Она пилит и пилит, пилит и пилит без остановки! Мой призрачный мозг сейчас просто взорвётся. У меня уже дикое желание устроить ей в этот последний день трансляцию ужасов на полную катушку! Я ей ночью такие спецэффекты устрою, со светом и летающими кастрюлями, что она у меня до вокзала без тапок бежать будет! Сколько можно на девку орать?

Дед Матвей, преспокойно сидевший на подоконнике, весело хмыкнул в усы и покачал головой:

— Да ладно тебе, Мадам, пускай доготовливает, котлеты-то знатные вышли. Но наезжает она на Ляську, конечно, сурово, живого места не оставила.

Мадам отлепила руки от ушей, ехидно прищурилась, посмотрела на замученную студентку и выдала со своим коронным немецким акцентом, собственнически похлопав по подлокотнику своего кресла:

— Не-не-не, Матвейч! Хватит с неё, пускай домой едет! В конце концов, эта комната — моя территория, а наша красавица — это вообще-то наше мясо! Мы её тут в 402-й комнате сами кусаем, воспитываем и стебём, как нам надо! А тут приехала какая-то конкурентка, понимаешь, и отбирает наш законный хлеб!

Мадам сама зашла от своего ехидного подкола и снова оглушительно заржала на всю комнату:

— Ха-ха-ха! Наше личное мясо! Кусать Ляську имеем право только мы, по прописке, майн готт!

Дед Матвей тоже не выдержал и весело захихикал в кулак, соглашаясь с такой призрачной делёжкой прав на деваху.

Ляйсан в этот момент уныло ковыряла вилкой в тарелке, слушая очередную лекцию мамы о правильном поведении в обществе. Девка была настолько морально уничтожена проверками, что даже не заметила, как за её спиной две призрачные субстанции вовсю угарали над её участью. Мечтая только об одном — чтобы этот родительский контроль поскорее закончился, Ляська шёпотом пообещала себе, что как только за мамой закроется дверь и она уедет на вокзал, она первым делом купит огромный торт — чисто в одно лицо отпраздновать этот великий день освобождения.

Ночью в 402-й комнате воцарилась зловещая тишина. Ляйсан дрыхла без задних ног, умотанная трёхдневным родительским контролем, а вот маман ворочалась на раскладушке, и снился ей знатный, хтонический кошмар.

Ей снилось, будто она идёт по тёмному, бесконечному общажному коридору, заходит на кухню, а там — никого, только гробовая тишина и густой полумрак. Мамаша во сне подходит к столу, тянется к чашке, и вдруг из темноты начинает нарастать странный, вибрирующий гул.

В этот самый момент в реальной комнате Мадам решила, что пора сворачивать эту лавочку родительского прессинга. Загробная хозяйка 402-й вальяжно подплыла к столу, сконцентрировала всю свою призрачную энергию и взяла в руки стакан. А во вторую руку — чайную ложку.

Дед Матвей уселся на спинку кресла, приготовившись смотреть бесплатное кино, и

довольно зажмурился.

Мадам прищурилась, навела свой самый жуткий, утробный взгляд на спящую на раскладушке тётку и начала легонько постукивать ложкой по стеклу:

— Дзынь... дзынь... дзынь...

Во сне у мамыши этот звук мгновенно срезонировал. Ей привиделось, будто ложка сама по себе зависла над столом и бьёт по стакану. Мамаша в ужасе оборачивается, а в углу кухонного полумрака материализуется бледный силуэт Мадам, которая смотрит прямо на неё в упор, медленно подносит палец к губам и беззвучно наводит дикую, парализующую жуть.

А в реальности Мадам вошла во вкус и принялась ускорять темп, усиливая звук на всю комнату:

— Дзынь-дзынь-дзынь-дзынь!

В ушах у спящей мамы этот звон начал разрастаться до колокольного набата, вибрируя прямо в черепушке. Атмосфера кошмара накалилась до предела. Не выдержав такого бесконтактного полтергейста, мамаша с диким хрипом подскочила на раскладушке, тяжело дыша и обливаясь холодным потом.

В комнате было темно и тихо. Ляйсан мирно посапывала на кровати. На столе абсолютно неподвижно стоял обычный стакан, а рядом лежала ложка. Никаких призраков видно не было — Мадам с дедом Матвеем уже тихонько угарали в углу, довольные произведённым эффектом.

Мамаша судорожно сглотнула, натянула одеяло до самого носа и уставилась в потолок, с ужасом считая минуты до утреннего поезда. Режим прессинга был официально ликвидирован.

Утром мамаша собиралась на вокзал в полной тишине. Вид у неё был краше в гроб кладут: из-за ночного интерактива от Мадам тётка встала с дикими красными глазами, дёргающимся веком и стойким ощущением, что в этой общаге творится какая-то чертовщина. Ляйсан, у которой сегодня по факту не было учёбы, вызвалась проводить её до автобуса — девке самой нужно было бежать на подработку.

На остановке перед прощанием мамаша вдруг резко сменила гнев на милость. Куда только делся весь трёхдневный прессинг. Она обняла Ляйсан, заглянула ей в глаза и заговорила на удивление любезно, ласково, чуть ли не со слезами на глазах:

— Доченька, ты у меня такая умница... Я так тебя люблю, обожаю просто! Следи за собой, кушай хорошо, золото моё...

Ляйсан от такой внезапной нежности впала в тотальный ступор. Она стояла с отвисшей челюстью и вообще нифига не понимала, с чего вдруг маман так резко перекрыло от тотального контроля к безумной любви. А мамаша, наспех чмокнув дочку в щёку, запрыгнула в автобус и, как хороший паровоз, помчалась в сторону вокзала, лишь бы поскорее оказаться подальше от этой проклятой 402-й комнаты.

Спустя сутки, когда маман наконец доехала до дома, на мобильник Ляйсан раздался звонок. Девка к этому времени уже сидела в комнате, празднуя свободу.

— Ляйсан! — раздался в трубке панический, но строгий голос матери. — Я тебе так скажу: я к тебе в эту общагу больше ни ногой! Вообще к тебе больше не приеду! Я там три дня спать нормально не могла, у меня голова раскалывается, а ночью... ночью там вообще

кошмар какой-то творился! Стаканы звенели, ложки летали!

Ляйсан только глаза округлила:

— Мам, ты чего? У меня чистая комната, общага образцового порядка, какая мистика?

— Ничего не знаю! — отрезала мать, которая теперь свято верила во все существующие сглазы, заговоры и потусторонние силы. — Комната-то у тебя чистая, а вот место проклятое! Сама ко мне домой приезжай, а я в этот ад больше не сунусь!

Мадам, которая в этот момент вальяжно сидела в своём кресле и внимательно слушала этот телефонный спич через плечо девки, от такого финала даже заржать не смогла. Настолько это было сильно. В строгой, язвительной покойнице в этот миг проснулся настоящий внутренний ребёнок — она расплылась в такой блаженной, искренней улыбке до ушей, что призрачные щёки затрещали, а из глаз от абсолютного, чистейшего детского восторга покатились слёзы. Это была идеальная, стопроцентная победа загробного орднунга над родительским контролем. Она защитила своё мясо на годы вперёд.

У призраков тоже бывают свои тухлые, тяжёлые дни. День смерти для Мадам всегда оборачивался не просто печальными воспоминаниями, а жёсткой, физически ощутимой хмарью. Весь день её дико штормило: по призрачному телу шёл мерзкий, непрекращающийся зуд, а изнутри пробирала такая могильная холодрыга, что покойница ходила лютая, злобная и буквально стучала зубами от озноба. В 402-й комнате из-за этого лишь слегка холодало, в углах становилось зябко, а стёкла покрывались тонким слоем морозных узоров. Соседи по несчастью к ней в этот день даже не сунулись — на этаже все прекрасно понимали, что это за состояние, и чисто из загробной солидарности оставили её в покое.

Собственная призрачная природа в этот день буквально шла на излом. Контроль над пространством и плотностью сбивался к чертям, превращаясь в лотерею. Мадам могла попытаться опереться на шкаф и внезапно провалиться по локоть сквозь деревянную стенку, а через минуту, решив по привычке просочиться сквозь закрытую дверь, со всего маху врезалась в неё лбом, как обычный человек. С выходом из комнаты тоже творился полный бардак: границы держали раз через раз. Она могла кое-как протиснуться наружу в коридор, а вот зайти обратно в родную 402-ю — хрен там, упиралась в невидимую стену. Или наоборот, сидела запертая часами, не в силах преодолеть порог.

К зеркалу в этот день Мадам не подходила ни ногой. Если в обычное время там отражалась её нормальная призрачная проекция, то сегодня из заиндеветого стекла на неё пялилось собственное истлевшее тело в могильной одежде — зрелище тошнотворное и жуткое.

От такой свистопляски на покойницу накатывали дикие эмоциональные качели. Сначала нападала лютая, бешеная нервозность, когда хотелось выть и крушить всё вокруг, но очень быстро запад иссякал, и Мадам проваливалась в глухую, тяжёлую апатию, часами сидя неподвижно. Вдобавок ко всему её начинали донимать лёгкие, смазанные глюки. Но это были не воспоминания о её собственной смерти — их она принципиально не трогала и гнала прочь. Общажная изнанка подбрасывала ей чужие, ложные картины: перед глазами то и дело мелькали обрывки чужих жизней, когда-то оборвавшихся в этих стенах,

путая мысли и мешая дышать.

Только к самому концу дня Мадам наконец-то немного попустило. Озноб отступил, кости «оттаяли»

Только к самому концу дня Мадам наконец-то немного попустило. Озноб отступил, кости «оттаяли», и они с дедом Матвеем устроились в углу, преспокойно режась в карты. Настроение вернулось, и покойники вовсю ржали, подкалывая друг друга насчёт игры на раздевание — хотя деду Матвею в его столетних призрачных шмотках проигрывать было точно нечего.

Сдавая очередной кон, Мадам задумчиво посмотрела на Ляйсан, которая тихо сидела в другом конце комнаты, и решила поделиться мыслями:

— Знаешь, Матвеич... За все годы в моей комнате столько жильцов перебивало, и в основном — козлы какие-то. А эта студентка, в принципе, нормальная девка. Жить можно. Так что я думаю, можно ей и подсобить иногда, если что.

Дед Матвей хитро прищурился, вытягивая карту из колоды:

— О как, подсобить решила? Что это ты в благотворительность ударилась, Мадам?

Мадам ехидно заглянула в свои карты, похлопала по столу и бесцеремонно взяла деда в оборот:

— А вот так! И ты мне помогать будешь. Один хрен ты там в своей 406-й комнате со своими студентами особо не возишься. Сидят там у тебя Серёга со своим корешем, два наивных дурака, а тебе и дела до них нет. Нафиг они тебе сдались? Так что давай, Матвеич, будешь лучше мне помогать с Ляской. Из неё хоть человека выбить можно!

Дед Матвей сочувственно посмотрел на всё ещё слегка подрагивающую Мадам, откинулся на спинку кресла и негромко, серьёзно произнёс:

— Потерпи ещё немного, пару лет всего осталось, и эти припадки в день смерти должны прекратиться. Не переживай, пройдут обязательно. Конечно, точного срока я тебе не скажу, когда эта хмарь отвяжется, но пройдут, и полегче станет, будете жить чуть попроще. Мадам слабо, но ехидно ухмыльнулась, бросив на него косой взгляд:

— Надеюсь, Матвеич. Очень на это надеюсь.

— Ну а как по-другому? Не ты же сама себя здесь, в этих четырёх стенах, держишь, — дед вздохнул, и в его голосе прорезалось редкое, по-настоящему искреннее сочувствие.

— Тут уж так получилось. Чужая вина тебя сюда прибила, намертво, как гвоздь в эту общагу заколотила... Против такого расклада не попрёшь. От места этого ты уже никуда не денешься, но приступы эти точно закончатся, помяни моё слово.

— Ну да, понимаю, — тихо отозвалась Мадам, притихнув на секунду. Было видно, что слова старика попали в самую точку и он действительно понимал всю глубину её призрачной драмы. Она поправила карты в руке, справляясь с минутной слабостью, и тут же вернула на лицо привычную язвительную маску: — Ладно, проехали. Так что ты решил? Поможешь мне со студенткой повозиться? Один хрен в своей 406-й со своими пацанами не возишься.

Матвей с улыбкой покачал головой, разглядывая свои козыри:

— И всё-таки, Мадам, с чего вдруг такой интерес? С чего ты решила с ней возиться?

Мадам вздохнула, глядя в угол комнаты, где Ляйсан уткнулась в конспекты:

— Слушай, ну блин... Скучно тут у нас, в принципе. Да и сама я при жизни детьми обзавестись так и не успела. Так хотя бы на том свете поньянчусь, что ли, с мелкой! Хоть какое-то развлечение в этой глухомани.

— Да и вообще, Матвеич, — Мадам раздражённо швырнула карты на стол и горько усмехнулась. — Поможешь, куда ты денешься. Я тут скоро взвою, в этой чёртовой комнате уже шестнадцать лет сижу! Шестнадцать лет, блин, майн готт! Ни поесть нормально, ни вылезти отсюда, никуда. Только бродишь и бродишь тут целыми днями и ночами по кругу. Так что со студенткой этой хоть какое-то развлечение, хоть живая душа под боком.

Дед Матвей посмотрел на её возмущённое лицо, ехидно прищурился, погладил бороду и тихонько, в своей коронной манере, её подколот:

— Ну, ты мне тут не плачься, Мадам. Я-то в этой общаге, почитай, побольше твоего сижу! Так что у кого тут ещё бродилки длиннее — это мы поглядим, ха-ха.

Пока в 402-й комнате студентка наслаждалась свободой, на этаже общаги разворачивалась другая, куда более весёлая драма. На днях в одной из комнат тихо, прямо во сне, отошла в мир иной соседка — женщина под шестьдесят. Из-за того, что всё случилось ночью, новоиспечённая покойница вообще нифига не поняла и продолжала по привычке мирно спать, даже не подозревая, что её земная жизнь всё — финита ля комедия.

Мадам и дед Матвей, пронюхав о пополнении в их загробных рядах, решили устроить новенькой тёплый приём и знатно над ней поугарать.

Среди ночи свежая призрачная соседка открыла глаза, села на кровати и в полумраке комнаты внезапно наткнулась взглядом на двух персонажей. У неё мгновенно глаза стали по сто пятьдесят, а по спине продрал лютый мороз. Она их узнала. Обоих. Деда она прекрасно застала, когда ещё сама молодой была, и лично видела его похороны. А вторую покойницу отлично помнила по тем временам, когда её мёртвой выносили из 402-й квартиры.

Увидев перед собой двух давно закопанных соседей, бабка знатно пересрала. Подумав, что это восстание мертвецов или чертовщина, она испуганно замахала руками и закричала на всю комнату:

— А ну пошли вон! Сгинь, нечистая сила! Сгинь!

Мадам с дедом Матвеем от такой бурной реакции не выдержали и сразу дружно прыснули, заливаясь грохочущим хохотом на всю комнату.

— Да успокойся ты! — сквозь смех отмахнулась Мадам, вытирая невидимые слёзы.

— Какое успокойся?! — запаниковала женщина, тяжело дыша и хватаясь за грудь: — Вы что тут делаете?! У меня от вас сейчас сердце встанет!

Тут покойники заржали ещё громче, так что дед Матвей аж согнулся пополам, держась за живот.

— Да ты не переживай так, милая! — отсмеявшись, выдал Матвей, утирая усы. — Больше у тебя вообще ничего и никогда не встанет! Расслабься!

Соседка окончательно запуталась, испуганно глядя на эту весёлую парочку:

— Извините... Вы что, реально нечистая сила, да? Дьяволы?

Мадам от такого предположения выдала свой самый коронный, оглушительный ржач:

— Ха-ха-ха! Какая нечистая сила, о чём ты?! Слышь, подруга, ты в зеркало-то на себя посмотри сначала!

Женщина на автомате, ничего не понимая, чётко повернулась к стоящему на шкафу зеркалу. Она вгляделась в отражение и замерла на месте, как вкопанная. Из зазеркалья на неё смотрела не уставшая шестидесятилетняя бабка с морщинами, а цветущая, подтянутая молодая женщина лет тридцати — точь-в-точь такая, какой она была, когда деда Матвея в последний путь провожала.

Новенькая округлила глаза, потрогала свои гладкие щёки и выдала в гробовой тишине комнаты:

— Что, блядь?..

Она резко обернулась назад на кровать и обомлела окончательно. На помятых простынях, раскинув руки, осталось лежать её старое, бездыханное шестидесятилетнее тело. Абсурд ситуации дошёл до пика. Осознав, что происходит, тридцатилетняя призрачная копия соседки начала стремительно впадать в дикую истерику, открывая рот для оглушительного визга.

Но закричать она не успела. Мадам хладнокровно шагнула вперёд и отвесила новенькой сочный, хлёсткий подзатыльник.

— Так, хорош орать! — прикрикнула Мадам, возвращая бабулю в суровую загробную реальность. — Реветь тут уже не надо, всё, поздно! Раньше надо было думать. Нефиг здесь реветь, да и всё!

Тут Мадам хитро прищурилась, весело подмигнула деду Матвею и, кивнув на ошарашенную новенькую, угарно добавила:

— Ой, да ладно тебе, не прибедняйся! Я сама, когда коньки отбросила и этого Матвеича в темноте увидела, чуть целую генеральскую дачу из кирпичей не построила, когда он меня к моему собственному телу повернул! Это нормальная тема, ха-ха!

Мадам бесцеремонно схватила новенькую за руку, заставляя подняться, и требовательно кивнула деду:

— Ладно, Матвеич, пускай в движении в себя приходит. Потасили её к подъезду, на свежий воздух. Проверим её, как раз на улице и покажем нашей подруге местные достопримечательности. Давай-давай, шевелись.

Они притащили её к выходу из подъезда. Смысл этой ночной проверки был прост как топор: ветераны общаги хотели выяснить, привязало свежую покойницу к этому проклятому месту намертво или она всё-таки сможет пройти дальше козырька и уйти на тот свет.

Особо церемониться не стали. Мадам с дедом Матвеем просто взяли бабулю под белые ручки и без лишних слов сильным толчком выпихнули её за пределы крыльца, прямо под конец козырька.

Женщина пролетела эту границу со свистом, даже не заметив преграды, и приземлилась прямо на асфальт. Она замерла на улице, испуганно глядя на них округлившимися

глазами, и закричала:

— Вы что творите вообще?! Вы что делаете?!

Мадам с дедом Матвеем синхронно, тяжело выдохнули. В их призрачных глазах промелькнула горькая зависть.

— Подойди сюда, — спокойно позвала Мадам, махнув рукой.

Ничего не понимающая соседка послушно сделала несколько шагов обратно и встала под козырёк. Дед Матвей посмотрел на неё, хитро прищурился и выдал:

— А вот теперь смотри фокус.

Он развернулся и намеренно, целеустремлённо, как танк, пошёл прямо на невидимую стену у края крыльца. Но стоило ему дойти до границы, как деда с глухим призрачным стуком со всей дури прибило к невидимой стене общаги и отбросило назад.

Потирая ушибленный нос, дед хмуро пояснил испуганной женщине:

— Вот так. Мы просто проверяли, сможешь ты отсюда уйти или нет. Оказалось — можешь, пролетела со свистом. Тебя здесь ничто не держит.

Соседка немного поутихла, разглядывая себя, и вдруг задала вопрос, который не давал ей покоя с самой минуты пробуждения:

— Слышите... А почему я-то молодая, лет тридцати, вон какая сочная... А ты, Матвейч, как был дедом столетним, так им и остался? И Мадам вон, тоже не девчонка.

Мадам ехидно хмыкнула и с ходу её подколола:

— Так это, подруга, от душевного возраста зависит! Кто на сколько себя внутри чувствовал, когда кони двинул, тот так и выглядит. Ты, видать, у нас в душе всё ещё молодуха ветреная, ха-ха!

Женщина растерянно улыбнулась, но тут же посерьёзнела, вспомнив о земном:

— Ладно, шутки шутками... А с телом моим что? Как внуки-то с детьми узнают, что меня больше нет? Как почуют?

Матвей посмотрел на неё серьёзно и кивнул:

— Подумай сейчас хорошенько про них. Конкретно про кого-то одного выбери, вспомни и весь свой страх, что сейчас чувствуешь, ему передай. Прямо направь туда. Вот так он точно почует, сердце ёкнет, и сразу приедет. Ну а на всякий пожарный мы дверь в твою квартиру уже нараспашку открыли, сквозняк устроили. Такое в нашей общаге быстро заметят, долго ты там не пролежишь, не переживай.

Она испуганно выдохнула, обвела их взглядом и в сердцах бросила:

— Ну вы и скоты, конечно! Появились тут посреди ночи... Я ж чуть со страху второй раз кони не двинула!

Мадам с дедом Матвеем снова дружно прыснули.

— Ой, да ладно тебе, не прибедряйся! — Мадам ехидно хмыкнула и похлопала новенькую по плечу. — Нас она скотами называет! Ты представь, я сама первые недели две вообще как бледная моль по этажам бродила, сообразить ничего не могла, пока до меня дошло, что к чему и из-за чего произошло, ха-ха! Так что радоваться должна, мы тебя ещё по-божески встретили, считай, с цирком и фейерверками!

Прошло пару дней. В общаге вовсю шли предкухонные сборы — родственники и соседи суетились, готовясь провожать свежую покойницу в последний путь.

Мадам, лениво разглядывая крашенные ногти, ехидно скосилась на новенькую и

подколола:

— Ну что, подруга? На похороны свои поедешь, нет? Помянешь себя, поглядишь, кто там больше всех слезу давит? Ха-ха!

Дед Матвей, сидевший на стуле, невозмутимо пожал плечами и добавил:

— Да если хочешь — съезди, делов-то. Можешь там остаться, а можешь обратно сюда вернуться. Это у тебя теперь свобода вольная, куда хочешь — туда и топай, тебя здесь ничто не держит. Не то что нас...

Новенькая задумчиво почесала затылок, переводя взгляд с Мадам на деда:

— Ну... Сейчас, наверное, съезжу. Посмотрю хоть, со своими нормально попрощаюсь, а там уже подумаю, что дальше делать, ха-ха.

Она сделала паузу, хитро прищурилась и ехидно так у них спросила:

— Слышите, ветераны... А вы про моих родственников случайно ничего такого не знаете? Может, кто чего не договорил в жизни, кто чего утаил от меня? Вдруг скрывали чего, пока я живая была?

Дед Матвей только широко улыбнулся в усы, покачал головой и добродушно её успокоил, махнув рукой:

— Да ладно тебе, расслабься, всё нормально там. Не накручивай себя. Нам твои живые со своими тайнами без надобности, так что езжай спокойно, ха-ха.

Прошло ещё немного времени, и новенькая вернулась в общагу. Точнее, приехала обратно прямо в машине своих родственников. Семейство как раз подкатило к подъезду, чтобы окончательно закрыть квартиру, разобрать оставшиеся вещи и, как положено, занавесить все зеркала плотной тканью.

Мадам в этот момент лениво торчала у окна своей комнаты, подперев подбородок рукой и разглядывая двор. Из салона автомобиля, по-хозяйски просачиваясь сквозь закрытую дверь, невозмутимо выплывала новенькая. На её лице не было ни грусти, ни тоски. Она окинула взглядом обшарпанный двор, поправила невидимые волосы и уверенно зашагала к крыльцу.

Глядя на эту картину из своего окна, Мадам ехидно крикнула на весь двор:

— Ишь ты, посмотрите на неё! Как была при жизни барышней с характером, так барышней и осталась, даже после собственных похорон!

Но стоило новенькой зайти на родной этаж и увидеть, как плачут её дети, как внуки растерянно перебирают её старые кофты в шкафу, сильную и гордую покойницу накрыло наотмашь. Вся её напускная вальяжность мгновенно испарилась. Прямо посреди коридора Шура сорвалась — зарыдала взахлёб, заметалась из угла в угол, не в силах вынести эту глухую загробную беспомощность, когда живые рядом, а докричаться до них нельзя. Её буквально разрывало от осознания, сколько планов осталось на бумаге, сколько недоделано, недосказано...

Мадам с дедом Матвеем, почувствовав эту мощную вспышку чужого горя, сразу пришли к ней на этаж, чтобы успокоить и прижать к себе, пока свежая душонка не развоплотилась от истерики. Дед Матвей аккуратно обнял её за подрагивающие призрачные плечи и тихо, по-отцовски произнёс:

— Ну тихо, тихо... Уймись, Шура. Не рви ты себе изнанку, девка. Всё, отжила своё, теперь ничего уже не поменяешь.

Мадам прислонилась к косяку, сочувственно вздохнула, но по своей привычке решила слегка разрядить обстановку лёгким подколом, чтобы вытащить соседку из петли тоски: — Да ладно тебе, Шура, хорош заливать! Что теперь поделаешь? Вон, зато молодая какая, сочная стоишь, девки на кладбище от зависти бы лопнули! О планах она горюет... У всех у нас планы были, а теперь тут торчим. Привыкнешь, не ты первая. Шура сквозь призрачные слёзы пренебрежительно фыркнула, поправила причёску и кое-как отмахнулась:

— Ой, да ну его нафиг! Я при жизни-то эти кладбища никогда не любила, а тут приехала — вообще жуть какая-то. Ходит там кто-то постоянно, шепчутся, плачут, рожи непонятные бродят... Атмосфера — отстой, короче. Я лучше здесь, с вами посижу, ха-ха!

Дед Матвей только понимающе улыбнулся и дружески, по-свойски произнёс:

— Да ладно тебе, я ж всё понимаю. Знаю, что ты с родственниками побыть хочешь, напоследок рядышком посидеть. Ты главное это... возле открытых зеркал особо не крутись, пока они их тканью не занавесили. А то увидят тебя там — и будет тут у нас в общаге ещё плюс один от инфаркта. Да и сама ты ещё свежая совсем, искра слабая, затянет в зеркало — потом хрен выберешься, растворишься там намертво, ха-ха-ха! Он похлопал её по плечу и уже спокойнее добавил:

— А так — посиди, конечно, послушай, что там говорят, что вообще в мире происходит. Им сейчас там, живым, тоже нелегко, понятное дело. Но ты близко не подходи. Главное, возле внуков, возле внучат своих не крутись, не кажись им, а то перепугаешь малых до заикания. Пускай у них всё спокойно будет, поняла?

Шура заглянула в 402-ю комнату, где Мадам и дед Матвей вальяжно расположились на старых стульях. Новенькая прислонилась к косяку и с ходу, с явным облегчением в голосе, поделилась новостями:

— Ну всё, квартиру-то я детям оставила! Они там порешали между собой, продавать ничего не будут, пускай для внуков стоит. Так что бомжевать мне на том свете не придётся, у меня тут официальная призрачная прописка в своём же углу имеется, ха-ха!

Мадам лениво повела плечом и великодушно отозвалась:

— Ну и отлично, хоть за это голова болеть не будет. А если скучно одной в четырёх стенах станет или тоска прижмёт — перебирайся ко мне жить, места хватит. Но имей в виду, подруга: впереди у тебя ещё те весёлые деньки. Особенно на годовщину смерти. Там тебя так крутить, ломать и выворачивать наизнанку будет — мама не горюй! Пока твои живые там окончательно головой тебя не отпустят и вырветь всё горе не успеют, так и будешь колом стоять. Привыкай.

Шура вздохнула, прошла вглубь комнаты и на автомате, чисто по старой житейской привычке, бросила деду:

— Матвейч, плесни чайку, а? Что-то в горле пересохло.

Дед Матвей от такой заявочки знатно заржал, аж усы затряслись:

— Ха-ха-ха! Чайку ей! Слышь, девка, ты налей-ка сама попробуй! У тебя ж пальцы сквозь кружку пролетят со свистом, только воздух расплескаешь!

Он отсмеялся, хитро прищурился на неё и перевёл тему:

— Ладно, раз уж ты у нас тут насовсем прописываешься, надо решать, как тебя звать-то. Мадам у нас вон, уже имеется, эксклюзив местный. А тебя как величать? Может, Бабкой окрестим, по старой памяти?

Шура от такого захода дико возмутилась, кокетливо поправила тридцатилетнюю талию и выдала:

— Какая я тебе бабка, дед?! Ты на меня посмотри вообще! Я ж молодая, сочная, фигуристая! Какая из меня бабка?

Немного помолчав, Шура вспомнила его недавние слова на этаже, нахмурилась и серьёзно спросила, решив прояснить важный момент:

— Слышь, Матвейч... Ты мне там, когда я ревела, про зеркала говорил. Чтобы я возле открытых стёкол не крутилась, а то, мол, искра слабая и затянуть может намертво. Но я вот сейчас из машины родственников выходила — там же этих зеркал полно, и боковые, и заднего вида. И ничего со мной не случилось, даже не тряхнуло. В чём прикол-то?

Дед Матвей резко перестал улыбаться, лицо его в секунду стало суровым и основательным:

— В чём прикол? А в том, Шура, что размер и фокус значение имеют. Мелкие зеркала такой силы не имеют, чтобы призрака засосать. Я сам это на своей шкуре в первые дни замечал, хоть лично и не проверял, дураков нет. К тому же автомобильные стёкла — они ж специфические, они всегда в определённую сторону смотрят, на дорогу направлены. Ты в них только кусками ловишься: где-то ты есть, где-то тебя нету, где-то ты вообще не вся. Прямого контакта глаза в глаза с твоей сутью там нет.

Дед тяжело вздохнул и подошёл к ней поближе:

— А вот с большими, домашними зеркалами шутики брось. Ты ещё свежая совсем, искра у тебя сырая, слабая. Расскажу я тебе про одного кадра, который тоже тут перед большим стеклом крутился да красовался, физику проверял. Затянуло его внутрь открытого зазеркалья с концами — и всё, растворился там нахрен, ни слуху ни духу от парня не осталось. Так что рисковать не думай, к большим стёклам без надобности вообще не суйся, пока не окрепнешь.

Мадам от косяка тяжело вздохнула, подтверждая суровые слова деда, и добавила от себя, понизив голос:

— Это ладно, с зеркалами ты поняла, девка умная. Ты мне лучше скажи, Шура, по углам на своём этаже уже смотрела?

— Ну, видела пыль какую-то серую вдоль плинтусов, — пожала плечами Шура. — А что? Мадам подошла почти вплотную и строго посмотрела ей прямо в глаза:

— Так вот, запоминай на будущее. Это не просто пыль. Это и грязные разводы, похожие на мазут, нефть или старую жирную склизкую грязь. Паразиты это местные ползают, твари призрачные. Они под обычную грязь маскируются, а сами только и ждут, как бы к свежей душонке присосаться да силу высосать. Да что к призракам — они и на живых кидаются, жизненную силу из людей тянут и кошмары их насыщают, делают ярче да жутче.

Шура сообразительно прищурилась, прикинула что-то в уме и резонно спросила:

— Погоди. Но я-то, если что, могу просто из общаги выйти. Меня же край крыльца не держит, свобода вольная, сама видела. Что мне сделается?

Мадам ехидно так хмыкнула и покачала головой:

— Ну, выйти-то ты можешь. Вопрос в другом: успеешь ты добежать до выхода или нет? Они шустрые, когда голодные. Так что лучше к нам со всех ног несись. Мы-то тут давно торчим, хотя бы плюс-минус знаем, как с ними бороться и как их разгонять. Сама туда руками не лезь, пока сырая, сожрут и не поморщатся. Поняла меня?

Ляйсан, уставшая после курьерской смены, на автомате зашла в тёмную комнату. Она привычно шлёпнула по кнопке чайника, но чайник предательски промолчал. Вот тут девка окончательно поняла, что Света ушла на долгое романтическое свидание и обещала вернуться нескоро. Именно в этот момент Ляйсан дико захотела сходить в магазин, чтобы взять себе хоть чего-нибудь пожрать. Бессильно повалившись на матрас, она лежала в темноте и напряжённо думала, что именно купить и как это приготовить без плиты, но глаза сами собой закрылись. Девка просто мертвецки уснула, так и не доперев до магазина.

Мадам решила времени зря не терять. Раз уж тушка осталась голодной, это был идеальный момент, чтобы проявиться по-крупному в первый раз и заодно преподать сожительнице принудительный мастер-класс по выживанию.

За этой картиной через приоткрытую дверь вовсю наблюдали дед Матвей и Шура.

Мадам организовала спящей Ляйсан глубокое погружение прямо во сне. Видит девка, что она стоит посреди своей тёмной 402-й комнаты. Из угла выплывает Мадам, ехидно улыбается и достаёт откуда-то из закровов старую, огромную железную банку из-под маргарина — знатный раритет прямиком из нулевых.

Ляйсан во сне стояла в полном афиге, переводя взгляд то на летающие продукты, то на ухмыляющуюся Хозяйку, и в панике выдала:

— Да ты вообще кто такая?! Что за магия тут происходит?!

Мадам в ответ только ехидно показала ей язык, молча подмигнула и принялась за дело, всем своим видом демонстрируя: «Скучно мне, вот и развлекаюсь, смотри и учись!».

На глазах у изумленной Ляйсан Мадам наливает в жестянку холодную воду, бросает туда заварку, плотно закрывает банку крышкой и бесцеремонно суёт её под прямую струю горячей воды, со свистом бегущей из-под крана.

— Смотри и запоминай, лакшери-дива, — принялась ехидно пояснять Мадам за призрачную кулинарию. — Чтобы под краном у тебя получился нормальный, крепкий чифир из хорошего листового чая, баночке надо вот так постоять минут двадцать, а то и все тридцать!

Ляйсан в полузабытии только округлила глаза и проморгала:

— Двадцать минут на один чай?! Ты издеваешься?!

Мадам от такой тупости аж со всей дури хлопнула себя ладонью по лбу:

— Тьфу ты, блин! Я тебе про нормальную, человеческую заварку говорю! Твои-то дешёвые пакетики там вообще за секунду растворятся, ха-ха-ха! Но мы тут лёгких путей не ищем.

Мадам с победным видом берет жестянку и чисто для смеха, чтобы добавить абсурда, аккуратно переливает получившийся чай прямо в холодный электрический чайник. Сразу

после этого она быстренько споласкивает жестянку под краном от остатков заварки, и следом в эту же самую железную банку из-под маргарина полетели куски откуда-то раздобытого нежного куриного филе, лук и специи.

Мадам снова наглухо закрыла банку крышкой, опять засунула её под кран и победно ухмыльнулась:

— Ты на суп посмотри! Вот под прямой струёй горячей воды в закрытой банке супчик у тебя сварится за четыре-шесть часов. А вот в обычном термосе с такой готовкой ты замучаешься! Там же всё томится только на том, что ты внутрь залила. Если залить термос крутым кипятком из чайника, то дело пойдёт чуть быстрее, почти как в банке под краном. А вот если просто из-под горячего крана налить, то куковать тебе придётся часов шесть, а то и все восемь!

За дверью дед Матвей тихонько хихикал в усы, подталкивая локтем Шуру:

— Эх её разнесло! Слушай, девка, я тут с советских времён торчу, а даже сам о таких методах готовки не знал, ха-ха!

Мадам во сне сочно расхохоталась, на прощание помахала Ляйсан ручкой, звонко щёлкнула пальцами перед её самым носом и мгновенно исчезла. И ровно на этом щелчке кулинарный гипноз резко оборвался.

Ляйсан резко открыла глаза. В комнате было светло, наступило утро, но электричества по-прежнему не было. Девка потянулась, вспомнила, что заснула голодной перед походом в магазин, села на кровати и уставилась на стол.

На чистой, выскобленной столешнице в гордом одиночестве стоял чайник, а рядом с ним высилась та самая раритетная железная банка из-под маргарина. Ляйсан медленно, с опаской подошла к столу и потрогала чайник — он был отчётливо тёплым, а внутри приятно пахло свежим чаем. Она заглянула в жестянку и обомлела: там стоял свежеприготовленный, почти горячий, наваристый суп из куриного филе с мясом и луком. Девка испуганно отшатнулась назад к кровати, округлив глаза, и выдала в пустую комнату: — Что, блядь?.. Да как это вообще?! Я же даже до магазина не дошла!..

Суп из куриного филе получился настолько наваристым и вкусным, что оторваться от него девка просто не могла, хоть её и трясло от непонимания. В голове у студентки окончательно всё перевернулось, и кулинарное любопытство взяло верх над страхом. Пока она вовсю хомячила этот неожиданный завтрак, Ляйсан открыла браузер на телефоне и принялась лихорадочно шуршать по сети, чтобы хоть как-то логически объяснить эту дичь. После долгих поисков она случайно наткнулась на какой-то богом забытый, древний общажный форум из нулевых, где ветераны коммунального быта делились экстремальными лайфхаками.

Ляйсан пробежалась глазами по строчкам на экране, и у неё волосы дыбом встали. Там для смеха чёрным по белому расписывались все прелести такой экстремальной готовки. Чтобы просто согреть воду для чая в закрытой жестянке под краном, требовалось держать её там не меньше сорока минут. Бывалые форумчане в комментариях откровенно ржали над качеством водопроводной воды в таких условиях, предупреждая, что после этого будешь ещё долго плевать на хлоркой, ха-ха! А вот чтобы сварить в банке суп, уходило примерно от четырёх до часов, причём с обязательной пометкой: банка должна была стоять под горячей проточной водой постоянно, её вообще нельзя было

убирать ни на минуту.

Вот тут у нашей студентки глаза округлились окончательно. В голове у Ляйсан мгновенно всплыли воспоминания о ночном сне, и пазл сложился в полную мистику. Она лихорадочно сопоставила данные на экране с тем, что видела ночью: подожди, но они же во сне сделали всё это буквально за десять минут, пока она спала! Девка растерянно заозиралась по углам комнаты, сглотнула и полушёпотом испуганно спросила в пустоту: — Слышите, тётенька... Вы кто вообще?! И как вы это за десять минут сделали?!

Ляйсан мысленно прикинула масштабы катастрофы по форумным меркам, и у неё внутри всё похолодело. Она испуганно прошептала:

— Мать моя женщина... Это ж сколько литров горячей воды утекло, пока я спала? Да у нас коммуналка в этом месяце выйдет просто «охрененная»! Нас же Артурчик с потрохами сожрёт за такие счета!

Мадам, вальяжно стоявшая прямо перед ней со скрещенными на груди руками, от такого захода едва сдерживала гомерический хохот. Она ехидно сощурилась, глядя на тонущую в догадках студентку, и выдала вслух, чисто для собственного удовольствия:

— Ой, ну умора, держите меня семеро! Ты не переживай так, лакшери-дива, эти ваши счётчики мне вообще не помеха. Секрет фирмы, как говорится, ха-ха! Фирма веников не вяжет и секретов не сдаёт! И вообще... с чего ты взяла, что я этот суп вообще в твоей комнате готовила, ха-ха-ха?!

Естественно, живая деваха этот подкол призрака не услышала, но по стенам комнаты снова пробежала едва заметная прохладная вибрация, заставив шторку качнуться.

Ляйсан только передёрнула плечами от внезапного сквозняка, вздохнула и продолжила с аппетитом уплетать наваристый призрачный кулинарный шедевр, мысленно прощаясь со своей стипендией.

Прошла неделя. Все эти дни Ляйсан жила как в тумане, чувствуя себя форменной шизофреничкой. В то самое утро, наспех доев наваристый суп, она убежала на учёбу в МУАД, а когда вечером вернулась в 402-ю — раритетной маргариновой банки на столе уже не было. Исчезла, будто её и не существовало. Девка обшарила все углы, заглянула под матрас, перерыла кухонную тумбочку — голяк. Ляйсан даже в коридор к общим раковинам выходила, думая, что спросонья сама её туда утащила, но жестянки нигде не было. «Ну не приснилось же мне это?! — в панике думала она, лихорадочно перебирая в голове воспоминания. — Я же отчётливо помню вкус куриного филе! Я его ела! Суп-то был настоящий, горячий! Куда, блядь, делась банка?!»

В один из дней на телефон Ляйсан пришло короткое уведомление — выставили счёт за коммунальные услуги. Как и положено в наше время, никакой бумажной макулатуры в почтовом ящике не было, всё пришло в электронном виде через приложение Kaspi.

Девка сидела на кровати, гипнотизируя экран своего айфона. Открывать раздел платежей было до жути боязно. В голове до сих пор крутились те самые сорок минут на заварку и четыре часа непрерывного заплыва жестянки под краном с форума. Мало того, что банка испарилась, так теперь ещё и за воду придётся отдавать всю курьерскую зарплату. Ляйсан уже мысленно распрощалась с деньгами, представляя там астрономические кубы за горячую воду.

Замирая от ужаса, она всё-таки зажмурилась, ткнула пальцем в экран, а потом медленно

приоткрыла один глаз.

Смотрит раз, смотрит два, моргает... Счёт за коммуналку оказался точно таким же, как и в прошлом месяце. Никаких лишних кубов, никакого перерасхода, всё копейка в копейку, будто краном в этой комнате вообще никто не пользовался.

Ляйсан ошарашенно уставилась в одну точку, почесала затылок и пробормотала вслух: — Я вообще ничего не поняла... Банки нет, перерасхода нет... Как это, блядь, работает?! Я точно с ума схожу.

Мадам, вальяжно раскинувшись в своём кресле в углу 402-й, просто покатывалась со смеху, глядя на её вытянутое лицо. Издеваясь на полную катушку, Хозяйка зажала ту самую пропавшую маргариновую жестянку между ног дном кверху и принялась весело отстукивать на ней пальцами победный ритм, как на барабане.

Она ехидно сощурилась на тонушую в догадках студентку и беззвучно выдала под свой собственный аккомпанемент:

— Учись, лакшери-дива, пока я добрая! Банку я прибрала, а твои электронные циферки мне до одного места, ха-ха-ха!

Прошло ещё пару недель. Ляйсан вертелась как белка в колесе, совмещая учёбу в МУАД и беготню по городу с тяжеленным курьерским баулом. Организм в итоге не выдержал такой лакшери-жизни, и в одно прекрасное утро девка умудрилась наглухо проспать важный рубежный контроль в универе.

Будильник на айфоне надрывался на полную громкость, но студентка спала без задних ног, вообще не реагируя на внешний мир.

Мадам, наблюдавшая за этим со своего кресла, поняла: если пигалицу сейчас не подорвать, её международный арт-дизайн накроется медным тазом в первый же семестр.

А терять такую дрессированную и чистоплотную сожительницу в её планы не входило. Хозяйка решила действовать проверенным методом и без лишних церемоний выписала дрыхнувшей Ляйсан мощный ментальный пинок под жопу прямо во сне.

В ту же секунду девке снится жуткий, зловещий и одновременно дико абсурдный кошмар. Полная темнота. Ляйсан стоит посреди своей мрачной 402-й комнаты. Вдруг старая деревянная дверь со скрипом приоткрывается, из коридора тянет могильным холодом, и в образовавшуюся щель просовывается смутный, пугающий силуэт Мадам. Из темноты раздаётся её ехидный, эхоподобный голос, от которого у Ляйсан мороз по коже пробегает:

— Ну что, лакшери-дива, спишь? Отдыхаешь? А рубежку кто за тебя сдавать будет?

Запомни, студентка: твоя стипендия — теперь моя стипендия!

Призрак вальяжно подплывает ближе, достаёт откуда-то из закровов халата призрачную хрустящую купюру в пять тысяч тенге, с понтом скручивает её в плотную трубочку и вставляет себе в рот, чисто как сигарету. Нагло ухмыляясь, она делает вид, что прикуривает от невидимого огонька, всем своим видом изображая крутую мафиози из нулевых.

Следом Мадам брезгливо подцепляет двумя пальцами лежащий на столе кошелёк Ляйсан, заглядывает внутрь, переворачивает его вверх дном, картинно трясёт и разочарованно цыкает, не вынимая «купюру-сигарету» изо рта:

— Блин... Какие тут вообще финансы у тебя, а? Пусто! Что за нищета, тут даже тараканов нет, ха-ха-ха! Где бабки, студент?!

Она делает паузу, ехидно щурится на Ляйсан и сочным басом выдаёт коронное:
— План был просто охрененный, надёжный, как швейцарские часы, да?! Но проспять рубеж, малая, это надо было умудриться!

И в этот момент Мадам во сне со всей дури отвечает ей знатный, ободряющий поджопник.

Ляйсан в седьмом часу утра подпрыгивает на матрасе так, будто её током шарахнуло. Глаза по полтиннику, дыхание сбито, сердце колотится в самом горле. Девка сидит в темноте взъерошенная, дикая, судорожно хватает телефон, смотрит на время и понимает, что до начала рубежки осталось всего ничего.

— Бля-а-а-а! — в панике вскрикивает она, слетая с кровати и начиная лихорадочно натягивать джинсы. — Успеваю! Чуть не проспала, твою мать! Что за дичь мне вообще снится?!

Пока Ляйсан, спотыкаясь о курьерскую сумку, в панике металась по комнате, Мадам на подоконнике тихонько угарала, прикрывая рот ладонью:

— Процесс пошёл, ха-ха! Будешь знать, как рубеж просыпать. Профсоюз 402-й комнаты бдит, малая!

Прошло дней десять. Ближе к вечеру в пятницу на первом этаже общаги, прямо у почтовых ящиков, нарисовался странный тип. Костюм-тройка, лакированные туфли, в руках дорогой кожаный портфель, а улыбка такая белоснежная, что аж глаза режет. Скользкий тип, из этих... контрактных менеджеров преисподней, которые ходят по миру и вынюхивают, у кого бы душу загрести в обмен на лакшери-жизнь и инстаграмный успех. Думал, тут контингент бедный, студенты голодные, сейчас он быстро бизнес провернет. На подоконнике у окна традиционно торчал Санёк в своей неизменной олимпийке, лениво разглядывая прохожих. Заметив пижона, он аж присвистнул:

— Опа... Матвеич, Мадам, гляньте, какой карась к нам в сети заплыл. Из договорного отдела снизу пожаловал.

Мадам, лениво сидевшая на козырьке подъезда, скользнула сквозь стекло обратно в фойе, брезгливо сморщила нос и ехидно шепнула Саньку с дедом:

— Фу, блин, Матвеич, чуешь? Опять от этих чертей воняет их дешёвыми... ой, в кавычках «дорогими» духами! Им там, походу, на работе этот парфюм в соцпакет докидывают под гордым названием «Тухлые яйца», ха-ха-ха! Весь коридор заговнял, скотина!

Она прищурилась на календарь у вахты, ехидно хмыкнула и толкнула деда локтем:

— Слышь, Матвеич... А чего это они припёрлись-то? Сегодня ж вроде пятница двенадцатое. Не пятница тринадцатое, не? Они чего, решили акцию у нас в общаге провести заранее, типа как Чёрную пятницу устроить? Ха-ха! А, ну да, завтра ж суббота, суббота у них, походу, вообще некошерно смотрится, вот и суеются, бизнесмены хреновы!

Дед Матвей, спустившийся следом, только хмуро насупился, а потом ехидно так ухмыльнулся в усы и выдал:

— Ну, раз сегодня не их число, значит, нам везёт! Сейчас мы ему, пижону этому, навалим нашей фирменной общажной любви по полной программе, чтоб дорогу сюда забыл!

Шура тем временем лениво облокотилась на перила пролёта, вообще ни хрена не понимая, что за чертовщина тут происходит и в какой загробный дурдом она попала. Торгаш тем временем вовсю высматривал жертву. Как раз по лестнице спускалась Ляйсан — уставшая, с курьерской сумкой наперевес, после очередного пешего марафона по городу. Мужик расплылся в улыбке, сделал шаг навстречу, но договорить не успел.

Прямо перед его носом соткалась Мадам. Лицо у Хозяйки выражало такую крайнюю степень ехидства, что воздух вокруг ящиков мгновенно подёрнулся ледяным паром. Она упёрла руки в бока, хищно оскалилась, показав призрачные зубки, и выдала в лоб: — Слышь, торгаш. Ты в прошлый раз приходил, и чо? Предложение нам сделать руки и сердца хотел? Ничего ты в итоге не предложил — ни руку, ни сердце, ни печень! Жениться, блядь, обещал, замуж взять, лакшери-жизнь устроить?! Пообещал и наврал, скотина эдакая! Так что хрен тебе, а не души! Хрен тебе! Пошёл нахер отсюда! Торгаш от такого дикого наезда и оскала Мадам аж попятился назад, растеряв весь свой лоск. Он судорожно поправил галстук, вытаращил глаза и в полном афиге закричал на всё фойе:

— Да вы же мёртвые! Вы чего устроили?! Нахрена вам вообще рука, сердце и печень?! Да я про замужество вообще ничего не обещал, вы чего несёте?! У меня к вам предложения есть, конечно... но не такие уж, так сказать, дорогие, какие вы тут с ходу требуют! У меня лимиты по контрактам!

Мадам от такого захода лишь ехидно сощурилась и презрительно фыркнула, продолжая давить танком:

— Ну и что, что мёртвые?! Или мы по вашим адским контрактам вообще ниже нуля котируемся, а, бизнесмен хренов?! Оправдываться он мне тут ещё будет! Нам тут и так своих дрыхнувших двоечников хватает, Серёгу с Димонем вон отчислить обещают, а ты ещё припёрся со своими дешёвыми контрактами мозги молодёжи пудрить!

— Души мы тебе отдадим, как же, держи карман шире! Мы их на другие вещи меняем! — гаркнул дед Матвей, шагая вперёд.

— Короче, лавочка закрыта, пошёл вон отсюда, — отрезала Мадам.

Торгаш попытался было возмутиться, но Саня в олимпийке уже перекрыл ему дорогу у самых дверей, угарно ухмыляясь.

Мадам прицелилась и отвесила бизнесмену такой ментальный, но бронебойный пинок под жопу, что мужик со свистом и криком полетел к выходу. Глядя, как пижон рыбкой устремляется к дверям, Мадам ехидно так замахала руками ему вслед и угарно симитировала звук взлетающей птицы:

— Курлы-курлы, блядь! Полетел, родимый!

По ходу этого полёта дед Матвей «помог» физике — кожаный портфель у беса раскрылся, засыпав пол призрачными бланками, а Санёк добавил лёгкого сквозняка, отчего лакированные туфли пижона заскользили по старому общажному кафелю, как по льду. Дед Матвей, держась за живот от хохота, из последних сил заорал вдогонку вылетающему на улицу телу:

— Эй, народ! Все, кто лысый, наденьте кепки быстро! А то гляньте, какой важный голубь летит, насрёт ещё на башку, ха-ха-ха-ха!

Мужик, дико оря в пустоту, махая руками и продолжая курлыкать от пинка Мадам, пулей вылетел сквозь двери подъезда, споткнулся о козырёк и покатился кубарем по тротуару, крестясь на ходу и проклиная этот филиал ада.

Ляйсан, которая в этот момент как раз протираала глаза у ящиков, только удивленно моргнула. Перед ней только что стоял какой-то странный мужик в костюме, который внезапно закричал, выронил пустой портфель, смешно задрал ноги, исполнил сальто на ровном месте и с воплями умчался вдаль.

Девка почесала затылок, посмотрела на задрожавшие шторы на окне и пробормотала: — Офигеть... Опять, что ли, у шизиков осеннее обострение началось? Точно, надо меньше курьерствовать, а то уже галлюцинации на ходу ловлю...

А прямо тут же, в подъезде у дверей, Мадам, Матвеич и Саня дружно давились гомерическим хохотом, поправляя халат и олимпийку. Рядом с ними на лестничном пролёте стояла Шура, которая всё ещё хлопала ресницами в полном шоке от увиденного: — 1:0 в пользу санитарного контроля этажа! Нечего нам тут статистику портить своими дешёвыми душонками!

— Слышите, народ, а вы видели?! — Саня угарно ткнул пальцем в сторону улицы, вытирая слёзы от смеха. — Этот пернатый, пока летел, он же перекрестился на ходу, прикиньте! Ха-ха-ха!

Мадам от такой новости аж согнулась пополам от хохота, лихорадочно поправляя халат: — Да ладно?! Ой, бля-а-а-а! Интересно, его за такое интересное движение в их конторе как пожалуют? Сразу на колбасу пустят или на сковородку, ха-ха-ха! Карьера пацана накрылась!

— Ой, бля-а-а-а, — Саня аж запричитал сквозь ржач, хватаясь за сердце под олимпийкой.

— Он же ещё на всю улицу орал, что мы тут филиал ада! Слышали, да?! Нам, получается, должность целую в кавычках передал! Повысил нашу общагу в статусе, бизнесмен хренов!

Шура наконец обрела дар речи. Она медленно перевела взгляд с закрывшейся двери на ржущую Троицу, судорожно сглотнула и, заикаясь, спросила:

— С-слышите... А это вообще кто сейчас был? И что это за филиал ада он тут объявил? Вы чего с ним сделали вообще?!

Мадам мгновенно перестала хохотать, вальяжно облокотилась на подоконник, поправила халат и посмотрела на Шуру как на неразумное дитя:

— Кто-кто... Менеджер по работе с клиентами из нижнего офиса. Ходил тут, вынюхивал, души со скидкой скупал под шумок. Но у нас тут свой устав, Шурочка. Мы тут, считай, призраки, почти что плюс-минус единственные... И гадить в чужие тапки в нашей общаге имеем право только мы! Поняла?! Да, мы так решили!

Мадам презрительно фыркнула в сторону двери и продолжила:

— А этот рогатый хочет на халяву всё получить! Не-не, мы чужие тапки никому не отдадим. А то ишь, повадились. Те, кто эти контракты подписывает, и так их почти задаром, в кавычках, отдают. А нам вообще за это дело ничего не предлагают! Да мы бы и не согласились. Так что местные общажные тапки — только для наших какашек, как говорится, ха-ха-ха!

Саня в олимпийке согласно кивнул, угарно подмигнув Шуре:

— Во-во, чисто кошачий закон! Так что привыкай, соседка. Если к тебе в комнату ночью просунется какой-нибудь чёрт в костюме и начнёт предлагать путёвку на Мальдивы в обмен на подпись — сразу нам свисти. Мы из него быстро подушку для дивана сделаем. Шура только тяжело вздохнула, судорожно прижала ладонь ко лбу и обречённо пробормотала:

— Мама дорогая... Куда я вообще заселилась... Пока живая была, я об этом даже ни сном ни духом — ни об этом всём, ни о вас, как говорится. А тут умерла, обо всём этом узнала — вообще жуть! Мало того, что на этажах живые как из дурки ходят, так ещё и мёртвые чертей из-за тапок поджопниками гоняют...

Шура от такого ответа только затылок почесала, переваривая услышанное, и Троица не торопясь потащила её наверх, попутно просвещая насчёт местной общажной фауны.

— Да ты не дёргайся так, Шура, привыкнешь, — лениво бросил Саня, перепрыгивая через две ступеньки. — Тут ещё и не такое шуршит по углам. Зомби вон подвальные иногда забредают, чисто поржать. Ты, кстати, насчёт живых особо не обольщайся. Тебя теперь для них не существует вообще. Только дети мелкие иногда палить могут, да животные некоторые — эти не видят, но жопой чувят, шугаются постоянно. А для остальных ты пустой воздух.

Шура аж остановилась на площадке третьего этажа, поправила призрачные локоны и согласно кивнула:

— Ну, кстати, насчёт детей и животных я это уже заметила. Было дело... Но вы сейчас серьёзно, блядь? Какие ещё нахрен зомби?! Вы меня тут на понт не берите!

Дед Матвей угукнул в усы, переглядываясь с Мадам, и они дружно прыснули.

— Да обычные, какие! — Мадам ехидно подмигнула. — Самоубийцы бывшие. Их же вроде как за кладбищем положено хоронить, тело-то закопали, а душонки неприкаянные всё равно в черте города болтаются. Вот и тянет их обратно к теплу, по старой памяти. Но они, Шурочка, разные бывают. Нам тут собратья по несчастью, которые раньше в общаге тусовались, а потом уже ушли — ну, съехали насовсем, короче, — до хрена историй порассказали.

— Ага, — кивнул дед Матвей, заходя на пролёт. — Кто-то из них может спокойно уйти с того места, где коньки отбросил, и шариться где попало. А кто-то прилипает намертво к своей петле или окну и двинуться не может. Почему так происходит? Да хрен его знает, мы не скажем, потому что тупо сами не знаем почему, ха-ха! Но те, которые бродить могут, почему-то постоянно в подвалах шкереются. Чем они там походу питаются — фиг его знает, крысами или сыростью, бр-р.

— И как вы понимаете, что это именно они? — Шура брезгливо поморщилась, поднимаясь следом за ними к своей секции. — По внешнему виду, что ли?

— Да ну, какой вид, на запах, естественно! — хохотнул Саня. — Разит от них за версту тоской и плесенью подвальной, ни с чем не перепутаешь.

Мадам вальяжно зашла в коридор четвёртого этажа, резко остановилась и строго посмотрела на Шуру:

— Но самый ахтунг, Шурочка, это третья категория. Некоторые самоубийцы, которые уже совсем старенькие, древние, у них со временем вообще вся память стирается наглухо.

Они себя ведут чисто как животные — дикие, тупые и агрессивные. Мы их сами, честно сказать, в глаза не видели, но то, что нам про них знающие люди рассказывали, оптимизма не внушает. Так что если учуешь такую шваль — к ним вообще не приближайся! Чем дальше от них держишься, тем лучше для твоего же призрачного здоровья. Поняла?

Шура испуганно сглотнула и прижалась к стенке.

— Мы бы, может, и рады были со всей этой местной фауной помочь разобраться, — Саня хмыкнул и развёл руками, — да только знаний у нас — пшик на всех, если честно. Товарищ из договорного отдела, которого мы сейчас под жопу выпнули — мы ж его далеко не первого выпроводили, опыт имеем. А из остальных гадов только паразитов местных гоняем. Ну и пару самоубийц на районе издавна видели, и то из них только один к нам в общагу заходил, покрутился да свалил.

— Ладно тебе опять девку пугать, — дед Матвей невозмутимо поправил халат. — Нам тут ещё много чего бывалые соседи порассказывали за столько лет, уши завянут. Есть тут такие кадры в городе, которых мы сами пока не встречали. Город у нас слишком большой, Алма-Ата вон как разрослась, чтобы всех в одну нашу общагу перегрузить, ха-ха! Так что радуйся, что пока только скользкие торгаши из преисподней до кассы доходят. А с остальным постепенно разберёмся.

Ляйсан, уставшая после курьерской смены, на автомате зашла в тёмную комнату. Она привычно шлёпнула по кнопке чайника, но тот предательски промолчал. Вот тут девчонка окончательно поняла, что Света ушла на долгое романтическое свидание и обещала вернуться нескоро. Именно в этот момент Ляйсан дико захотела сходить в магазин, чтобы взять себе хоть чего-нибудь пожрать. Бессильно повалившись на матрас, она лежала в темноте и напряжённо думала, что именно купить и как это приготовить без плиты, но глаза сами собой закрылись. Студентка просто мертвецки уснула, так и не доперев до магазина.

Мадам решила времени зря не терять. Раз уж тушка осталась голодной, это был идеальный момент, чтобы проявиться по-крупному в первый раз и заодно преподать сожительнице принудительный мастер-класс по выживанию.

За этой картиной через приоткрытую дверь всюю наблюдали дед Матвей и Шура.

Мадам организовала спящей Ляйсан глубокое погружение прямо во сне. Видит деваха, что она стоит посреди своей тёмной 402-й комнаты. Из угла выплывает Мадам, ехидно улыбается и достаёт откуда-то из закровов старую, огромную железную банку из-под маргарина — знатный раритет прямиком из нулевых. Ляйсан во сне стояла в полном афиге, переводя взгляд то на летающие продукты, то на ухмыляющуюся Хозяйку, и в панике выдала:

— Да ты вообще кто такая?! Что за магия тут происходит?!

Мадам в ответ только ехидно показала ей язык, молча подмигнула и принялась за дело, всем своим видом демонстрируя: «Скучно мне, вот и развлекаюсь, смотри и учись!». На глазах у изумленной Ляйсан Мадам наливает в жестянку холодную воду, бросает туда заварку, плотно закрывает посудину крышкой и бесцеремонно суёт её под прямую струю горячей воды, со свистом бегущей из-под крана.

— Смотри и запоминай, лакшери-дива, — принялась ехидно пояснять Мадам за призрачную кулинарию. — Чтобы под краном у тебя получился нормальный, крепкий чифир из хорошего листового чая, баночке надо вот так постоять минут двадцать, а то и все тридцать!

Ляйсан в полузабытьи только округлила глаза и проморгала:

— Двадцать минут на один чай?! Ты издеваешься?!

Мадам от такой тупости аж со всей дури хлопнула себя ладонью по лбу:

— Тьфу ты, блин! Я тебе про нормальную, человеческую заварку говорю! Твои-то дешёвые пакетики там вообще за секунду растворятся, ха-ха-ха! Но мы тут лёгких путей не ищем.

Мадам с победным видом берет раритет и чисто для смеха, чтобы добавить абсурда, аккуратно переливает получившийся чай прямо в холодный электрический чайник. Сразу после этого она быстренько споласкивает жестянку под краном от остатков заварки, и следом в эту же самую железную тару полетели куски откуда-то раздобытого нежного куриного филе, лук и специи.

Мадам снова наглухо закрыла банку крышкой, опять засунула её под кран и победно ухмыльнулась:

— Ты на суп посмотри! Вот под прямой струёй горячей воды в закрытой банке супчик у тебя сварится за четыре-шесть часов. А вот в обычном термосе с такой готовкой ты замучаешься! Там же всё томится только на том, что ты внутрь залила. Если залить термос крутым кипятком из чайника, то дело пойдёт чуть быстрее, почти как в банке под краном. А вот если просто из-под горячего крана налить, то куковать тебе придётся часов шесть, а то и все восемь!

За дверью дед Матвей тихонько хихикал в усы, подталкивая локтем Шуру:

— Эк её разнесло! Слушай, девка, я тут с советских времён торчу, а даже сам о таких методах готовки не знал, ха-ха!

Мадам во сновидении сочно расхохоталась, на прощание помахала Ляйсан ручкой, звонко щёлкнула пальцами перед её самым носом и мгновенно исчезла. И ровно на этом щелчке кулинарный гипноз резко оборвался.

Ляйсан резко открыла глаза. В комнате было светло, наступило утро, но электричества по-прежнему не было. Девчонка потянулась, вспомнила, что заснула голодной перед походом в магазин, села на кровати и уставилась на стол.

На чистой, выскобленной столешнице в гордом одиночестве стоял чайник, а рядом с ним высилась та самая раритетная железная банка из-под маргарина. Ляйсан медленно, с опаской подошла к столу и потрогала чайник — он был отчётливо тёплым, а внутри приятно пахло свежим чаем. Она заглянула в жестянку и обомлела: там стоял свежеприготовленный, почти горячий, наваристый суп из куриного филе с мясом и луком.

Деваха испуганно отшатнулась назад к кровати, округлив глаза, и выдала в пустую комнату:

— Что, блядь?.. Да как это вообще?! Я же даже до магазина не дошла!..

Суп из куриного филе получился настолько наваристым и вкусным, что оторваться от него студентка просто не могла, хоть её и трясло от непонимания. В голове окончательно всё перемкнуло, и кулинарное любопытство взяло верх над страхом. Пока она вовсю хомячила этот неожиданный завтрак, Ляйсан открыла браузер на телефоне и принялась лихорадочно шуршать по сети, чтобы хоть как-то логически объяснить эту дичь.

После долгих поисков она случайно наткнулась на какой-то богом забытый, древний общажный форум из нулевых, где ветераны коммунального быта делились экстремальными лайфхаками. Ляйсан пробежалась глазами по строчкам на экране, и у неё волосы дыбом встали. Там для смеха чёрным по берегу расписывались все прелести такой экстремальной готовки. Чтобы просто согреть воду для чая в закрытой жестянке под краном, требовалось держать её там не меньше сорока минут. Бывалые форумчане в комментариях откровенно ржали над качеством водопроводной воды в таких условиях, предупреждая, что после этого будешь ещё долго плевать хлоркой, ха-ха! А вот чтобы сварить в банке суп, уходило примерно от четырёх до шести часов, причём с обязательной пометкой: посудина должна была стоять под горячей проточной водой постоянно, её вообще нельзя было убирать ни на минуту.

Вот тут у нашей студентки недоумение достигло предела. В голове мгновенно восстановились ночные образы, и пазл сложился в полную мистику. Она лихорадочно сопоставила данные на экране с тем, что видела ночью: подожди, но они же во сне сделали всё это буквально за десять минут, пока она спала!

Девчонка растерянно заозиралась по углам комнаты, сглотнула и полушёпотом испуганно

спросила в пустоту:

— Слышите, тётенька... Вы кто вообще?! И как вы это за десять минут сделали?!

Ляйсан мысленно прикинула масштабы катастрофы по форумным меркам, и у неё внутри всё похолодело. Она испуганно прошептала:

— Мать моя женщина... Это ж сколько литров горячей воды утекло, пока я спала? Да у нас коммуналка в этом месяце выйдет просто «охрененная»! Нас же Артурчик с потрохами сожрёт за такие счета!

Мадам, вальяжно стоявшая прямо перед ней со скрещенными на груди руками, от такого захода едва сдерживала гомерический хохот. Она ехидно сощурилась, глядя на тонущую в догадках студентку, и выдала вслух, чисто для собственного удовольствия:

— Ой, ну умора, держите меня семеро! Ты не переживай так, лакшери-дива, эти ваши счётчики мне вообще не помеха. Секрет фирмы, как говорится, ха-ха! Фирма веников не вяжет и секретов не сдаёт! И вообще... с чего ты взяла, что я этот суп вообще в твоей комнате готовила, ха-ха-ха?!

Естественно, живая деваха этот подкол призрака не услышала, но по стенам комнаты снова пробежала едва заметная прохладная вибрация, заставив шторку качнуться. Ляйсан только передёрнула плечами от внезапного сквозняка, вздохнула и продолжила с аппетитом уплетать наваристый призрачный кулинарный шедевр, мысленно прощаясь со своей стипендией.

Прошла пара недель. Все эти дни Ляйсан жила как в тумане, чувствуя себя форменной шизофреничкой. В то самое утро, наспех доев наваристый суп, она убежала на учёбу в МУАД, а когда вечером вернулась в 402-ю — раритетной маргариновой банки на столе уже не было. Исчезла, будто её и не существовало. Девчонка обшарила все углы, заглянула под матрас, перерыла кухонную тумбочку — голяк. Ляйсан даже в коридор к общим раковинам выходила, думая, что спросонья сама её туда утащила, но жестянки нигде не было.

«Ну не приснилось же мне это?! — в панике думала она, лихорадочно перебирая в голове воспоминания. — Я же отчётливо помню вкус куриного филе! Я его ела! Суп-то был настоящий, горячий! Куда, блядь, делась банка?!»

В один из дней на телефон Ляйсан пришло короткое уведомление — выставили счёт за коммунальные услуги. Девчонка резко вздрогнула, когда поняла, что пришёл тот самый расчёт за воду. Как и положено в наше время, никакой бумажной макулатуры в почтовом ящике не было, всё упало в электронном виде через мобильное приложение.

Ляйсан сидела на кровати, гипнотизируя экран своего айфона. Открывать раздел платежей было до жути боязно. В голове до сих пор крутились те самые сорок минут на заварку и четыре часа непрерывного заплыва жестянки под краном с форума. Мало того, что банка испарилась, так теперь ещё и за воду придётся отдавать всю курьерскую зарплату. Она уже мысленно распрощалась с деньгами, представляя там астрономические кубы за горячую воду.

Замирая от ужаса, она всё-таки зажмурилась, ткнула пальцем в экран, а потом медленно приоткрыла один глаз. Смотрит раз, смотрит два, моргает... Счёт за коммуналку оказался точно таким же, как и в прошлом месяце. Никаких лишних кубов, никакого перерасхода, всё копейка в копейку, будто краном в этой комнате вообще никто не пользовался.

Ляйсан ошарашенно уставилась в одну точку, почесала затылок и пробормотала вслух:

— Я вообще ничего не поняла... Банки нет, перерасхода нет... Как это, блядь, работает?! Я точно с ума схожу.

Мадам, вальяжно раскинувшись в своём кресле в углу 402-й, просто покатывалась со смеху, глядя на её вытянутое лицо. Издеваясь на полную катушку, Хозяйка зажала ту самую пропавшую маргариновую жестянку между ног дном кверху и принялась весело отстукивать на ней пальцами победный ритм, как на барабане. Она ехидно сощурилась на тонущую в догадках студентку и беззвучно выдала под свой собственный аккомпанемент:

— Учись, лакшери-дива, пока я добрая! Банку я прибрала, а твои электронные циферки мне до одного места, ха-ха-ха!

На дворе стоял ноябрь, и суровые алматинские холода уже вовсю заявляли о своих правах. Но нашей призрачной бригаде на минусовую температуру было глубоко плевать, поэтому вечером они дружно вылезли на крышу общаги — так, чисто для разнообразия, подышать свежим кислородом да немного померзнуть за компанию, ха-ха!

Сверху ночная Алма-Ата казалась бесконечным морем из тёмных крон карагачей и россыпи жёлтых огней, уходящих куда-то к невидимым в темноте горам. Осенний ледяной ветер знатно свистел между старыми вентиляционными трубами, наводя тоску на живых, но на крыше разворачивалась своя атмосфера.

Саня в своей неизменной олимпийке лениво балансировал на самом краю парапета, дед Матвей пристроился на какой-то груде старого рубероида, а Мадам вальяжно уселась на бетонный козырёк, подставив лицо ночной прохладе. Шура крутилась рядом, привыкая к высоте.

Дед Матвей почесал призрачный затылок, всматриваясь вниз, во внутренний двор, и решил немного подколоть Хозяйку:

— Слышь, Мадам, а где твоя мелкая-то шляется? Что-то поздновато уже, а её всё не видно. Опять со своим баулом где-то по городу прыгает? На ночь глядя-то.

Мадам насупилась, раздражённо поправляя халат, и недовольно зыркнула в сторону далёкого проспекта:

— Да хрен её знает. Саня, ну-ка сообрази, где её носит! Не хватало ещё, чтобы её где-нибудь в подворотне прижали. Придётся потом хрен пойми где её искать по всей Алма-Ате!

Саня аж попятился на краю парапета, удержал равновесие и ухмыльнулся:

— Слышь, Мадам, а я-то откуда знаю, где её черти носят? Я тебе не Вольф Мессинг, мысли на расстоянии читать, ха-ха!

Шура, которая крутилась рядом и рассматривала город с высоты, только ухмыльнулась.

Она вдруг остановилась, повернулась к старожилам и выдала:

— Мальчики и девочки, хотите фокус?

Она забавно зажмурилась на пару секунд и наглухо зависла, концентрируясь. Поймав нужную волну, Шура победно открыла глаза и уверенно вытащила прямо из воздуха светящийся призрачный силуэт телефона. Потряся гаджетом перед их носами, она ехидно расхохоталась:

— Во-о-от, смотрите, что я делать научилась! Пока вы тут сидите, херней страдаете, пердуны и бездельники старые, я зря времени не теряла, ха-ха! Давайте я ей сама наберу, пообщаюсь, проверим, где эта потеряшка. Ляйсан ведь у нас в городе в первый раз потерялась, надо же выручать девку.

Вся бригада этот фокус заценила, но от её наглости Мадам аж воздухом призрачным поперхнулась. Халат на ней гневно зашевелился, а сама она выдала:

— Слышь, новенькая! Ты кого тут старыми пердунами назвала, обалдела совсем?! Я тебе сейчас такую дымовую завесу у тебя под носом повешу — будешь бродить в ней неделями, как ёжик в тумане, приколистка хренова!

Шура от такого захода аж поморщилась и брезгливо замахала рукой перед лицом, отгоняя воображаемую хмарь:

— Ой, фу-у, Мадам... Я даже представить боюсь, что это за туман такой будет, ну тебя, ха-ха-ха!

Дед Матвей тоже усы насупил, хотя одобрительно крикнул, разглядывая светящуюся трубку:

— Ишь, расфуфырилась, сопля зелёная! Нам ещё тут бабки вчерашние не дерзили!

Ничего, я придумаю, как тебе за «пердунов» отомстить, устрою тебе ещё весёлую жизнь в общаге... Но трубка ладная, соображаешь...

Саня на парапете только тихо прыснул в кулак, качаясь из стороны в сторону — он в эти разборки ветеранов лезть не собирался, чисто на нейтралке кайфовал с шоу. Выждав паузу, он вытаращил глаза на новенькую:

— Нифига себе! Шура, ты уже и трубки телефонные брать можешь? Да ещё и достала её из ниоткуда, ха-ха! Растёшь, подруга, не по дням, а по часам!

Шура угарно ухмыльнулась, возвращая себе пафосный вид:

— Учись, молодёжь, пока я... ну, относительно живая!

Она уже приготовилась победоносно ткнуть пальцем в экран, но тут осеклась и

растерянно почесала затылок. Наступила неловкая пауза.

— Э-э... народ, а куда звоним-то? В морг, в больницу или ещё куда трезвонить будем? У меня её номера нет вообще-то.

Мадам грохотом расхохоталась на всю крышу, моментально забыв про обиду и держась за бока:

— Ха-ха-ха! Связистка хренова! Кому ты там звонить собралась, в рельсу?

Однако, отсмеявшись, она резко посерьёзела:

— Спокойно. Номер, по-моему, в договоре был, который мелкая с Артурчиком подписывала. Сейчас схожу в комнату, посмотрю.

Мадам коршуном метнулась вниз и через полминуты вернулась, победно потряхивая призрачной копией договора аренды. Она разложила мятый листок на рубероиде, и вся бригада, сгрудившись в кучу, принялась с горем пополам разбирать корявый почерк Артура.

— Так, ну-ка... — дед Матвей аж прищурился. — Семь, семьсот семь... А это что за закорючка? Восьмёрка или три?

— Да какая восьмёрка, Матвеич, разуй глаза, это девятка! — Саня ткнул пальцем в бумагу. — Артурчик, гад, написал как курица лапой. Корявый капец, хрен разберёшь.

— Тихо вы, знатоки, — прикрикнула Мадам. — Шура, пиши, что разобрали. Набирай наугад, короче!

Шура сквозь зубы вбила эти кривые цифры и пробила фантомный импульс сквозь реальную сотовую сеть. Сигнал пошёл, и где-то на нижних этажах, пробиваясь сквозь бетон крыши, глухо защёлкали гудки. На том конце провода наконец ответили.

Послышался тяжёлый, прерывистый вздох Ляйсан, шуршание каких-то кустов и далёкий лай собак. Девка, разумеется, понятия не имела ни о каком призрачном союзе на крыше её общаги, поэтому Шура мгновенно сделала максимально серьёзный, вежливый голос заправского оператора:

— Здравствуйте! Это компания Билайн. Не хотите ли приобрести наш новый тарифный план «Выгодный»? У нас сейчас отличные условия, скидки...

Из динамика вместо раздраженного отказа вдруг раздался испуганный, дрожащий и хныкающий голос девки:

— Ой, девушка, пожалуйста, не кладите трубку! Какая скидка, у меня тут интернет сдох и сеть почти не ловит... Я заблудилась нахрен! Тут темно, заборы какие-то, деревья огромные, навигатор не работает, я вообще не понимаю, где нахожусь! Помогите, а? Шура от такого поворота едва призрачный палец с экрана не убрала. Она быстро переглянулась с притихшими Мадам и дедом Матвеем, удерживая связь, и продолжила подыгрывать:

— Так, девушка, спокойно, без паники. Оператор Билайн на связи. Вы вообще в каком городе находитесь?

— В Алма-Ате! — всхлипнула в трубку Ляйсан. — В Алма-Ате я, тут район какой-то глухой, Роцца Баума рядом, кажется...

Шура ехидно ухмыльнулась, подмигнув Сане. Она один глаз прикрыла, кончиком языка от усердия верхнюю губу прикусила, настраиваясь. Пока Ляйсан там в трубку хныкала, Шура

буквально зацепилась призрачным слухом за её голос. Зачем ей координаты, если она сама по себе — чистая энергия? Поймав уходящий электрический импульс затухающего звонка, Шура выдала в трубку самым загробным, леденящим душу тоном:

— Алма-Ата?.. Хм, нет. Извините, этот город я не знаю. Раз вы наш продукт покупать не хотите, то и помочь я вам ничем не могу. Всего доброго!

Шура нажала на отбой, её фантомное тело мгновенно сорвалось с крыши, втянулось в сеть и пулей полетело через весь огромный ночной город прямо по проводам — туда, к тёмным заборам у Роши Баума.

Материализовавшись прямо за спиной у Ляйсан среди вековых карагачей и глухих стен, Шура брезгливо оглядела этот глухой угол. Мелкая стояла, растерянно глядя в погасший экран телефона, и шмыгала носом. Шура вздохнула, закатала призрачные рукава и применила плечевую систему поводья: подошла сзади и положила руку Ляйсан прямо на правое плечо.

Для начала Шура попыталась рулить деликатно — аккуратно ущипнула девку за плечевую мышцу, давая знак притормозить. Но Ляйсан, у которой от курьерского баула и паники все чувства притупились, только раздражённо дёрнулась и пробурчала под нос:

— Ой, блин! Меня тут ещё и комары какие-то бешеные щипать начинают! Какие, нахрен, комары в начале ноября?!

Шура на секунду обалдела от такой тупости. Раз плечо девка списывает на насекомых, надо действовать точечно. Шура протянула пальцы и аккуратно, но крепко взяла Ляйсан за правое ухо и потянула в сторону.

Девка от неожиданности — раз! — и рефлекторно развернулась всем корпусом вправо, переставляя ноги в сторону узкого, незаметного в темноте прохода между домами. Ухо знатно закололо от призрачного холода, а Ляйсан дико заморгала в темноту, потирая раковину:

— Да что за аномалия-то... Одно-единственное ухо, правое, в хлам закусали! Прямо зажали его там, что ли...

А дальше дело пошло уже по отработанной схеме. Шура плечевую систему держала жёстко, а чуть что не так — сразу дёрнула или тащила девку за это несчастное правое ухо. Наклонит руку на плече влево или вправо — и Ляйсан, подчиняясь смещению тяжести, сворачивает в лабиринты частного сектора. Чуть затупит — Шура её опять за ухо цап и тянет в нужный коридор. Опускала плечевую кость вперёд и вниз, как ручку газа на мотоцикле — и курьерша послушно спускалась по склону. Тянула назад — и та выпрямлялась, забирая вверх, туда, где сквозь ветки деревьев уже вовсю брезжил спасительный свет фонарей проспекта Сейфуллина. Ляйсан всю дорогу только материлась на невидимых ноябрьских мутантов, которые облепили ей одну сторону головы.

Шура вела её уверенно. Через пару минут они наконец вынырнули из темноты частного сектора прямо к освещённой автобусной остановке. На Ляйсан сразу пахнуло цивилизацией и шумом редких машин.

В этот же момент к бордюру как раз подкатил пустой вечерний автобус. Шура сделала последний плотный толчок в плечо Ляйсан, буквально заталкивая девку внутрь автобуса. Это был именно их общажный маршрут. Ляйсан послушно ввалилась на ступеньки, двери

за ней с шипением захлопнулись. Шура, ухмыляясь, запрыгнула внутрь автобуса прямо следом за ней, и машина тронулась, увозя уставшую курьершу и её невидимого конвоира домой.

Прошло полтора часа. Троица на крыше уже откровенно заждалась: Саня излазил все парапеты, а дед Матвей испинал кучу старого рубероида, когда из темноты к ним наконец выползла Шура. Вид у неё был — краше в гроб кладут: фантомный силуэт истончился, стал полупрозрачным, ноги подкашивались. Едва дотронувшись до родного бетона общаги, она шумно выдохнула. От привязки к фундаменту её сразу немного отпустило и заземлило.

Саня и дед Матвей тут же подлетели к ней с круглыми глазами:

— Слышь, ты как вообще через телефон к ней переместилась?! Ты что, в телефон свой вселилась, который из воздуха достала, что ли?

Шура, которую бедную знатно шатало из стороны в сторону, оперлась спиной о парапет, тихонько захихикала сквозь усталость и покачала головой:

— Какой телефон, дурни, в какой телефон я вселилась... Я же где-то читала, что призраки — это по сути чистая энергия. Ну я и подумала: а почему бы не попробовать, а вдруг получится? И пока Ляйсан там в трубку хныкала, я просто стояла, один глаз прикрыла, кончик языка от усердия высунула, прикусила его и слушала, как она говорит. Буквально зацепилась призрачным слухом за её голос — вот меня по сотовой волне напрямую туда и утянуло!

Саня от такого расклада аж присвистнул, поправил олимпийку и ухмыльнулся, качая головой:

— Слышь, Шур... Мы тебя уже бояться начинаем, честное слово! Не, ну ладно предметы вытаскивать из ниоткуда — это мы все плюс-минус умеем. Это у нас только Мадам консерваторша, старая школа, не пользуется таким методом вообще. Почему-то научиться не может, кроме как у себя в комнате барахло перекладывать. А ты у нас прямо какой-то мутант продвинутый, как у Стругацких, ха-ха-ха! По проводам она летает, нифига себе!

Шура, привалившись к вентиляционной трубе, устало улыбнулась:

— Учитесь, детки, пока я добрая... Теперь я вас подкалывать буду! Слушайте дальше: прилетаю я в эти магические кусты. Эта размазня стоит, хнычет. Я её аккуратно за плечо щипаю — ну, систему поводыря плечевую включила, чтоб притормозить. А она, прикиньте, себе под нос бубнит: «Меня комары кусают!» В ноябре, слышите?! Комары у неё, блин, мутировали! Намёков вообще не понимает. Пришлось её за правое ухо брать и конкретно так тащить, чтоб она корпус в нужную сторону разворачивала. Она всю дорогу только шла и материлась, что ей одно-единственное правое ухо в хлам закусали и зажали.

Саня от такого юмора прыснул в кулак, а Мадам тоже довольно хмыкнула, но глядя на бледную и истончившуюся Шуру, спросила уже серьезнее:

— Ну а сама-то как? Как прогулочка по городу?

Шура устало сползла по стенке прямо на бетон крыши:

— Да по мне как будто товарный поезд проехался, вся выжатая... В городе вообще жутковато, я пока мелкую вела, такого навидалась — пипец полный. У нас на районе призраков парочка всего ходит, а там, в центре и на окраинах — толпы! Бледные, пустые, вдоль дорог стоят, в кустах караулят... Парочка местных фантомов на меня даже напасть попыталась, еле отмахалась!

Шура передёрнула плечами и округлила глаза:

— Но ладно наши, мертвяки... Я там вообще непонятных каких-то существ видела! Твари склизкие, изнанка города из них прямо кишит в темноте, за колёса автобусов цепляются, из люков скалятся. Я же при жизни любительницей фантастики была, тоннами её читала — но клянусь, таких монстров я даже в книжках не встречала! Мне там, блин, в двести раз страшнее было, чем этой нашей студентке в темноте! Ляйсан-то просто заборов пугалась, а вокруг неё такой зверинец творился... В автобусе вечернем, пока назад ехали — вообще жуть. Живых пассажиров ноль, автобус по факту пустой, только водила на дороге воет, материт «козлов» на чём свет стоит и крутит баранку как бешеный. И вот в этом пустом салоне неприкаянные тени шляются, Ляйсан на заднем сиденье зажатое ухо натирает, а за окнами по стеклам эти твари склизкие прыгают... Короче, народ, нет ничего роднее нашей общаги.

Мадам только головой покачала, глядя на это полупрозрачное несчастье, и тихо, со смехом за занавеской своей обычной строгости, произнесла:

— Ну и зрелище, конечно. Ты же вон к мелкой нашей как-то переместиться смогла по трубке? Ну так возьми да позвони своим родственникам, делов-то. Проведай, поболтай. А то застрянешь тут с нами, старожилками, и с ума сойдёшь от этой общажной тоски.

Шура снизу вверх вытаращила на неё глаза, а потом, несмотря на дикую усталость, ехидно расхохоталась:

— Не, ну можно, конечно... Но слышь, Мадам, ты сама-то себе это представь: сидят они дома, чай пьют, и тут им покойник с того света на мобилу звонит! И что с ними после такого звоночка случится, а?

Мадам аж согнулась, прыснув со смеху, и угарно подмигнула деду Матвею:

— Ага, точно! Сердце встанет нахрен — и сразу к нам сюда, в общагу, на ПМЖ! Ха-ха-ха! Семейный подряд, блядь!

Шура сквозь ржач замахала руками, качая головой:

— Во-во! А мне потом, представь, обратно сюда возвращаться? Ладно мелкая — она тут поблизости была относительно, а родственники-то мои вообще далековато живут, ха-ха! Если по мне после этого похода ощущение, как будто товарный поезд проехался, то там я вообще не представляю, что со мной будет! Я ж после такой дальней прогулки обратно могу и не дойти, вся по дороге испарюсь! И кому я оттуда звонить буду, чтобы меня по кабелю назад притянуло?

Она хитро прищурилась, обведя взглядом Троицу, и ехидно добавила:

— Разве что я подружке своей бывшей наберу, которая здесь, в общаге, осталась.

Слушай, ну и всё! Перетянем её сюда за компанию, и у нас в общаге начнётся потихоньку

размножение привидений, ха-ха-ха! Скоро целая армия будет!

Саня, который до этого сидел тихо, тут же оживился, поправил олимпийку и ухмыльнулся, подмигнув деду Матвею:

— Слышь, Шур, ну всё! Раз ты у нас такая резвая, по проводам летать научилась и даже предметы из воздуха достаёшь, считай, бизнес-план готовый. Будем тебя теперь отправлять, куда нам надо, ха-ха-ха! Заграничный наш агент. Начнём с малого — будешь в универмаг на Сейфуллина мотаться за ништяками на всю честную компанию. А то мы тут присохли к крыше, а ты вон какая шустрая — одна нога там, другая здесь!

Шура от такого захода аж призрачный кулак к лицу прижала, качая головой, а потом ехидно посмотрела на Саню:

— Ну ничего себе ты меня далековато отправил, умник! До универмага на Сейфуллина пилить — я ж не дойду! Да и к тому же, цены там уже давно не такие, ха-ха! Я бы, может, ещё в ближайший магаз у дома сходила, но меня как бы никто и не просил, ха-ха-ха!

Она победно обвела взглядом притихших старожилов и продолжила разнос:

— И вообще, расплачиваться вы там чем собираетесь, бизнесмены хреновы? Саня, у тебя вся валюта из девяностых, её только в музей сдать. У деда Матвея советские рубли, которые современные продавщицы в глаза никогда не видели! А у Мадам денег вообще не допросишься, у неё по делам всегда ноль! Да и какими деньгами я товар брать буду, и как они мне сдачу отдадут, а?! В карман им засылать, пока они спят, а у них из баулов бутылки вытаскивать, ха-ха-ха?!

Шура аж согнулась от смеха, замахала руками и угарно запричитала:

— Нет, ну вы представьте себе картину! Ладно, деньги я на прилавок положила. Взяла бутылку или хлеб... И прикиньте, как в фильмах про привидения: булка сама по себе по воздуху взлетает и к выходу плывёт! Продавщица — хлоп в обморок прямо за кассу! Ха-ха-ха! Купила, блядь, ништяков!

Шура фыркнула, утирая призрачные слёзы:

— Ага, сейчас! Только шнурки поглажу, запрягу свои золотые пятки прямо до прилавка — и побегу вам за покупками, ждите больше!

Немного помолчала, переводя дух, а потом задумчиво посмотрела на Троицу:

— Слышьте, а вы вообще контакты наладить с соседними домами не пробовали? Ну, просто узнать по-быстрому, кто там ещё есть из наших, кто обитает в округе, грубо говоря?

Троица переглянулась, и Саня скептически хмыкнул, качнув головой:

— Да пытались мы как-то, было дело. Но сам прикоп представь: орать фантомным голосом на всю улицу с крыши или с козырька подъезда на весь двор, чтобы до соседней панельки долетело — ну сама понимаешь, идиотизм полный, да и не особо удобно. Мы же кричать пытались туда первое время, но штука в том, что у нас стена общажная звук держит и далеко он не проходит. Наша граница возле подъезда как глушитель работает: те, кто поближе, во дворе — нас ещё слышат, а вот дальние вообще ни хрена, потому что наши голоса сквозь эту невидимую стену далеко пробиться не могут. А там, на той стороне, некоторые вообще говорить не могут. Стоят как столбы, мычат или руками

машут. Других просто тупо не слышно — слишком они тихие какие-то, звук до нас вообще ноль. Короче, тухлая затея оказалась.

Саня поправил воротник олимпийки и задумчиво добавил:

— Не, ну с парочкой-то местных, которые у нас тут совсем рядом во дворе крутились, мы, конечно, общаемся иногда. Так, чисто перекидывались парой слов. Но мы как-то недолго с ними контактировали — они потом куда-то смылись, и поминай как звали. За пределы общаги-то хода нет особо, не побежишь догонять.

Шура хитро прищурилась и победно ухмыльнулась:

— Орать они пытались, связисты хреновы, ха-ха! Так вы главного не поняли! Я же теперь за подъезд выходить могу! Сами же видели, как я тогда испытания со стеной прошла, когда вы меня нашли, да и на похороны свои я сама ездила. А тут ещё и через телефон переместиться смогла!

Она сделала короткую паузу, ехидно оглядела притихшую Троицу и весело добавила:

— Так что, раз уж я, считай, «за границей» побывала, будем теперь строить международные отношения, ха-ха! У нас появилась новая цель в жизни! План такой: раз я теперь выездная, я сперва в соседний подъезд загляну, там со всеми нашими связь наладим лицом к лицу, а потом уже и на соседние дома переключимся. Всю округу под себя сомнём!

Зима в том декабре выдалась на редкость щедрой — Алма-Ату наглухо завалило нормальным, густым снегом. Белые хлопья плотной стеной валили за окном, укутывая двор и бетонный козырёк родного подъезда. Наша общажная Троица, встретив этот первый серьёзный снегопад, знатно заскучала. На крыше в такую метель ловить было совершенно нечего, а из своего подъезда они дёрнуться не могли — привязка держала намертво.

И тут, от полной скуки и серости за окном, деду Матвею пришла в голову гениальная идея. Он уже пару дней фантомно листал настоящие учебники Ляйсан, которые та в беспорядке бросала на кровати. От нечего делать старик реально вчитался в конспекты по истории и экономике, и теперь его призрачная душа требовала интерактива. Мелкая как раз спала без задних ног после трёх суток зубрёжки, рискуя наглухо проспять реальный зачёт, и Троица решила устроить ей полноценный экзаменационный морок. Но пугать девку до усрачки никто не собирался — так, чисто повеселиться и в чувство её привести.

Снится Ляйсан её же родная университетская аудитория. За окнами точно так же метёт декабрьский снег, а в классе тепло и пахнет мелом. Вот только за главным столом на кафедре сидит комиссия при полном параде в строгих костюмах. На правах главного приёмщика зачёта во главе стола восседает дед Матвей — очки на носу, вид суровый, профессорский. По бокам расположились Саня и Мадам. Саня, нацепив на себя образ строгого наблюдателя, сидит с важным лицом, крутит в руках ручку и бдительно зыркает по сторонам, следя, чтобы «студенты» под партами не списывали и шпоры из рукавов не доставали.

Ляйсан во сне стоит у доски, сжимая в кулаке билет, сердце колотится. И тут дед Матвей

открывает её же реальный учебник, смотрит поверх очков и начинает гонять мелкую строго по темам. Задаёт вопросы из конспекта, шевелит губами, и Ляйсан всё прекрасно слышит! Она пытается что-то мямлить, путается в датах, а дед только укоризненно качает головой. В конце концов старик сурово хлопает ладонью по столу, смотрит на неё волком и заявляет, что зачёт провален и ждёт её теперь только пересдача. Ляйсан окончательно выпадает в осадок, понимая, что всё пропало.

И вот в этот самый момент Мадам, которая во сне сидит на первой парте прямо перед Ляйсан, решает показать класс. Она резво вскакивает с места, поправляет воображаемую юбку и начинает без запинки выдавать весь материал по теме билета. Чеканит термины, сыплет датами, рассказывает всё так идеально, будто сама этот учебник наизусть выучила. Ляйсан во сне стоит с открытым ртом, хлопает глазами и вообще понять не может: это что ещё за студентка такая взялась? Откуда она всё это знает? Вроде на лекциях вместе сидели, а Ляйсан её в упор не помнит!

Пока мелкая окончательно не запуталась в своих сонных галлюцинациях, Троица решает, что пора переходить к финалу. Мадам, закончив свой идеальный ответ, внезапно резко поворачивается, оказывается прямо перед лицом Ляйсан и под самое ухо ка-а-ак крикнет: — БУ!

Чтобы морок сработал на все сто процентов и зафиксировался в реальности, Саня и дед Матвей в этот же миг в 402-й комнате силой мысли со свистом приоткрывают форточку. Ледяной декабрьский ветер ка-а-ак дунет спящей девке прямо в лицо! Ляйсан этот резкий холодок кожей почувствовала, во сне ей показалось, что это морозный выдох Мадам её обжёг.

Она с испугу ка-а-ак заорёт на всю комнату: «Мама!» — и подорвалась на кровати в холодном поту. Сердце в груди чечётку бьёт, глаза выпученные, сон как рукой сняло. Глянула судорожно на часы — до зачёта час остался! Девка раскидала одеяло и на автопилоте, волоча ноги от пережитого стресса, понеслась в туалет по-быстрому умыться и приходить в себя.

Вот тут Мадам решила дожать юмореску, пока кураж не пропал. Едва Ляйсан, шатаясь, скрылась в коридоре, она вылетела следом к умывальникам и давай прямо перед пацанами изображать нашу студентку. Встала посреди прохода, руки вперёд вытянула, сделала абсолютно пустые глаза, приоткрыла рот, натурально пуская слюну, и закинула голову набок — чистый зомби, который пытается поползти до раковины и не умереть по дороге. Саня и дед Матвей, глядя на этот загробный карнавал, чуть призрачные концы не отдали, беззвучно катаясь по полу от хохота.

В самый разгар этого ржача сквозь бетонную стену со свистом влетела Шура. Хоть её фантомное тело и выглядело молодо, задорно, в этом её вечном белом платье, но за плечами-то у неё было без малого шестьдесят годков земного стажа. Оттого и говор у неё всегда проскакивал своеобразный — хлёсткий, ироничный, с интонациями опытной женщины, которая в этой жизни видела вообще всё и ничему не удивляется.

Заглядывает она в коридор, видит, как Мадам в халате самозабвенно пародирует зомби-студентку, а пацаны валяются в истерике, и её саму аж со смеху поломало.

— Ну вы и артисты, устроили тут самодеятельность, ха-ха! — покачала головой Шура,

аккуратно опуская невидимый, но чертовски ароматный баул на пол, куда через открытое окно нанесло немного снега. — Прямо цирк на выезде, честное слово. Налетай лучше, пока не остыло, сидельцы вы мои дорогие.

Когда первый приступ хохота утих, они все вместе переместились на козырёк. Шура вывалила на парапет целую охапку свежих, густых запахов — эссенцию горячих призрачных пирожков с картошкой и капустой. Саня и дед Матвей аж слюну пустили от этого зажаристого аромата, которого не чувствовали с момента своей смерти.

— Это вам гостинец от Катерины из третьего подъезда, — хозяйски пояснила Шура, поправляя подол белого платья. — Я тут, пока вы ерундой страдаете, времени зря не теряла, тихим ходом на одиннадцатом троллейбусе соседние подъезды обживаю. Там за стенами такая изнанка у района, столько людей интересных, батюшки светы! Хорошо бы вам со мной прогуляться, если бы не эта ваша дурацкая привязка.

Она задумчиво потербила край платья и перевела взгляд на Саню:

— Я вот, кстати, сколько по округе летаю, у других призраков поспрашивать как-то не догадалась. Но, если честно, кроме вашей Троицы про эту привязку к месту вообще никто не говорит. У бабы Кати той же спрашивала, а она плечами жмёт: «Ну, я просто сама захотела тут остаться, вот и сижу». Вы мне вообще объясните нормально, что эта ваша привязка обозначает-то? Откуда она берётся?

Но банда резко сдулась. Веселье как рукой сняло. Саня уныло сплюнул вниз на настоящий сугроб, а дед Матвей тяжело вздохнул, косясь на старую общажную проводку под потолком тамбура:

— Эх, Шурка... Тебе хорошо, ты «чистая» — сама ушла, когда организм от болячки устал, тебя стены не держат, летай где хочешь. А у нас тут, походу, пожизненный срок. Привязка — это, считай, как якорь на корабле. Только который поднять нельзя, потому что он намертво заржавел в грунте. Какое-то жёсткое событие или ситуация, которая тебя в момент смерти к месту приковала и держит, не отпускает наружу.

Саня мрачно кивнул, подпирая плечом стену:

— Во-во, Матвеич дело говорит. Меня вон этот пролёт лестничный пьяного принял, когда я свалился, он меня теперь хрен за порог отпустит. Якорь на дне.

Дед Матвей согласно усы погладил:

— Да, дочка... Электрика здешняя меня прибрала, тут моё место теперь. Где закопали — там и стоим, насмерть к этим кирпичам прикипели.

Мадам многозначительно промолчала, скрывая обиду, что её какая-то невидимая граница наружу не пускает. Она лишь молча поджала губы, величественно поправила халат и уставилась вглубь тёмного коридора, унося с собой тайну того, из-за какой такой старой просьбы её саму держит эта общага.

Шура посмотрела на притихших старожилов, оценила их кислые мины своим мудрым шестидесятилетним взглядом и решила резко сменить тему, чтобы разрядить обстановку:

— Да ладно вам хоронить себя раньше времени, заладили тоже! Вы лучше послушайте, какие я там на третьем этаже разборы полётов устроила, пока эти пирожки у Катерины забирала, ха-ха! Короче говоря, она мне исплакалась вся: покойник один из сорок пятой квартиры повис на площадке между этажами на своей верёвке и висит, качается туда-сюда, паразит этакий, весь вид ей портит, да и аппетит тоже. Ну я и пошла с ним

по-соседски побеседовать.

Саня приподнял голову, уже заинтересованно слушая.

— Ну, прихожу, — продолжала Шура, забавно всплескивая руками. — А этот товарищ висит, бледный весь, унылый, качается как маятник в часах и затягивает свою старую песню: «Меня никто не любил, никто не ценил, подарков на Новый год никто никогда не дарил, даже блокнотика завалящего не дождался...» Я послушала это соплежуйство минуты две, да и говорю ему прямым текстом: «Так, дорогой мой, хорош тут сырость разводить, артист погорелого театра! Тебе внимания не хватало? Ну так послушай меня внимательно, чтобы было чем голову занять. Сходи-ка ты лучше на чердак, найди себе женщину среди наших, задолбал тут на пролёте маячить, глаза мозолить! У тебя что, дурная твоя голова, земные дела ещё не закончились, что ты тут сидишь и ноешь? Короче говоря: ещё раз я тебя здесь увижу, если ты ещё раз соседке аппетит своими синими ногами испортишь... я лично эту твою верёвку тебе в задницу засуну! Понял меня? Живо на техэтаж марш, пока я добрая!»

Троица на козырке замерла, а потом Саня просто покатился со смеху, стуча ладонью по заснеженному бетону:

— Ну ты выдала, Шурка! Верёвку в задницу! Ха-ха-ха! И чё он?

— Да чё-чё, — хохотнула Шура, со своей фирменной иронией уткнув руки в бока. — Петлю руками придержал, глаза округлил, прикинул объём моей агрессии и бочком-бочком утянулся под потолок. Пошёл на чердак личную жизнь налаживать, кадрить кого-нибудь! Так что всё, Катеринина точка теперь под моим присмотром, за пирожки можете не переживать, голодными не останемся.

Банда снова дружно ухахатывалась, забыв про зимний дубак и границы. На козырке заваленного снегом подъезда кипела своя, скрытая от живых, но чертовски весёлая загробная жизнь.

Вечером Ляйсан вернулась в 402-ю комнату — уставшая, измотанная, но довольная до безумия. Скинув сапоги, она прямо в куртке повалилась на кровать, выдохнула и сразу потянулась за телефоном, чтобы набрать маму.

А в комнате уже вовсю расположилась призрачная бригада. Мадам, как обычно, величественно устроилась в своём любимом кресле, поправляя полы халата. Дед Матвей примостился на стуле у стола, Саня лениво развалился на подоконнике, поглядывая на заснеженное окно, а Шура сидела на краешке тумбочки, качая ногой.

— Мам, привет! — радостно зашебетала в трубку Ляйсан. — Ой, замучилась страшно, но зачёт я сдала! Первую эту заразу закрыла, представляешь? Я же из-за работы вообще толком подготовиться не успела, думала, всё, хана мне. А утром, прикинь, такой странный кошмар приснился... Будто сижу я в аудитории, за окном точно такая же метель, и какая-то строгая комиссия меня прямо по темам из учебника гоняет. Ещё и форточка как назло открылась, ветром ледяным прямо в лицо дунуло, я с испугу «Мама!» закричала и проснулась. Сон как рукой сняло! Зато прихожу в университет, открываю билет — а там ровно те вопросы, по которым меня в этом дурацком сне гоняли! Чисто совпало, представляешь какой приколы? На автопилоте всё и выдала!

На том конце трубки мама тихо вздохнула и едва заметно вздрогнула. Она-то прекрасно помнила свой визит в эту общагу, когда приехала с проверкой, и то, как местная чертовщина выживала её отсюда жуткими ночными мороками. По спине пробежал холодок, но пугать дочь она не стала — промолчала, перевела тему и лишь облегчённо поздравила с первой победой.

Пока Ляйсан воодушевленно трещала по телефону, в комнате начались свои, призрачные разборки. Дед Матвей ехидно прищурился, посмотрел на Мадам и тихонько, чтобы живая девка не услышала, прошептал:

— Слышь, Мадам... А ты-то сама как у меня этот зачёт сдала? Прямо соловьем у доски заливалась, все даты без запинки выдала. Откуда такие познания в экономике?

Мадам величественно повела плечом, ничуть не смутившись, и так же тихо, с долей здорового ехидства, ответила:

— Много будешь знать — скоро состаришься, Матвеич. Я-то, в отличие от некоторых, пока ты там очки протирал, в конспекты мелкой подглядывала, они у неё на столе раскрытые лежали. Вот оттуда всё и прочитала, пока вы с Саней её отвлекали. Я тебе, конечно, уже не школьница, чтобы на лету все эти ваши графики запоминать, приходится крутиться.

Саня на подоконнике от такого признания прыснул в кулак, едва сдерживая ржач:

— Ну, Мадам, ну даёшь! Чисто профессиональное списывание на изнанке!

Шура на тумбочке тоже тихонько ухмыльнулась, поправляя подол своего белого платья, и негромко захлопала в ладоши:

— Да, не зря вы всё-таки устроили кошмар любого студента! Да ещё так отыграли хорошо, мои аплодисменты! Глядишь, так общими усилиями из неё человека сделаем, и зачётная книжка чистая будет.

Старожилы общаги сидели в тёплой комнате, слушая весёлую болтовню Ляйсан по телефону, и беззвучно подмигивали друг другу. Зимняя сессия только началась, а значит, впереди у их призрачного педагогического кружка было ещё очень много работы.

Двадцать шестой год катился к своему финалу, и за день до Нового года Алма-Ату накрыло настоящим предпраздничным хаосом. За окном валил густой, пушистый снег, укутывая общажный двор белым одеялом, а в 402-й комнате вовсю кипел лютый призрачный спор. Ляйсан дома ещё не было — девка заканчивала свой безумный курьерский марафон, развозя последние годовые отчёты и договоры по конторам. Зато призрачная бригада была в полном сборе и вовсю развлекалась, пока живые резали салаты.

Троица плотно надела на Шуру. От скуки и праздничного куража Сане и Мадам пришла в голову грандиозная идея: организовать письменную службу знакомств для всех призраков округа. Саня вовсю подкалывал Шуру, пытаясь запрячь её работать эдаким загробным смс-чатом — разносить фантомные записки и анкеты одиноким бедолагам по чердакам и подвалам.

Шура от такой вакансии почтальона Печкина отбивалась руками и ногами, поправляя свою пышную причёску:

— Не-не-не, ребята, даже не просите! Я, конечно, выгляжу молодо, бабёнка задорная, но

мне вообще-то шестьдесят годков земного стажа! У меня свои интересы в этой жизни имеются — девчат из третьего подъезда проведать, новости свежие узнать, у бабы Кати на кухне посидеть. Я вам что, нанималась по каждому дому чужие любовные Сися Месси на своих ногах разносить, ноги бить? Сами свои письма разносите, деятели хреновы! Слушай, Сашка, а зачем вам вообще я, когда вы можете на улице голубей наловить и через них свои записки отправлять? Долго, конечно, чертовски долго, да и долетят ли вообще — большой вопрос. Но зато отправите кому-то случайному адресату, пускай развлекается, ха-ха!

В самый разгар этого крика дверь 402-й со скрипом приоткрылась. В комнату на абсолютном автопилоте ввалилась замученная Ляйсан. Девка после целого дня беготни с курьерскими документами вообще ничего не сообщала, глаза на ходу слипаются, ноги волочатся.

Шура, продолжая яростно размахивать руками и что-то доказывать Сане, просто не успела вовремя увернуться. Мелкая со всего маху наткнулась прямо на неё. Но вместо того, чтобы просто пройти сквозь фантом, Ляйсан как-то странно качнулась, и Шура с непривычки чисто физически, со всего размаху «влилась» прямо внутрь девицы.

Ляйсан — в которой теперь сидела Шура — замерла на секунду посреди комнаты, моргнула, а затем как ни в чём не бывало продолжила орать Сане, бурно жестикулируя курьерской курткой:

— ...Да я тебе говорю, Сашка, ноги моей в пятом подъезде не будет с вашими письмами! Пускай этот ваш висельник сам себе барышню ищет!

В комнате мгновенно повисла гробовая тишина. Саня, который до этого лениво сидел на подоконнике, так и замер с открытым ртом. Дед Матвей на стуле вылупил глаза и медленно сдвинул очки на лоб. Мадам в своём кресле аж выпрямилась по струнке, нервно поправляя халат.

Пацаны смотрели на Ляйсан с круглыми глазами, челюсти на полу. Саня первым обрёл дар речи и сиплым голосом выдал:

— Оу, наша красавица новое тельце приобрела, ха-ха! Вот это приколы... Матвейч, ты видел вообще?!

Шура в курьерской куртке осеклась, недоумённо оглядывая притихших старожилов:

— Ну и чего вы на меня так уставились? Чего смотреть, как леший на икону? На мне узоров нет!

Дед Матвей медленно поднапрягся, вытянул суховатый призрачный палец и ткнул в сторону её кармана:

— А ты... слышь, Шурок, достань-ка телефон из кармана куртки. Посмотри на экран-то, будь добра.

Шура на автомате полезла девичьей рукой в глубокий карман, нащупала вполне себе плотный, осязаемый пластик и вытащила современный сотовый. Взглянула на тёмный, выключенный дисплей, увидела в отражении молодое испуганное лицо Ляйсан вместо своего привычного облика и как заорёт на всю комнату чужим девичьим голосом:

— Ой, бля-а-ады! Подожди... Это же не моё тело! Ха-ха-ха! Батюшки светы, мама дорогая, а чего это я в ней сижу?!

Шура принялась судорожно трогать себя за щёки, разглядывать чужие тонкие пальцы и

притопивать на месте чужими сапогами, пока Троица понемногу приходила в себя от увиденного.

Когда первый шок прошёл, Саня на подоконнике оживился и хитро прищурился:

— Слушай, Шурок! Так это же вообще лафа! Раз ты теперь в теле и сотовый в руках держать можешь, давай мы тебя точно курьером-почтальоном по району снарядим? Будешь фантомам реальные сообщения строчить на номера, чат поднимем!

Но Мадам из своего кресла строго осадил парня, величественно махнув рукой:

— Ну-ка цыц, Сашка! Ещё чего придумал, шутник выискался. Никакого почтальонства и рисков. Студенткой нашей рисковать никто не будет, мало ли что пойдёт не так — застрянет Шура внутри или у девки крыша поедет от чужого подселения.

Экспериментаторы хреновы.

Дед Матвей согласно кивнул, поглаживая усы:

— Тут Мадам права, дело серьёзное, девчонку поберечь надо. Но раз уж такой феномен приключился, и Шура временно контролирует её руки-ноги, пока мелкая в глубокой отключке на автопилоте спит внутри... Шурок, пользуйся моментом, пока осязаемая! Мадам довольно улыбнулась, и её хозяйский взгляд обвёл комнату:

— Вот именно. Мелкая завтра проснётся — ничего и не вспомнит, спишет на усталость. А у нас Новый год на носу, в комнате шаром покати, девка одной сухомяткой на работе питается, смотреть тошно, кожа да кости остались! Давай-ка, Шура, бери её ноги в руки, дуй на кухню да приготовь девчонке нормальной еды на праздник. Заодно вон коробку со шкафа достань, да мишурой тут всё украсим, руки-то у тебя теперь настоящие!

Шура в курьерской куртке покрутила головой, привыкая к весу чужого тела, хмыкнула и по-хозяйски упёрла руки в бока:

— Ну ладно, уболтали, ироды. Кулинария — это по нашей части, это без риска. Пойду хоть порядок на кухне наведу, а то живые совсем готовить разучились, одни дошираки в головах! А вы пока эти свои любовные эсэмэски строчите, ха-ха! Ищите, кто их отправлять вместо меня будет!

Предпраздничная спецоперация развернулась в ночь с тридцатого на тридцать первое декабря. Живое население семейной общаги уже вовсю дрыхло после дневных набегов на рынки, а в 402-й комнате только-только начинался самый сок. Шура в теле заснувшей на ходу Ляйсан по-хозяйски упёрла руки в бока, открыла холодильник девки, брезгливо заглянула внутрь и решительно повернулась к притихшей Троице:

— Так, деятели, паразит вас раздери! Тут же даже мыши повешенной нету! Жрать девке на праздник вообще нечего, кожа да кости от этой её бумажной работы остались. Быстро разбежались по углам и сообразили продукты на одного человека! У вас тут связей полно, у живых вон в коридорах мешки стоят, на балконах заначки — чтоб через десять минут всё необходимое было на кухне! Сами продукты реальные, из общажных излишков, ради благого дела не обеднеют. Марш!

Троицу долго упрашивать не пришлось. Мадам тут же взяла на себя роль кулинарного прораба и начала дистанционно наводить пацанов на правильные заначки, а Саня и дед Матвей силой призрачной мысли принялись аккуратно, поштучно, чтобы никто не заметил

пропажи, стаскивать добычу на общую кухню. Продукты пошли в ход самые душевные: картошка, свёкла, ядрёная селёдка для шубы, корейские салаты по мелочи, да кусок хорошего мяса с мукой и яйцами для настоящих домашних пельменей.

Пока Шура на кухне вовсю гремела кастрюлями, ловко месила упругое тесто и крутила сочный фарш, пацаны зря времени не теряли и устроили в 402-й комнате генеральную уборку. Силой фантомной мысли они поднимали в воздух разбросанные курьерские бланки, аккуратно складывая их стопочкой на столе, распахивали по местам завалы из одежды и выметали пыль лёгким целенаправленным сквозняком. Саня даже умудрился сгонять в подвал и откопать там в хламе старую, кем-то давно забытую, но вполне рабочую светящуюся гирлянду. Пацаны аккуратно развесили её по стенам и сразу врубили в розетку. Комната мгновенно преобразилась, засияв уютными праздничными огоньками.

На кухне Шура тем временем совершила настоящий подвиг: настряпала целую гору пельменей, закинула их в морозилку и соорудила два плотных новогодних салата. Под конец призрачная бригада идеально замела все следы — посуда блестела, мусор был вынесен, а на плите не осталось ни единой капли жира.

Под утро Шура привела уставшее тело Ляйсан обратно в сияющую огоньками комнату, аккуратно уложила девку на кровать прямо поверх одеяла, присела на краешек и вдруг замерла. Она посмотрела на свои тонкие девичьи руки, пошевелила пальцами, ощущая внутри приятное, давно забытое физическое тепло, и тихонько покачала головой, блаженно зажмурившись:

— Эх... Давно я себя так не чувствовала, ребята. Однако офигенно снова быть живой, хоть на пару часиков... Аж уходить неохота, тепло так, уютно внутри.

Пацаны и Мадам понимающе заулыбались, глядя на её довольную физиономию, но дед Матвей строго качнул головой:

— Ладно тебе, Шурок, погрелась и хватит, пора честь знать. Девке спать надо нормальным сном, а не с подселением.

Шура вздохнула, расслабилась и зависла:

— Да я бы с радостью, Матвеич, только как мне обратно-то вылезать? Я же тут как влитая сижусь, механика-то новая, фиг поймёшь, за какие рычаги дёргать!

Дед Матвей медленно подошёл ближе. Будучи духом, он фантомно веял прямо сквозь плотные предметы, поэтому мог цеплять изнанку напрямую. Старик сконцентрировал всю свою призрачную энергию, протянул руку прямо сквозь плоть Ляйсан, крепко ухватил Шуру за её собственную фантомную ладонь и со всей дури ка-а-ак дёрнет на себя!

Шура с тихим свистом вылетела из спящей студентки и с размаху плюхнулась прямо на Саню, который едва успел поймать её в свои призрачные объятия. Оба бесшумно покатались по полу от хохота, зажимая рты, чтобы не разбудить Ляйсан.

Для самой девки этот резкий призрачный рывок ощутился в полусне как лютая, щекотная судорога. Она во сне как-то забавно, заливисто прыснула, поджала ноги, перевернулась на другой бок и, укутавшись в одеяло по самый нос, сладко заснула уже нормальным, глубоким и здоровым сном, абсолютно ничего не помня о том, что творила Шура.

Утром тридцать первого декабря Ляйсан еле-еле продрала глаза. Голова была пустая, в памяти — абсолютный белый лист, прерванный только звонком будильника. Девка

потянулась, зажмурилась, а когда открыла глаза — так и застыла на кровати с разинутым ртом.

Вся комната сияла и переливалась тёплыми огоньками развешанной по стенам гирлянды. Вокруг — ни пылинки. Курьерские бланки, которые вчера валялись ровным слоем по всему полу, теперь лежали идеальной, ровной стопочкой на углу стола. Ляйсан на негнущихся ногах сползла с кровати, подошла к холодильнику, робко дёрнула дверцу и окончательно потеряла дар речи. На полках аккуратно стояли тарелки с праздничными салатами, а в морозилке ровными рядами лежали свежие домашние пельмени. Девка испуганно захлопнула холодильник, схватилась за голову и дикими глазами оглядела пустую комнату:

— Так... это что ещё за лунатизм такой?! Это я что, всё сама ночью сделала?! Да ладно, я же готовить-то так сроду не умела! И откуда я всё это вообще добыла?!

В панике она бросилась к столу, судорожно схватила сотовый и дрожащими пальцами зашла в приложение Каспи. Сердце колотилось где-то в горле: Ляйсан ведь ещё не получила зарплату за свой безумный праздничный марафон, а те копейки, что оставались на балансе, были строго рассчитаны на скромные новогодние подарки близким. Она затаила дыхание, ожидая увидеть там круглый ноль, но экран моргнул, и Ляйсан уставилась на баланс: все последние деньги были в полной сохранности, до единого тенге, и никаких ночных списаний за продукты в помине не было.

Она бессильно опустилась на стул, переводя взгляд с телефона на забитый едой холодильник:

— Деньги на месте... Всё на месте... Господи, неужели я реально схожу с ума от этой курьерской работы, и мне уже продукты бесплатно мерещатся?!

А на подоконнике в этот момент беззвучно покатывались со смеху Саня и Шура, пока Мадам величественно улыбалась из своего кресла, довольная результатом их ночной спецоперации.

А в углу комнаты, прямо на призрачных «трибунах», банда уже просто задыхалась и корчилась от хохота. Саня на подоконнике согнулся пополам, утыкаясь носом в колени, чтобы не выдать себя громким ржачем, и сипло шептал на всю комнату:

— Смотри, смотри, Матвеич, она в Каспи залезла! Думает, мы у неё донат скрутили, ха-ха-ха! Ой, бля, не могу, глянь на её лицо! Лемур вылитый!

Шура гордо всплескивала руками, умиляясь панике девчонки, а Мадам победоносно ухмыльнулась и поднялась со своего места. На ходу поправляя домашнюю одежду, она величественно подошла к сидящей на стуле Ляйсан, наклонилась прямо к её испуганному лицу и со своей фирменной тёплой ехидцей выдала прямо в пустоту:

— Ну чего ты паникуешь, егоза? Ты же у нас все зачёты сдала, закрыла сессию? Сдала. Пацаны вон ради тебя всю ночь по общаге шуршали, продукты собирали, постарались мы. Вот мы тебя так и поздравили, дурёха! Так что с праздником тебя, Ляйсан!

Ляйсан, естественно, ни хера не услышала и не увидела, продолжая гипнотизировать экран мобильного. Саня с подоконника ухмыльнулся:

— Мадам, да хорош ей распинаться, она ж один фиг не понимает ничего! Сейчас реально

пойдёт к экстрасенсам звонить, ха-ха!

Дед Матвей согласно усы поглаживает:

— Не слышит-то не слышит, а душой всё равно почувствует. Пусть девка порадует, заслужила.

И Ляйсан в этот самый момент будто ветерок тёплый по комнате поймала. Она удивлённо поёжилась на стуле, шмыгнула носом и растерянно посмотрела по сторонам, совершенно не понимая, почему ей вдруг стало так спокойно, тепло и уютно посреди этого чертовского кулинарного чуда. Новогодний утренний угар удался на все сто процентов.

Минут через двадцать Ляйсан, всё ещё дико озираясь и бормоча под нос про мистику, наконец собрала свои умывальные принадлежности и вышла из секции. Стоило двери за живой девкой захлопнуться, как заговорщики мгновенно оживились.

Шура, стоявшая у косяка, ехидно прищурилась, сложила руки на груди и задорно фыркнула:

— Ну что, деятели, видели? Раскатала девка губу! Сегодня вечером со своей компашкой за обе щёки будут уплетать то, что я ночью у плиты готовила, ха-ха! Но вообще-то, ребята, я тут сама не удержалась и тайком попробовала свою стряпню. Чертовски вкусно получилось! А вот с вами я хрен поделилась. И поделом вам, ироды! А нефиг было меня бесплатно своим почтальоном Печкиным уламывать да заставлять чужие любовные эсэмэски по подвалам разносить, ха-ха!

Саня на подоконнике только хмыкнул, хитро прищурился и заговорщически подмигнул деду Матвею. Резво прыгнув на пол, он нырнул под кровать и с глухим стуком выкатил оттуда на центр чистой комнаты пузатую зелёную бутылку в золотистой фольге:

— Да ладно тебе, Шурка, хорош пилить! Глядите лучше, какую я поляну накрыл. Я тут у соседей с нижнего этажа лишнюю бутылочку шампанского спёр! Будем сегодня под куранты шипеть, всё как у людей.

Мадам, стоявшая посреди комнаты после своего триумфального поздравления, лениво наклонилась, прищурилась, разглядывая яркую картинку на бутылке, и вдруг весело прыснула в кулак:

— Ой, Сашка, ну ты и добытчик, я не могу! Глаза разуй, это же детское шампанское! На этикетку посмотри, там же лимонад обычный, бабах праздничный для малолеток, ха-ха! Прикольно ты у нас затарился к Новому году.

Дед Матвей тоже уставился на бутылку, перевёл взгляд на растерявшегося Саню, а потом ехидно поправил очки на носу:

— Ишь ты, точно, детское. Что, Сашка, на соки перешёл? Больше, стало быть, не пьёшь у нас? Кодированный теперь, получается?

Саня от такого тройного подкола смутился всего на секунду, а потом бережно пристроил бутылку возле тумбочки, фантомно сплюнул в кулак и упрямо мотнул головой:

— Да ладно вам ржать, нормально всё! Не, Матвеич, шутки шутками, а я после того пролёта лестничного больше вообще не пью. Завязал наглухо, на том свете здоровье беречь надо, ха-ха! Так что будем газировкой баловаться, чин по чину. Зато с пузырьками!

Мадам поправила домашнюю одежду и решительно махнула рукой на выход:

— Ой, ладно вам, трезвенники-собутыльники. Живые вон всю зашевелились, коридоры

гудят. Пора и честь знать.

Призрачная банда ещё раз дружно, беззвучно посмеялась, оглядывая преобразившуюся комнату. Вокруг царил идеальный порядок, на столе аккуратной стопкой лежали курьерские бланки, а по стенам уютно и тепло переливались огоньки старой подвальной гирлянды. С чувством выполненного долга старожилы начали неспешно расходиться по своим комнатам и углам общаги — отдыхать и набираться сил перед грядущей новогодней ночью. Свою главную предпраздничную спецоперацию они выполнили на отлично.

Ближе к одиннадцати вечера тридцать первого декабря 402-я комната окончательно ожила и наполнилась девичьим щебетом. Ляйсан, решив не ломать себе мозг кулинарными загадками, позвала подруг с этажа. Девчонки, едва переступив порог, так и застыли: комната сияет гирляндой, на столе стерильный порядок, а хозяйка с загадочной улыбкой выставляет из холодильника монументальный тазик «шубы» и огромную, исходящую паром кастрюлю домашних пельменей. Пока живые девчонки крутились у стола и настраивали старый телик, призрачная банда решила красиво эвакуироваться, чтобы не толкаться в тесноте и не мешать девичьим посиделкам.

Перебазировались в бывшие хоромы Шуры. Комната после её ухода пустовала, так что местная мебель — кровати, тумбочки и пара стульев — оказалась в полном распоряжении компании.

Саня и дед Матвей времени зря не теряли. По дороге они провернули быструю новогоднюю экспроприацию — аккуратно, в качестве праздничного общажного налога, подрезали у жильцов на этаже пару спелых мандаринов и шмат хорошей колбасы. Саня с самым гордым видом притащил откуда-то из закровов изнанки старый кассетник. Зажевав видавшую виды плёнку, он деловито подкрутил её карандашом и выставил громкость так, чтобы басы качали только внутри бетонных стен пустой комнаты и не пугали народ в коридоре. Из динамика приглушённо, но бодро заиграли старые хиты девяностых. Банда с комфортом расселась. Саня водрузил в центр стола пузатую зелёную бутылку в золотистой фольге и уже потянулся срывать пробку, как вдруг через стену из 402-й донёлся знакомый торжественный бубнёж. Там, на живой стороне, как раз начиналось официальное новогоднее поздравление.

— О, ребята, тихо, ша! — Саня замер с бутылкой в руках и приставил ладонь к уху. — Там ща речь толкать будут. Давайте послушаем, чё там нам в новом году пообещают, вдруг чё интересное?

Дед Матвей только усы ехидно погладил, поправил очки на носу и со смешком махнул на него рукой:

— Да хорош тебе, Сашка, крути своё музло дальше. Какое поздравление? Мы этих официальных речей за свои годы на этом свете уже столько наслушались, что можем весь текст наизусть с закрытыми глазами пересказать! Сейчас опять скажут: «Год был тяжёлым, но мы справились...»

Мадам в своём углу весело прыснула в кулак, согласно кивая, а Шура громко захихикала, хлопая себя по коленям:

— И то правда, Матвеич! Сколько лет прошло, а пластисинку никто так и не поменял, ха-ха!

Двадцать шестой год на исходе, а тексты всё те же!

Вся призрачная компания дружно и беззвучно грохнула хохотом, полностью заглушая официальный официоз за стеной. Саня с весёлым хлопком сорвал пробку с детского шампанского. Лимонадная пена брызнула во все стороны, и пацан ловко разлил шипящую газировку по стаканам.

Под приглушённые басы кассетника, с ароматом подрезанных мандаринов и весёлым стёбом, банда старожиллов общаги дружно чокнулась, встречая свой собственный, ни на что не похожий Новый год на изнанке.

После новогодней ночи семейная общага погрузилась в блаженную январскую тишину. Фирма «Point-to-Point», где подрабатывала Ляйсан, ушла на законные каникулы, в университете Арт-Дизайна все зачёты были сданы, так что девка со спокойной душой решила устроить себе отпуск и съездить домой к маме.

Накануне отъезда она собрала чемодан, закинула в зубы ключи, но уходить просто так не захотела. Подозрение, что с 402-й комнатой всё-таки творится какая-то полная чертовщина, окончательно оформилось в её голове. Слишком много странностей накопилось с самого заселения. Всю эту предысторию Ляйсан сейчас чётко связала в одну цепочку. Да, её здесь жестковато, конечно, приучили к порядку и в туалете запирали, но в то же время и от похмелья спасали, и перед мамой краснеть не заставили, и вот теперь — новогодняя гора пельменей. Девка поняла: её тут не просто кошмарят, её по-своему воспитывают и оберегают.

Ляйсан сбегала в магазин, вернулась и аккуратно поставила в центр чистого стола красивый покупной торт. Минуты две она просто стояла рядом, переминаясь с ноги на ногу. Девка то краснела, то бледнела от собственной дерзости, судорожно оглядывая пустые углы и чувствуя себя полной дурой. Наконец, крепко зажмурившись, она тихо и смущённо проговорила шёпотом прямо в пустоту:

— Я... я не знаю, кто это всё делает. Кто тут убирался, пельмени лепил и вообще... всё это время. Спасибо вам большое. Ну, за то, что к чему-то приучили, хоть и жестковато в некоторых вещах было, конечно... Но всё равно спасибо за магию эту всю. И за кошмарики тоже спасибо! В общем, это вам тортик. К чаю. Я на каникулы уезжаю, скоро вернусь. Не скучайте тут!

Густо залившись краской, Ляйсан пулей выскочила из комнаты, дважды повернула ключ в замке и быстрыми шагами припустила по коридору.

В этот момент в 402-й комнате было тихо. Саня с дедом Матвеем ушли в подвал возиться со старыми кассетами, Шура тоже отлучилась по своим делам, так что на «трибунах» осталась одна-единственная Мадам. Она лениво сидела в своём кресле, наслаждаясь тишиной, когда Ляйсан устроила этот перформанс.

Стоило двери захлопнуться, как Мадам медленно поднялась с места. Её призрачный процессор завис наглухо, выдав лютый шок-контент. Она медленно подплыла к столу, уставилась сначала на коробку с тортом, а потом на запёртую дверь.

Ребята из общажной компании привыкли годами шуршать на изнанке, тайно подрезать

продукты у живых, угарать над ними со стороны и оставаться невидимыми. К тому же, за все те шестнадцать лет, что Мадам торчала в этих четырёх стенах, к ней уже чертовски давно никто не обращался по-человечески. Жильцы, которых до этого заселял скользкий риелтор Артурчик, были, мягко говоря, не очень — то алкаши, то свиньи, от которых приходилось только плевать да гонять их по углам. Никакого уважения, одна головная боль.

А тут пигалица, которую Мадам дрессировала, спасала и ехидно называла своим «личным мясом», мало того, что окончательно признала всю эту школу жизни, так ещё и напрямую к ней обратилась, смущаясь до коллик, да сладкий подарок на столе оставила! Мадам стояла посреди звенящей тишины, переваривая услышанное, и её загробный цинизм дал мощную трещину. Это было одновременно безумно трогательно и потрясающе подозрительно — мелкая Ляйсан оказалась куда догадливее, чем вся их призрачная банда думала. Покой на изнанке официально отменялся.

Мадам выползла на крыльцо общаги в таком состоянии, будто тайно экспроприировала у живых и в одно лицо бахнула целый флакон крепкой валерьянки. На её лице, всегда строгом, поджатом и язвительном, блуждала блаженная, абсолютно счастливая улыбка до ушей, а призрачные глаза подозрительно блестели. Она даже халат свой вечный поправляла как-то по-особенному — плавно, словно королевскую мантию.

Вся остальная банда — вернувшиеся из подвала Саня с дедом Матвеем и припозднившаяся Шура — как раз толпилась у разбитых почтовых ящиков, обсуждая улов старых кассет. Шура сегодня была при полном параде: вместо привычного домашнего платья нацепила нарядный винтажный сарафан в крупный горох, который когда-то давно припрятала в своих закромах. Завидев Хозяйку в таком странном анабиозе, ребята аж замерли на месте, а Саня чуть мафон из рук не выронил.

— Слышь, Мадам, ты чего это? — Саня первым офигел от зрелища, поскольку в таком виде её не припомнили за все шестнадцать лет. — С тобой что вообще? Тебя там штормом новогодним накрыло, что ли? Чего светишься, как авиационный прожектор, ха-ха!

Дед Матвей тоже подозрительно прищурился, сдвинул очки на нос и погладил прокуренные усы:

— Точно-точно... Вид у тебя какой-то чересчур благостный, мать. Случилось чего в четырёхста второй, пока мы внизу шуршали? Экстрасенсы штормом общагу взяли? Мадам на их расспросы ничего не ответила. Она лишь загадочно улыбнулась, молча махнула рукой, призывая следовать за ней, и величественно поплыла вверх по лестнице, увлекая ошарашенную компанию за собой.

Ребята в полном недоумении поднялись на четвёртый этаж, зашли вслед за ней в 402-ю комнату и застыли. В секции было тихо, Ляйсан уже уехала, но прямо в центре выскобленного до блеска стола, в гордом одиночестве, красовался большой, дорогой покупной торт в прозрачной пластиковой коробке.

Мадам остановилась рядом и победоносным, театральным жестом указала пальцем прямо на кондитерское чудо. Ребята молча уставились на эту кремовую гору, переводя

ошалелые взгляды то на торт, то на Хозяйку. Саня даже принюхался носом, уловив тонкий запах ванили и бисквита сквозь пластик.

И вот тут, выдержав мхатовскую паузу, Мадам наконец во всех сочных подробностях, со вкусом выложила им, как мелкая пигалица перед самым уходом краснела, бледнела, мялась с ноги на ногу, а потом шёпотом на всю пустую комнату благодарила их. И за стерильную чистоту, и за новогодние пельмени, и даже за былые полуночные кошмарики в туалете.

Стоило Мадам закончить свой триумфальный доклад, как Саня с дедом Матвеем дружно выпали в осадок. У Сани отвисла челюсть, он даже затылок почесал, а дед так и сел на ближайший колченогий стул, ошарашенно качая головой. Призрачный шаблон общажных старожилов, привыкших только пакостить и пугать, аннигилировался окончательно и бесповоротно. Сами того не ведая, они из тайных квартирных вредителей превратились в официальных хранителей очага.

Мадам ехидно прищурился, посмотрела на притихшую компанию, а затем победоносно скрестила руки на груди:

— Так вот, Матвеич, не зря мне тогда пришла в голову идея привести комнату в идеальный порядок! И тебя, Шурочка, я тоже не зря запрягла, чтобы ты своими осязаемыми руками что-нибудь вкусное для мелкой приготовила. Видите теперь, как обернулось?

Шура, лениво подпирившая дверной косяк и забавно поправив подол своего нарядного сарафана, ни капли не удивилась. Она окинула взглядом замерших в шоке друзей, довольно улыбнулась и со своей фирменной иронией подвела жирный итог:

— Ну, теперь-то понятно, что я не зря на кухне всю ночь мучилась, пока всё это тесто месила да пельмени крутила, как говорится! Вообще-то, ребята, вот не зря я осталась с вашей компанией. А то так бы и страдали своей хернёй дальше по углам, дедовские байки из девяностых травя да жильцов пугая. А тут хоть чему-то за столько лет порадоваться есть возможность — живая душа ведь спасибо сказала, причём искренне. С Новым годом, бродяги! Ха-ха-ха! Налетай на торт, хоть фантомно его обглодаем!

В один из январских вечеров, пока Ляйсан всё ещё гостила у мамы на каникулах, компания в полном составе собралась в пустующей 402-й комнате. Саня, лениво крутя в руках пустую пластиковую кассету, покосился на Шуру, которая за последний месяц призрачных походов по городу стала на изнанке частым гостем.

— Слышь, Шур, — Саня ухмыльнулся, поправив олимпийку. — Ты вот целый месяц по алматинским высоткам да соседним домам ходишь, бродишь, а ни хрена толком не рассказываешь. Поделилась бы, что ли, чем там городской народ занимается на изнанке, есть там чё интересное? А то сидишь как партизанка.

Шура хитро прищурилась, вальяжно облокотилась на шкаф и победно обвела Троицу взглядом:

— Да я как раз и думала вам всё рассказать, ребята. Просто решила сперва всю информацию хорошенько в башке собрать, рассортировать, кто там чем промышляет, а уж потом выкатить оптом. Вообще-то, товарищи, вот не зря я осталась с вашей

компанией! А то так бы и страдали своей херней дальше по углам, дедовские байки друг другу травя. А в городе, скажу я вам, масштабы для угара — это просто другой уровень. Наша Мадам со своим жгучим перцем и летающими кастрюлями на их фоне — просто воспитательница из детского сада.

Дед Матвей угукнул в усы, поудобнее устраиваясь на стуле:

— Ну давай, девка, выкладывай свою городскую статистику. Нам спешить некуда.

— Начнём с лифтов, — ухмыльнулась Шура. — В девятиэтажках это у них строго после двенадцати ночи аттракцион включается. Не потому, что они раньше вылезти не могут, а потому что живые после полуночи пугаются в сто раз смешнее! Стоит бедолага на лестничной площадке один-одинешенек, лифт вообще не ждёт, кнопку даже не думал нажимать... И тут прямо перед его носом двери старой кабины — хоп! — и сами собой разъезжаются. Внутри темнота, а у живого в башке один вопрос: «Откуда, блядь?! Откуда он взялся?!» Он заходит, судорожно жмёт свой этаж, а призраку на изнанке тупо по приколу кнопки перебирать. Лифт трогается, доезжает до пятого — открывается, там темнота. Потом хреначит на десятый технический, а оттуда его опять на первый спускает. Живой в кабине молится, круги под глазами нарезает, а наш чувак просто сидит на панели и кайфует!

Саня от души хохотнул, а Шура уже вошла в полный азарт:

— В соседнем подъезде нашей же общаги призрак мужика устроил жильцам войну за немытую посуду. В три часа ночи заходит живой на кухню, чисто сушняк поймать или в холодильник заглянуть, а у него прямо при лунном свете старая, почти испорченная булка хлеба на столе начинает брейк-данс изображать! Настоящий нижний брейк, крутится на голове, выдаёт финты. Парень чуть стакан из рук не выронил! В другой высотке дед один решил прикольнуться над женщиной в ванне, потому что она там отвратительно пела. Пока она мылась ночью, он материализовался у раковины и отыграл яростную чечётку на её электрической зубной щётке, с бешеной скоростью нажимая кнопку «вкл/выкл». Щётка жужжит, клацает, баба в мыльной пене визжит — чистый рэп-баттл!

Мадам подозрительно улыбнулась, явно оценив изящество методов, а Шура продолжала выдавать контент:

— Но гений чёрного юмора сидит в девятиэтажке на Сейфуллина. Ему так надоело, что его живая семейка постоянно ночью горло дерёт и ругается, что он устроил им квест с фальшивой изменой! Пошёл к соседям, спёр у них бесцветную зубную пасту без запаха. Намазал её на тёмный плед на родительской кровати и подержал под солнцем, чтоб за день она подсохла и исчезла из виду. А ночью эта субстанция стала выглядеть точь-в-точь как выделения из одного мужского органа. Жена как увидела эту «улику» на пледе — и давай к мужу приставать с допросами! Они три дня выясняли, кто кому изменил, им вообще не до пустых ночных скандалов стало, призрак их как детей развёл! А в соседнем нашем подъезде, — Шура ехидно подмигнула ребятам, — призрак женщины доводит одну молодую парочку. Как только у них время любовных утех начинается, девка орать собирается — эта покойница просто замыкает контакты на старом городском телефоне. Тот среди ночи как зальётся яростным треском на всю квартиру! И всё, облом интимному вечеру, романтика к чертям! В новой высотке на окраине вообще семейная парочка призраков поселилась. Так они, чтоб соседям за стенкой скучно не было, каждую ночь

имитируют дикие семейные скандалы и шум битья посуды. Живые за стеной берут попкорн, слушают, как фантомный фарфор об стену колется, а те сидят на изнанке и угарают с них!

— Да-а, весело народ развлекается, — дед Матвей довольно погладил бороду. — Креативно, ничего не скажешь.

— Да это ещё ладно! — Шура победно хлопнула ладонью по шкафчику. — В вчера в шестнадцатизэтажке вообще уморительный случай был. Собрались, короче, в квартире одни оболтусы малолетние. Насмотрелись чертовщины в своих интернетах и решили посреди ночи ритуал провести — демона вызвать, прости господи, со свечами, со всей этой клоунадой. А на изнанке в этой квартире как раз призрачная дама обитает — при жизни учительница литературы, бешеная фанатка Гоголя, чтоб вы понимали. Ну, она посмотрела на этот цирк шапито, на их нарисованную звезду, оскорбилась до глубины души и думает: «Окей, хорошо, демона ждёте? Театралы хреновы... Сейчас я вам устрою кошмарик по всем стандартам классической литературы!»

Эти дуралеи сидят, за руки держатся, заклинания на ломаном латыни бормочут... И тут женщина включает режим «Вия» на максималках! Сначала у них свечи замигали и начали гореть ядовитым синим пламенем, как в «Майской ночи». Малолетки сглотнули, а покойница времени зря не теряет — подлетает к полке и прямо среди звенящей тишины на полную громкость врубает старый, пыльный магнитофон, который сто лет признаков жизни не подавал. А оттуда как заорёт дикий, замогильный хохот, да с таким малороссийским акцентом, что у пацанов волосы дыбом встали!

Дальше — больше. Она давай им в зеркалах рожи корчить, да не просто пугать, а натурально у них на глазах превращаться то в страшную старую ведьму, то в свиную харю, прямо как в «Сорочинской ярмарке»! Напоследок призрачная дама подлетела к самому старшему оболтусу и как зашипит ему ледяным выдохом прямо в ухо, со смаком цитируя классика: «Отомсти за меня, пан призыватель! Принесите мне его голову!» Ребятки там чуть со страху на месте коллективно не скончались! Всю свою бутафорию к чертям посшибали, кадило перевернули, звезда эта нарисованная от страха их собственными телами затёрлась. Завыли, закрестились на ходу и с дикими воплями из квартиры ломанулись, лестницы до первого этажа собственными задницами пересчитывая! Вот это я понимаю, воспитательный процесс по школьной программе, ха-ха-ха!

В 402-й комнате повисла секундная тишина, которая тут же взорвалась дружным, громогласным призрачным хохотом. Саня катался по кровати, дед Матвей угарал в кулак, а Мадам, вытирая невидимые слёзы, довольно качала головой. Вечер баек от Шуры удался на славу — городская изнанка Алма-Аты умела развлекаться со вкусом и с огоньком.

Шура резко замолчала. Смех в 402-й комнате ещё секунду перекатывался по углам, а потом как-то сам собой сошёл на нет. Покойница поправила волосы, убрала с лица свою ехидную ухмылку, и взгляд её серых глаз мгновенно стал тяжёлым, холодным, с той самой горькой житейской мудростью, какая бывает только у баб, повидавших в жизни слишком много дерьма.

— Ладно, посмеялись и будет, — Шура вздохнула, тяжело опустившись на свободный

табурет. — Это я вам про забавное рассказала. Про то, как наши собраты по несчастью в изнанке развлекаются, чтобы с ума от этого безделья не сойти. Только у нас тут в общежитии, товарищи, считай, тишина, покой и божья благодать. Даже тот местный висельник в соседнем подъезде — это так, полная херня, тихий меланхолик. А вот то, что я в спальнях района по домам нашла, пока этот месяц ходила... Там, ребята, совсем другая сторона медали. Лютая жуть, если по-честному.

Саня, который только что угарал на кровати, притих и медленно сел, уставившись на неё. Дед Матвей перестал улыбаться в усы, а Мадам в своём кресле как-то подобралась, внимательно вглядываясь в лицо гостьи.

— Завела меня как-то давеча курьерская тропа в одну панельную девятиэтажку, — тихо продолжала Шура. — И тамошние коллеги по несчастью показали мне одну замурованную квартиру. Живые её давно гипсачом зашили, с корнем из коридора выдрали, будто и не было никогда. Оказывается, ещё в девяностых там мужик в ванной сам себя выпилил. Да так нехорошо, с такой чернотой в душе, что дух его сразу после воплощения начисто с ума сошёл. Стал слепым, яростным чудовищем — ему теперь всё равно, живой перед ним или мёртвый, он готов в клочья разорвать любого, кто близко подойдёт. Местные призраки его там, в этих четырёх стенах, силой придерживают, фантомные выходы караулят, чтоб наружу не вырвался. Хоть и не обязаны вроде, а куда деваться? Присматривают. И знаете, что самое паршивое? Я ведь в этом самом доме, когда живая была, к знакомым в гости ходила. Ходила мимо этой стены, плечом об неё тёрлась и знать не знала, что за куском бетона целая мёртвая квартира похоронена... Шура поёжилась, обхватив себя руками за плечи. Она обвела Троицу потемневшим взглядом и глухо добавила:

— Я ведь когда в ноябре первый раз в город вышла — ну, помните, когда я мелкую нашу выручала? — я тогда знатно охренела от того, что в центре города ночью творится. Мне тогда, дуре, показалось, что вот она — самая лютая жуть, предел изнанки, страшнее которого уже ничего быть не может. Думала, это там, среди неоновых вывесок и проспектов, вся грязь загробная концентрируется. А теперь я этот месяц по спальным районам побродила, в обычные спальни заглянула... И поняла, как же я ошибалась. Оказывается, нет, ребята. В этих серых, бетонных коробках, где люди поколениями друг у друга на головах живут, изнанка ещё страшнее. Здесь эта жуть какая-то... душная, будничная. Она в каждый угол въелась.

В некоторых многоэтажках фантомы от времени, злобы и одиночества вообще человеческий вид потеряли. Округлились как-то, одичали до состояния безликих теней. На них не то что подходить — смотреть опасно, такой от них чернотой веет, сразу всю призрачную энергию высасывает. Дворовые призраки, которые после драк или поножовщины ложатся — это вообще сплошной дурдом. Бродит там по подъездам одна несчастная баба, ещё с восьмидесятых годов неприкаянная. Умерла после тяжёлой драки с мужем-алкашом. И вот она до сих пор, сорок лет почти, ходит по этажам и тихонечко так в двери стучится, помощи просит. Да только истончилась уже вся, слабенькая стала, как промокашка — её стука из живых вообще никто физически не слышит. Ходит как тень, никому не нужная.

Дед Матвей тяжело вздохнул и опустил голову, глядя в пол.

— Или вот на перекрёстке, прямо у дороги, — Шура покачала головой. — Для живых там чистый асфальт, машины едут, солнце светит. А на изнанке там до сих пор хлам от старой страшной аварии валяется. Месиво из призрачного железа, и в нём заперты духи, которые тоже рассудком тронулись. Они вообще не понимают, где находятся и что с ними произошло. Понять не могут, что умерли! И каждую секунду, круг за кругом, проживают один и тот же момент своего удара. В петлю ментальную встали и крутятся. Точно такие же петли в квартирах бывают — с сумасшедшими, с наркоманами передознувшимися, со всеми остальными несчастными, кто в бреду уходил. Сидят в своём вечном трипе и воют на луну.

Шура замолчала, обедая притихшую Троицу серьёзным взглядом.

— Так что, как бы смешно мы над живыми ни шутили, а спальные районы на изнанке — это страшное место. Именно поэтому я, ребята, стараюсь бродить в основном там, где Живые люди есть. Как бы парадоксально это ни звучало. С ними оно как-то... не так стрёмно. Живая энергия всю эту загробную тухлую жуть хоть немного разбавляет. Да и напомнить себе лишний раз помогает, что мы когда-то людьми были, а не просто эхом в пустых стенах.

Шура посмотрела на их вытянувшиеся физиономии, и на её губах снова заиграла привычная ехидная ухмылка. Она всплеснула руками и громко хмыкнула:

— Ну вы чего носы повесили, товарищи? С лицами-то попроще станьте, а то прямо как на поминках, ей-богу! Я же вам это не к тому рассказывала, чтобы вы тут призрачными слезами умывались. К тому же, у меня есть чем эту вашу жуть разбавить. Помните, я вам до этого рассказывала про висельника из соседнего подъезда, на которого мне наш главный поставщик пирожков — баба Катя — постоянно жаловалась?

Троица сразу оживилась. Мадам за занавесом своих тёмных волос понимающе, тонко улыбнулась, а Саня и дед Матвей согласно закивали — эту историю от Шуры они прекрасно помнили, как и нытика, который вечно качался на своей верёвке между третьим и четвёртым этажом и портил бабе Кате весь аппетит.

— Ну так вот, — ухмыльнулась Шура. — Помните, как я его тогда по-свойски приструнила и отправила пинком под зад из общаги по городу гулять — личную жизнь, так сказать, устраивать?

Саня заинтригованно поднял голову, в его глазах промелькнул первый живой интерес:

— Ну и чё? Как он там поживает-то на вольных хлебах? Помогло?

— Помогло — не то слово! — расхохоталась Шура, победно подбоченясь. — Меня тамошние девки призрачные в спальных районах теперь за грудки берут! Оказывается, этот наш унылый нытик на свободе в такого Дон Жуана превратился, что тушите свет! Настоящий Казанова изнанки, мачо недоделанный. Он по этим высоткам теперь таким гоголем ходит, так ко всем юбкам клинья подбивает, что местные девчата от него уже воют и на меня пальцами показывают. Говорят мне: «Слышь, Шура, ты этого сексуального террориста со своей лестничной клетки вытащила, ты его себе обратно и забирай, он нас насмерть задолбал своими ухаживаниями!» Дорвался дурак до воли, называется. Одно радуется — в моём поле зрения этот придурок, к счастью, больше не показывается, знает,

что я ему быстро все крылья пообрываю. Так что личная жизнь у парня бьёт ключом, ха-ха-ха!

Мадам ехидно прищурилась, обвела взглядом Саню, деда Матвея и, плавно повернувшись к Шуре, тонко ухмыльнулась:

— Да уж, Шурка... Если бы мы тут все в общаге с ума посходили, у нас тут такой дурдом бы начался, что не встретил бы тебя никто после твоего отхода в изнанку. Или ты бы сама дружно вместе с нами тут рассудком тронулась, и выли бы мы сейчас все вместе, всей нашей тёплой компанией, по ночам на луну. Так что цени, что у нас тут тишина и порядок. В комнате снова поднялся дружный призрачный хохот, окончательно похоронив остатки недавней жути.

Дед Матвей, утирая слезы от смеха, поправил усы, лукаво прищурился и подался вперёд:

— Ну а сама-то что, Шурка? Принца своего на белом лифте в этих высотках так и не нашла, ха-ха?

Шура только фыркнула в ответ и махнула рукой:

— Да какого там принца, Матвей... Не нашла, конечно. Вы же сами видите, я надолго и далеко от нашей общаги уходить до сих пор не могу. Сейчас-то, конечно, полегче стало бродить, обвыклась, не то что в прошлый раз, когда мелкую нашу выручать пришлось. Но всё равно — далеко и надолго уйти сил не хватает, плохо мне становится, назад тянет.

Дед Матвей окончательно развеселился, приосанился, расправил плечи и выдал:

— Ну, раз так... Тогда я сейчас сам в пикапера превращусь, ха-ха! Держись, Шурка!

Шура посмотрела на расправившего плечи деда, хитро улыбнулась и медленно приподняла правую руку:

— Ну-ка, теперь смотрите, ещё один сюрприз от меня.

В её ладони прямо из воздуха соткался плотный фантомный силуэт тяжёлой деревянной скалки. Шура лихо перехватила её поудобнее, повернулась к Матвею и, едва сдерживая смех, выдала:

— Вся зарплата моя, ха-ха!

Дед Матвей при виде этого кухонного орудия знатно ухохотался, выдал громогласное «у-ха-ха!», а потом весело повёл ухом и подмигнул:

— Ты чего это... решила мою жену спародировать, которая от меня в сорок лет сбежала?

Мадам ехидно прищурилась, глядя на деда, и с тонкой усмешкой подколола старожилу:

— И от чего же это она от тебя сбежала, Матвей? Чем ты ей так не угодил?

Дед Матвей аж покатылся со смеху, схватившись руками за призрачный живот и утирая выступившие слезы:

— У-ха-ха! Да она мне предъявила, что я на своей работе женился, а она в нашей семье, получается, третье лишнее! Я её, дуру, честно пытался переубедить, доказать, что это не так, но она всё равно ушла. Ну, тьфу-тьфу, хотя бы сын к тому моменту уже большой был — лет двадцать этому дуралею стукнуло. Так жена, когда мы разводились, меня ещё и подколола на прощание. Говорит: «Вот разведёмся мы сейчас, и я лично буду свидетелем на твоей следующей свадьбе — чтобы посмотреть, как ты наконец на своей работе официально распишешься!» Ха-ха-ха!

Шура с ухмылкой опустила скалку и сделала шаг к деду Матвею, картинно поклонившись, словно кавалеру на балу:

— Сударь, так вы, получается, дважды женаты? И на работе тоже?

Дед Матвей от такого захода окончательно зашёл в тупик от смеха, схватился за бока и начал ржать ещё пуще прежнего:

— У-ха-ха! Да если бы! Меня, Шурка, на следующий же год после этого развода с работы под чистую сократили, ха-ха-ха! Так что и там холостяком остался!

Шура, которая только что распиналась про их подъездного покойника-ловеласа, ехидно покачала головой, перевела взгляд со скалки на катающегося по полу деда и добавила:

— М-да... Ну и Дон Жуан у нас тут вырисовывается.

Дед Матвей к этому моменту уже натурально валялся на полу от хохота, дрыгая ногами:

— Да уж, ха-ха-ха! Какой-то неудачный Дон Жуан из меня получается, ха-ха!

Мадам ехидно прищурилась, глядя на деда Матвея, и спросила:

— И сколько же ты в этом своём браке прожил?

— Да лет двадцать, почитай, и протянул, — отсмеявшись, ответил дед.

Мадам всплеснула руками, обвела взглядом всю компанию и со своей фирменной тонкой улыбкой подвела итог:

— Ну вот, теперь смотрите, что у нас получается. Матвей прожил двадцать лет в браке, и в итоге работа его бросила. Второй у нас, Саня, по первости вообще на бутылке женат был, а теперь его родная общажная клетка никак не отпускает — ревнует, походу, ха-ха-ха! И где, спрашивается, в таком дурдоме нам с тобой, Шурка, принца в белом лифте искать?!

Через пару дней после возвращения нашей студентки настал её первый учебный день.

Будильник истошно завыл ровно в шесть утра, но Ляйсан только глубже зарылась в одеяло. Кровать её любимая, родная, не отпускала ни в какую, намертво обнимая после уютных маминых каникул. Студентка твёрдо решила для себя: «Я тебя не брошу, даже если этот гад звенит на всю комнату».

Мадам, стоявшая у окна, только ехидно хмыкнула, глядя на этот кокон. Сперва в голову пришла классическая мысль — плеснуть в лицо девке холодной водой из чайника, но, немного подумав, Мадам решила, что для первого утра это уже слишком жестокий террористический акт. Действовать надо было веселее.

Старая общажная кровать была знатная — советская, на тяжёлой панцирной сетке с тугими стальными пружинами. Мадам, недолго думая, плавно просочилась вниз и залезла прямо под кровать. Улёгшись на спину, она упёрлась ногами в провисшую металлическую сетку и принялась размеренно, с силой выжимать её вверх-вниз, поднимая и опуская матрас вместе со спящей девкой.

Дед Матвей, который как раз заглянул в комнату и застал эту эпичную картину, аж усы расправил от удивления. Он наклонился, заглянул под каркас и ошарашенно выдал:

— Ты чего это, Мадам, решила тут приседания лёжа устроить, ха-ха?

Мадам из-под кровати даже взглядом не повела, продолжая монотонно и бодро качать панцирную сетку:

— Да понимаешь, Матвей, тут такое дело... Тут её подушка и одеяло в заложники взяли!

Надо срочно девку освобождать, а то они её до обеда не выпустят, ха-ха! Лет двести

такой зарядкой не занималась, надо же как-то призрачный целлюлит разгонять! В эту же секунду Ляйсан окончательно вынырнула из анабиоза и распахнула глаза, которые тут же стали круглыми от дикого непонимания. Одежда никуда не делась, но весь её матрас под ней жил своей собственной жизнью: плавно поднимался, опускался, снова уходил вверх и проваливался вниз. Студентка лежала, вцепившись пальцами в простыню, и спросонья вообще не могла раздуплить, что за чертовщина происходит и почему её спальное место превратилось в штормящий аттракцион.

Ляйсан, едва придя в себя от этой дикой качки, резко, одним махом спрыгнула с кровати на холодный пол.

Мадам тут же прекратила качать панцирную сетку. Она так и осталась лежать на спине под каркасом — руки по швам, глаза в потолок, а язык ехидно высунут набок от мнимой усталости. Дед Матвей, наблюдая эту картину сверху, просто сидел рядом на стуле и уххатывался в кулак, изо всех сил стараясь не заржать в голос на всю комнату. Он наклонился пониже и шёпотом подколот напарницу:

— Ну что, спортсменка, как твои дела? Рекорды ставить думаешь?

Мадам, не убирая языка, скосила на него глаза и так же тихо, но жутко ехидно просипела в ответ:

— Слушай, Матвей... Для женщины, которая отродясь спортом не занималась, поднять пятьдесят килограммов живого веса в первый раз — это вообще что-то с чем-то, скажу я тебе!

Пока они там шёпотом препирались, Ляйсан, тяжело дыша, нагнулась и с полным непониманием заглянула под кровать, чтобы наконец разгадать тайну штормящего матраса. Но под кроватью, естественно, было абсолютно пусто — никого и ничего, кроме ровного слоя застарелой общажной пыли.

У студентки глаза стали ещё круглее, а по спине пробежал знакомый холодок. Она медленно выпрямилась, нервно оглядывая пустые углы 402-й комнаты, и пробормотала себе под нос:

— Так... Походу, в этой комнате опять начинается какая-то не та херня...

Дед Матвей, утирая слезы, покачал головой и шёпотом выдал новую порцию подколов:

— Слышь, спортсменка, ты давай с ней поаккуратнее как-то, что ли! А то у девки так точно сердце прихватит прямо с утра пораньше.

Мадам, всё так же карикатурно замерев на спине с высунутым наружу языком, даже глазом не моргнула и ехидно просипела в ответ:

— Да ладно тебе, Матвей... Это я нежно, любя, шутя нарочно делаю!

Дед Матвей, глядя на то, как Ляйсан растерянно озирается по сторонам, тихонько хмыкнул, повернулся к Мадам и выдал финальную реплику:

— Слушай, если бы ты меня сейчас вот так разбудила, я бы прямо на этом матрасе и упал бы со страху, ха-ха! Повезло тебе, деваха-то крепкая попалась, ха-ха!

Ближе к обеду небо над Алма-Атой окончательно затянуло тяжёлыми тучами, и в общежитии стало пасмурно, как в сумерках. В 408-й комнате назревал грандиозный скандал — соседи, которых Мадам за вечную грызню и склочный характер окрестила Редиской-1 и

Редиской-2 (а в миру — Мадина и Айдос), были на взводе с самого утра.

Мадам, которой их постоянный ор за стеной надоел хуже горькой редьки, решила устроить им весёленький день, пока Ляйсан пропадала на парах. Задача была простая — напугать их до усрачки. Ребёнка скандалистов дома всё равно не было, он гостил у бабушки, так что можно было шуметь без зазрения совести.

На их комнатной плитке как раз шкворчали и плевались маслом куриные котлеты. Огонь Мадам трогать не стала, зато от души натрясла им в фарш чеснока — с горкой, чисто для кулинарной профилактики. Дождавшись, пока супруги выйдут из комнаты, она приступила к первой части плана.

В помещении никого не было. Горящая сорокаваттная лампочка тускло освещала пустые углы. Мадам резко выдала плотную струю ледяной воды прямо на раскалённое стекло. Раздался резкий, оглушительный хлопок — колба разлетелась на мелкие брызги, погрузив пасмурную комнату в кромешную темноту. Из-за стены тут же донёсся испуганный визг прибежавших на грохот соседей, которые от одного только звука знатно пересрали. Пока они впотьмах матерились над своей сковородкой, Мадам переместилась в их туалет. Забравшись под унитаз, она, высунув от усердия язык, попыталась голыми руками открутить гайку гибкой подводки. Но старый металл сидел намертво, призрачные пальцы соскальзывали.

— Матвей, блин! — шёпотом позвала она. — Ну-ка иди сюда, помоги.

Дед Матвей материализовался рядом, оценил диспозицию, хмыкнул и с невозмутимым видом достал прямо из кармана старых трико увесистый гаечный ключ. Мадам аж замерла под унитазом и подколола его:

— Ты чего, с гаечным ключом всю жизнь живёшь, что ли? Из кармана достаёшь!

— Да нет, — ухмыльнулся дед в усы, примеряя зев ключа к резьбе. — Логика изнанки, матушка, сама же знаешь: о чём подумаешь, то и вытащишь. Просто у тебя с инструментом отродясь любовных отношений не было, вот и лезут из карманов одни конфеты да сушки. Ты мне лучше скажи: а нахрена тебе вообще у них в туалете гайку откручивать? Что ты задумала?

Мадам ехидно прищурилась и зашептала, активно жестикулируя руками:

— Гляди, Матвей. Сейчас мы гайку ослабим до самого конца, чтоб на соплях держалась. Когда этот деятель нажмёт на смыв, вода уйдёт, клапан откроется, да как шибанёт давлением! Шланг сорвёт, он начнёт летать тут как бешеная змея и устроит им такой душ, что они про свои котлеты до вечера позабудут!

Дед Матвей замер с ключом, представил эту картину, и его усы одобрительно дрогнули.

— Ну ты и язва, Мадам! Ладно, давай устроим им гидравлику.

Матвей профессиональным, выверенным движением ослабил латунную гайку шланга, оставив её держаться буквально на последнем витке резьбы. Из-под соединения поползла ленивая капля, но старая половая тряпка надёжно её замаскировала. Бачок стоял полный, клапан закрыт — ловушка взведена.

В туалет на всех парах влетел Айдос. Призраки затаились по углам. Человек сделал свои дела и с размаху нажал на кнопку смыва.

Вода с шумом ушла, поплавок внутри бачка рухнул вниз, и впускной клапан резко открылся настежь. В ту же секунду динамическое давление магистрали под пять

атмосфер создало мощнейший гидроудар. Последний виток резьбы не выдержал — раздался резкий металлический «щёлк!».

Шланг сорвало. Под бешеной реактивной силой армированная трубка превратилась в разъярённую кобру. Ледяная струя со свистом ударила в стену, а сам шланг принялся хаотично летать по тесному туалету, с грохотом колотя тяжелой латунной гайкой по кафелю и устраивая тотальный разнос.

Айдоса окатило ледяным потоком с ног до головы прямо в момент смыва. В тесной камерке поднялся такой дикий, истошный писк, крик и визг, что за стенкой, кажется, затряслись даже чесночные котлеты.

Матвей с Мадам, согнувшись пополам, беззвучно хохотали в углу, глядя на этот водяной ад, пока сосед в панике пытался поймать летающую во все стороны латунную змею.

— Эй! Ты что там, застрял что ли? И что за грохот, ёлки-палки?!

Айдос медленно повернул голову к двери, выплюнул попавшую в рот воду и хрипло, сорванным голосом заорал:

— Сама ты дура! Тут трубу рвануло!

Он пинком распахнул дверь и вывалился в коридор — абсолютно мокрый, злой как чёрт, с прилипшими к башке волосами. С него ручьями текла ледяная вода, мгновенно оставляя на линолеуме огромные грязные лужи.

Мадина от такого зрелища аж отшатнулась к стене, вытаращив глаза:

— Ты... ты чего, под душ в одежде залез?! Откуда на тебе столько воды?!

— Да там подводку сорвало! — рявкнул он, отжимая подол мокрой футболки прямо на пол. — Я воду-то перекрыл под бачком, но меня фонтаном накрыло! Иди вытирай там всё, пока к соседям снизу не утекло! Ключ ищи, надо нормально затягивать!

За дверью тут же поднялся новый раунд их вечного взаимного ора. А Мадам с Матвеем, невидимые и невероятно довольные, выплыли следом за ним в коридор. Мадам, утирая невидимые слёзы со смеху, победно подмигнула деду. Обед у соседей явно удался на славу, а вечная ругань за стеной была наказана по первому разряду.

— Слышь, Мадина... Я кажись знаю, почему нам сегодня так крупно повезло с этим потоком, — Айдос зловеще прищурился, вытирая мокрую физиономию кухонным полотенцем, и испуганно покосился на углы. — Помнишь, та страшная тётя со шкафа через мелкого передала, что если мы опять орать будем на всю общагу, она нам Похоронный марш врубит? Во-от! Походу, она передумала насчёт похоронного марша и решила вот так мелко подзатыльник нам отдать! С такими регулярными подзатыльниками наш брак, походу, будет самым крепким в общаге. До старости вместе доживём! Мадина хотела было ка-ак заорать на весь коридор, но вдруг замерла. Глаза у неё вылупились на полную, став размером с советские рубли. Она судорожно сглотнула и резко побледнела.

До неё наконец дошло. Она мгновенно вспомнила тот их прошлый скандал, когда они точно так же ругались, и Мадам, не выдержав ора, просто взяла и скинула Айдосу тяжёлую коробку прямо на голову со шкафа.

Визг у Мадины тут же застрял в горле, а Мадам с дедом Матвеем в углу коридора уже просто беззвучно рыдали от восторга. Тонкий намёк на прошлые грехи до редисок дошёл

идеально.

Кое-как собрав мокрыми руками беснующуюся латунную змею под бачком, Айдос судорожно крутанул вентиль и перекрыл воду. Поток иссяк. После этого соседям пришлось битый час ползать на карачках по туалету и коридору, собирая тряпками и вёдрами устроенное Мадам болото. В довершение ко всему они долго матерились в темноте, выметая из углов кухни осколки лопнувшей сорокаваттной лампочки, из-за которой комната погрузилась в пасмурный полумрак.

Наконец, убрав весь этот бардак, потоп и стекло, злые и уставшие супруги сели обедать. Жареные куриные котлеты улетали за милую душу, но стоило им прожевать первые куски, как выяснилось, что чеснока в фарше было ну очень много.

Теперь от них обоим несло так, что впору было святых выносить. Айдос откинулся на спинку стула, потянул носом воздух, перевёл взгляд на жену и ехидно ухмыльнулся:

— Не-не, Мадина... Целоваться мы с тобой сегодня после обеда точно не будем! А то от тебя разит, как от Змея Горыныча, чесноком за версту несёт!

Мадина, от которой действительно шёл мощный чесночный шлейф, аж челюсть уронила от такой наглости, хотя от самого Айдоса пахло точно так же. Но тот не унимался и решил её ещё знатно подколоть:

— Ты вообще зачем столько чеснока туда наложила, а? От вампиров нас защищаешь, что ли? Сериалов своих сказочных пересмотрела на ночь, теперь весь дом травишь! Оставь ты уже эти глупости!

Мадина от возмущения только воздух ртом захлопала, не зная, что ответить — ведь она сама была уверена, что положила чеснока совсем чуть-чуть.

Дед Матвей в углу одобрительно крикнул, оценив шутку про вампиров, покосился на тарелку с ядрёной кулинарией и тихонько зашептал Мадам на ухо, давась от смеха:

— Ну и котлеты у Мадины сегодня получились, матушка! Радовалась бы, что ты ей чеснока натрясла. А то ходила бы сейчас злая, как тогда, когда ты нашей студентке за загаженную комнату жгучего перца в пиццу от души бахнула!

Мадам победно сложила руки на груди, ехидно прищурилась и так же шёпотом ответила напарнику:

— Вот именно, Матвей. Пускай радуется, что не пришлось из чайников воду пить, чтобы этот пожар во рту потушить. Мои-то борщи весь дом знает, а эти теперь пускай подышат друг на друга. Раз мирно жить не умеют, может, хоть так их дружба крепче станет.

Соседи теперь оба сидели, дышали друг на друга как два дракона, напрочь растеряв весь свой запал для нового скандала. Профилактика чесночным хаосом и ледяным душем сработала как надо, и в общаге наконец-то наступила временная, но такая долгожданная тишина.

Март выкатился на улицы Алма-Аты весенним солнцем, но в коридорах четвёртого этажа по-прежнему пахло старым линолеумом и сыростью. Санёк просочился сквозь закрытую дверь 402-й комнаты, когда Ляйсан ненадолго убежала на общую кухню. Он присел на корточки перед креслом, где вальяжно развалилась Мадам, и недовольно мотнул головой в сторону окна:

— Слышь, банда, там к нашей фифе хахаль нарисовался. На крыльях её до общаги провожал. Но он мне не нравится вообще, капец не нравится. Мутный какой-то тип. Дёрганный, костлявый, шмотки дорогие, а взгляд стеклянный и суетится много. Палится парень на ровном месте. Вы присмотрите за ним, а то притащит сюда какую-нибудь херню.

Мадам только ехидно прищурилась, похлопав призрачной ладонью по подлокотнику. Через пару минут дверь распахнулась, и в комнату влетела Ляйсан, бережно неся две кружки с чаем. Следом за ней, топорно пытаясь изобразить вальяжную походку мажора, зашёл длинный, худой парень в брендовой куртке нараспашку. Он постоянно поправлял воротник, облизывал губы и как-то слишком быстро озирался по сторонам, залипая то на старый советский стул, то на платяной шкаф в углу.

— Садин, присаживайся! — Ляйсан прямо-таки сияла, её девятнадцатилетняя инстаграмная голова была полностью забита весенними бабочками. Она поставила кружки на стол и весело защебетала, расправляя юбку: — У нас тут, конечно, общага, но комната отдельная, тихая, никто не мешает! А в МУАД на потоке сегодня вообще такая скукотница была, препод по цветоведению и колористике опять целыми часами со своими цветовыми кругами бубнил, мы с девчонками чуть с ума не сошли... Ты сахар-то сколько ложек пьёшь?

— Да мне без сахара... Нормально тут у тебя, уютненько, — парень попытался выдать крутую белозубую улыбку, но она получилась какой-то резиновой. Пальцы его мелко подрагивали, постукивая по колену. Ляйсан, выросшая в тепличных маминых условиях, этой странной суеты в упор не замечала — для неё он был просто «глубоким, загадочным и очень творческим».

Мадам, висаящая прямо под потолком над шкафом, брезгливо перекосилась от этого зрелища. Дед Матвей материализовался на подоконнике, почесал призрачную бороду и тихонько зашептал напарнице:

— Ну и чучело принесло... Глянь, как у него поджилки трясутся, он же под чем-то плотно сидит! Зрачки в точку. Измену ловит на ровном месте. Нафиг он тут сдался нашей девке?

— Я здесь этот тунеядский бордель терпеть не буду, — глухо, со своим тяжёлым немецким акцентом процедила Мадам. — Наше личное мясо какой-то торчок окучивать вздумал! Надо его отваживать, Матвейч. Только аккуратно, без шума, чтоб Ляське романтику не портить.

Мадам ехидно прищурилась, приземлилась прямо за спиной сидящего парня и растопырила бледные пальцы, начинает плавно, как на диджейском пульте, крутить настройки его восприятия.

— Сейчас мы ему устроим воспитательный профилакторий круглые сутки, — прошептала покойница, перехватывая живую аудиодорожку безмятежно щебечущей Ляйсан. — Извилины ему сейчас так отладим, что он отсюда без тапок побежит. На раз-два-три... Включаю Изнанку.

Для парня комната Ляйсан мгновенно изменилась. Весеннее солнце, заливавшее подоконник секунду назад, будто подёрнулось грязной, серой плёнкой, а весёлый голос девчонки, расспрашивающей про сахар, внезапно приобрёл странное, вибрирующее эхо. Мир вокруг него сузился до размеров душного, полутёмного склепа.

— Да мне без сахара... Нормально тут у тебя, уютненько, — его собственный голос показался ему глухим, будто он говорил через толстый слой ваты.

Он попытался сфокусировать блуждающий взгляд на Ляйсан, но девка в его глазах вдруг замерла на месте с резиновой, застывшей улыбкой. Губы её шевелились, но из них, без малейшего перехода и всё тем же беззаботным, ласковым голоском, полилось совсем другое:

— ...и они, короче, уже внизу стоят, прикинь? Прямо у входа в общагу. Два опера в штатском и Санёк с ними, пальцем на твои окна показывают. Машина караулит, у них и ордер есть, сейчас подниматься будут на четвертый этаж... Ты сиди-сиди, чай пей, они как раз за тобой поднимаются...

Чувак резко побледнел, покрываясь крупными каплями холодного пота. Зрачки его сузились в крохотные точки, а в промокшей от страха голове мгновенно вспыхнула лютая, параноидальная измена. Сердце заколотилось в рёбра так, что в ушах раздался давящий, тяжёлый гул. Ему казалось, что из узких щелей старого советского шкафа прямо на него выползают липкие серые тени, а за спиной кто-то хрипло и тяжело дышит.

Ляйсан в реальном мире, естественно, ничего этого не слышала и продолжала мило улыбаться, ожидая ответа. Но парень уже не мог соображать. Не выдержав психологического прессинга, он судорожно подлетел со стула, едва не опрокинув кружку с чаем.

— Мне... мне это... срочно, капец как срочно нужно бежать! — заикаясь и дико озираясь по сторонам, пробормотал он. — Дела там... перезвоню!

Не дожидаясь ответа, кавалер пулей выскочил из 402-й комнаты и с пробуксовкой рванул по коридору в сторону лестницы, судорожно крестясь на ходу.

Мадам, сидевшая на шкафу, облегчённо выдохнула, перекрестилась и загробным шёпотом выдала на всю комнату её коронное:

— Фу-у-у, бя... Пронесло.

Дед Матвей на подоконнике просто заходился от беззвучного хохота, держась за призрачные бока. Ляйсан же так и осталась стоять посреди комнаты с открытым ртом, тупо переводя взгляд со стакана на захлопнувшуюся дверь. В её инстаграмной голове крутилась только одна мысль: «Блин, кажется, этот тоже какой-то капец странный».

В середине марта учебная программа в МУАД закрутилась на полную мощность, и первокурсникам-дизайнерам выдали первое по-настоящему суровое практическое задание. Препог по цветоведению и колористике целыми часами бубнил на лекциях про нюансы светотени, контрасты и глубину пространства, а под конец огорошил всех самостоятельной работой.

Задание звучало максимально размыто, давая будущим арт-дизайнерам полную свободу для самовыражения: на выбор нужно было подготовить либо детальный архитектурный набросок здания в городской среде, либо сложный натюрморт с глубокими тенями, либо полноценный портрет с натуры. Главное условие — сдать готовую работу ровно через неделю на огромном листе ватмана, показав всю академическую базу.

Ляйсан притащила домой целый рулон плотной бумаги, накупила карандашей разной

мягкости и уныло разложила всё это добро на кровати в 402-й комнате. Выбор заданий был огромным, вагон и маленькая тележка, но девке сейчас было вообще не до высокого искусства. Помимо МУАД она всю впахивала на работе, приползала в общагу со смены абсолютно никакая и, едва дойдя до подушки, засыпала без задних ног. Натянуть ватман на планшет и часами вырисовывать правильные тени у неё банально не хватало ни сил, ни времени. Рулон так и остался лежать в углу, сиротливо дожидаясь своего часа.

Пока Ляйсан видела десятый сон после тяжёлой смены, в квартире у Шуры всю шло заседание стихийного художественного совета. Ватманы, технично изъятые у спящей студентки, чтобы добру не пропадать, лежали скрученными на столе.

Дед Матвей нацепил на нос воображаемые очки и с максимально умным видом листал Ляскин учебник по колористике. Он то и дело тыкал призрачным пальцем в заумные графики с цветовыми кругами и беззвучно угарал, сотрясаясь всем телом. Санёк, сидевший на табуретке рядом, тоже едва сдерживал ржач, представляя масштабы грядущего бедствия:

— Я капец представляю, какой с неё художник получится, ха-ха! У неё это рисование по расписанию всего два раза в неделю, а от неё преподы уже требуют малевать чуть ли не как в советских мультфильмах классику, Союзмультфильм, ёптить! Она ж завалит всё к чертям со своей работой.

Мадам, вальяжно качаясь на стуле, лениво повернулась к Шуре и с интересом спросила:

— Слушай, Шура... А что там сейчас на Арбате вообще творится? До сих пор эти свободные художники толпами сидят, портреты прохожим малюют? Лет шестнадцать назад, помню, их там дофига было, плюнуть некуда, вся аллея в мольбертах стояла! Шура, которая сама уже полгода как преставилась и была таким же призраком, но в отличие от привязанной к дому банды могла спокойно выходить из общаги и гулять по городу, со смешком махнула рукой. Вспомнив свои земные прогулки годовой давности и недавние ночные вылазки, она выдала:

— Да какое там «дофига», Мадам! Сейчас этих художников на Арбате потихоньку вытесняют мартовские коты и гитаристы с протянутой кепкой, ха-ха! Романтика закончилась, остался один ор весенний!

Банда дружно завывала от хохота. Идей, что именно делать с чистыми листами ватмана, у них пока не было вообще, но сидеть, перемывать кости современной алма-атинской богеме и ржать над будущей карьерой лакшери-дизайнерши было куда интереснее. Дожливый мартовский вечер накрыл Алма-Ату плотной тёмной пеленой. За окнами квартиры Шуры шумел холодный потоп, ветер швырял капли в стёкла, а в тёмных дворах семейной общаги творилось нечто невообразимое. Сквозь глухой гул дождя с улицы доносился такой истошный, раздирающий душу ор, будто там кого-то резали в прямом эфире.

Шура подошла к окну, вглядываясь в серую водяную темень, и со смешком покачала головой:

— Ну точно, блин, как у братьев Пономаренко в той юмореске: кошачьи свадьбы начались! Слышь, Мадам, как их там на районе рвёт и прёт! В прямом смысле друг друга на части разрывают.

Мадам, крутившаяся возле стола, на котором был раскатан ворованный у Ляйсан ватман,

ехидно прищурилась:

— Кошачьи свадьбы, говоришь? Слушай, Шура... А ведь это идея. Раз на улице такой аншлаг, давай нашей лакшери-студентке рыжего Чеширского кота и намалюем! Хватит им там в МУАД скучать со своими кувшинами.

Девахи, загоревшись общажным креативом, тут же уселись за стол и вооружились карандашами. Санёк в это время занимался своими делами, скептически поглядывая на этот художественный кружок, но лезть к бабам не рисковал.

Творческий процесс пошёл по совершенно уникальной схеме — рисовать целиком ни одна из них не умела, поэтому решили собирать кошару по запчастям, передавая друг другу карандаш по очереди. Мадам, пародируя свой школьный немецкий, взяла на себя первый этап:

— Так, я рисую дизе кошачья голова! Найн, уши сделаем побольше, чтобы он всё слышал! И ухмылку, ухмылку ему чеширскую на пол-лица, чтоб препод сразу измену поймал.

Она увлечённо заскребла грифелем по плотной бумаге, вырисовывая наглую морду с безумным оскалом. Как только с головой было покончено, ватман развернули к Шуру.

— Ну всё, Мадам, давай сюда, теперь моя очередь, — примостилась Шура, прицеливаясь карандашом под кошачий подбородок. — Я ему сейчас такое жирное мартовское тело отмахну, на общаговских котлетах вскормленное. И хвост пистолетом, чисто для характера!

Шура с хохотом принялась выводить упитанное туловище, пока Мадам стояла над душой, под руку давая ценные указания и придумывая новые дикие детали. Они увлечённо сменяли друг друга у листа: одна вырисовывала мохнатые лапы с когтями, вторая добавляла кошаре безумные зелёные зрачки, и каждая новая запчасть выходила ещё более авангардной, чем предыдущая. Девахи едва сдерживали угар, катаясь от смеха на всю квартиру и шлифуя общими силами этот мартовский шедевр, пока уставшая Ляйсан даже не подозревала, какой сюрприз готовится на её ворованном ватмане.

Вокруг готового ватмана тут же собрался весь призрачный консилиум. Дед Матвей навис над столом, прищурил один глаз, долго разглядывал получившегося монстра и вдруг оглушительно заржал, хлопая себя по коленям:

— Ну и урод, прости господи! Кривоват, конечно, девахи, спору нет. Но блин... Если вот так, одним глазом на него посмотреть в темноте — аж страшно становится! Чисто съезд крыши у чувака, который это малевал.

Санёк подошёл ближе, засунул руки в карманы и тоже начал прикалываться, разглядывая авангардный рисунок:

— Да ладно вам, зато натурально получилось! Какой это к чёрту Чеширский кот? Это же вылитый наш местный бродяга Васька, которого соседи на первом этаже подкармливают. Тот тоже вечно как нажрётся — лежит, еле с боку на бок переваливается с такой же наглой харей. Один в один срисовали!

Девахи от таких оценок снова прыснули со смеху, но ватман скручивать не спешили.

Мадам деловито повернулась к Шуру, прищурив глаза:

— Слушай, Шура... А ты сможешь с мелкой на парах в её Универе посидеть, пока она сдавать всё это будет? Он тут неподалёку совсем, буквально в двух домах от нас находится. Ты сможешь там побыть, сколько тебя вообще там хватит, ну чтобы и

проконтролировать всё, и вернуться нормально обратно в общагу? Прошвырнёшься, оценишь обстановку?

— Да без проблем, — Шура согласно кивнула, прикидывая расстояние. — Расстояние плёвое, сил точно хватит туда-обратно сгонять. Схожу, поглазею на это высшее искусство, мне не трудно.

План у банды созрел мгновенно и получился стратегически точным. Ватманы они решили пока Ляське обратно вернуть — пускай девка сама нарисует то, что планировала для зачёта, мешать ей не будем. А вот дальше — по ситуации. Если её собственный рисунок выйдет нормальным и препод примет, то пускай так и будет. Но если девахи увидят, что у неё выходит полная фигня и зачёт летит к чертям, Шура прямо на паре технично подменит листы и подсунет преподу их мартовский шедевр.

— Так, подождите! — Мадам резко вскинула палец вверх, пародируя строгого профессора. — Халтура не пройдёт! Препод же часами про свет и тени бубнил? Нам нужна тень! Архиважно!

Девахи переглянулись, Шура хищно схватила маркер, и под дикий хохот Санька и Матвея они прямо в зубы нарисованному бродяге пририсовали жирную, сочную сосиску, а от неё на ватмане вывели огромную, густую и максимально академическую тень. Пропротив такой колористики у МУАД просто не было шансов.

В свой законный выходной Ляйсан наконец-то нашла время для высокого искусства.

Выспавшись и наведя себе чаю, она разложила на столе возвращённый ватман и засела за зачётную работу. Мудрить и изобретать велосипед студентка не стала — она просто вспомнила школьные уроки ИЗО и принялась малевать стандартную, слегка кривобокую вазу, как её когда-то учили. Дело шло спокойно и без суеты, штрих за штрихом, и Ляйсан была искренне уверена, что всё выходит просто норм.

Вся призрачная банда в это время обреталась неподалёку, наблюдая за процессом и тихонько хихикая в кулак. Мадам и Шура то и дело переглядывались, сравнивая эту скромную школьную халтуру со своим шедевром. Ваза у мелкой получалась милой, но до уровня первокурсника академии искусств явно недотягивала.

Дед Матвей, косясь то на усердно пытаящую над листом Ляйсан, то на спрятанный в углу рулон с их рыжим монстром, не выдержал и снова подколот девах:

— Ну, девахи, гляжу я на это дело... У Ляськи-то её горшок хотя бы на вазу похож, аккуратненько так выводит. А вот ваш бродяга Васька с сосиской в зубах и академической тенью — это реально оружие массового поражения! Если препод её мазню забракует, то от вашего кошака у него точно инфаркт случится, ха-ха!

Санёк прыснул со смеху, а Шура только заговорщицки подмигнула Мадам. Ляйсан, ничего не слыша, наложила последние тени на кувшин, смахнула ластиком крошки и с чувством выполненного долга свернула готовый ватман. Зачёт был завтра, и призрачный десант во главе с Шурой уже сидел на низком старте, готовый к любому повороту событий в стенах МУАД.

Утренний поход в МУАД дался Шуре непросто. Просочившись в аудиторию, она устроилась на задворках и принялась внимательно разглядывать, с чем пришли остальные первокурсники.

Как оказалось, банда переживала зря: на просмотре выставлялась такая несусветная

фигня, что на этом фоне школьный кувшин Ляйсан выглядел чуть ли не шедевром эпохи Возрождения. У остальных студентов в МУАД выходила полная херня, так что Ляськина ваза объективно была даже лучше. Но Шура решила подстраховаться и сыграть хитро. Пока никто не видел, она технично вытащила Ляськин рисунок, отложила его в сторону, а их призрачный ватман с рыжим Васькой закатала в тубус особым образом — так, чтобы со стороны донышка и при переноске вообще нельзя было разобрать, что там намалёвано.

Ляйсан шла на сдачу последней. Девке было дико стыдно, в голове крутились панические мысли о том, что скажет Великий профессор на её скромный натюрморт. От страха она даже не стала лишний раз раскатывать ватман перед комиссией — просто вытащила лист из тубуса и протянула преподавателю.

Профессор с важным видом развернул плотную бумагу, приготовившись к очередной порции студенческой скуки, взгляделся в рисунок... и замер. Секундная тишина сменилась тем, что строгий мэтр колористики просто начал дико, до слёз ржать на всю аудиторию. Отсмеявшись, он на автомате шлёпнул в ведомость «отлично» и, вытирая слезы, спросил: — Ну и ну! Кто же тебя, милочка, так рисовать-то учил?

Ляйсан стояла ни жива ни мертва, вообще не понимая, что происходит. Профессор развернул ватман к ней, и студентка мгновенно впала в глубочайший афиг. Вместо аккуратной школьной вазы на неё нагло пялился кривой общажный котяра с жирной сосиской в зубах и монументальной академической тенью.

— Знаешь, — продолжал угарать профессор, — для первого курса — это просто шикарный, смелый гротеск! У тебя круто получилось передать мартовский характер! Всё ещё находясь в полном шоке, Ляйсан забрала свой ватман и на негнущихся ногах вышла в пустой коридор, бормоча под нос: «Что за фигня вообще творится?..» Тут же за её спиной раздалось ехидное хихиканье Шуры.

Ляська не успела даже рта открыть, как из тёмного угла коридора к Шуре подлетела местная призрачная обитательница Универа — строгая женщина-преподаватель, которая давным-давно умерла, но так и осталась караулить учебные корпуса. Она тут же взяла Шуру за шкерт и принялась занудно читать лекции на весь коридор:

— Это что ещё за художества? Вы чему девчонку учите? Из-за вашего самоуправства она же ничему в МУАД не научится! Базу надо знать, академизм, а не карикатуры подсовывать!

Шура, которая по факту была даже чуть старше этой покойной преподши, ни капли не смутилась. Она спокойно высвободилась, поправила воротник и уверенно втёрла ей в ответ:

— Слушай, дорогая, хорош бубнить. Ребёнок и так крутится как может — и учится, и работает на износ! Да с вашим дурацким расписанием два раза в неделю она академизму сто лет учиться будет. А тут — чистый креатив и высший балл в кармане!

Древний дух МУАД замерла, взвесила слова Шуры и, кряхтя, вынуждена была согласиться с суровой жизненной логикой.

— Ладно, твоя правда, нагрузка у нынешних бешеная... — проворчала старая преподавательница, но для порядка погрозила призрачным пальцем. — Но попрошу больше так нагло учебный процесс не нарушать! Договорились?

Шура только ехидно улыбнулась в ответ. Покойная преподава, поняв, что с этой общажной бабой спорить бесполезно, только обречённо махнула рукой: «Ай, хер с вами!», развернулась и полетела дальше патрулировать пустые аудитории.

Мартовские праздники прошли, оставив после себя сладкое послевкусие затяжного безделья. Пять дней официальных выходных в честь Наурыза превратили общагу в сонное царство, и Ляйсан воспользовалась этим по полной программе. Девчонка наконец-то отложила в сторону тяжеленный курьерский баул, забила на бесконечную беготню по городу и устроила себе настоящий тюлений отдых. За эти длинные выходные её организм окончательно расслабился, перестроился на ленивый режим и напрочь забыл про любые графики: студентка леглась под утро, спала сколько влезет и чувствовала себя абсолютно счастливой лакшери-дивой.

Но у этой лафы была и обратная сторона — послепраздничный анабиоз штука коварная, и первый рабочий день всегда подкрадывается незаметно. В первое же утро после затяжных выходных девчонка умудрилась наглухо проспять пары. Тело после пяти дней спячки наотрез отказалось возвращаться в суровую реальность. Вставать после такого расслабона было до жути неохота, организм устроил бунт, и когда будильник на айфоне надрывался на полную громкость, соня спала без задних ног, вообще не реагируя на внешний мир.

Мадам, наблюдавшая за этой картиной со своего кресла, быстро поняла: если пигалицу сейчас не подорвать, всё её великое становление международного арт-дизайна накроется медным тазом прямо на окончании первого курса. За пропуски её быстро поставят на бабки, впаяют платные кредиты за отработку часов, а там и до вылета недалеко. Терять чистоплотную сожительницу и личного повара в её планы не входило, так что Хозяйка без лишних церемоний решила устроить дрыхнувшей Ляйсан жесткую ментальную побудку прямо во сне.

В ту же секунду курьерше снится жуткий, зловещий и одновременно дико абсурдный кошмар. Полная темнота. Ляйсан стоит посреди своего мрачного общажного угла. Вдруг старая деревянная дверь со скрипом приоткрывается, из коридора тянет могильным холодом, и в образовавшуюся щель просовывается смутный, пугающий силуэт Мадам. Из темноты раздаётся её ехидный, эхоподобный голос, от которого у Ляйсан мороз по коже пробегает:

— Ну что, лакшери-дива, спишь? Отдыхаешь? А пары кто за тебя сдавать будет? Запомни, студентка: твоя стипендия — теперь моя стипендия!

Призрак вальяжно подплывает ближе, выуживает прямо из кармана засаленного халата призрачную хрустящую купюру в 5 тысяч тенге, с понтом скручивает её в плотную трубочку и вставляет себе в рот, чисто как сигарету. Нагло ухмыляясь, она делает вид, что прикуривает от невидимого огонька, всем своим видом изображая крутую мафиози из нулевых.

Следом Мадам брезгливо подцепляет двумя пальцами лежащий на столе кошелек Ляйсан, заглядывает внутрь, переворачивает его вверх дном, картинно трясёт и разочарованно цыкает, не вынимая «купюру-сигарету» изо рта:

— Блин... Какие тут вообще финансы у тебя, а? Пусто! Что за нищета, тут даже тараканов нет, ха-ха-ха! Где бабки, студент?!

Она делает паузу, ехидно щурится на Ляйсан, наклоняется ближе и сочным басом выдаёт коронный подкол:

— План был просто охрененный, надёжный, как швейцарские часы, да?! Но ты же понимаешь, малая, что из-за долгов больше здесь жить не будешь? Всё, лафа закончилась! Готовить тебе тут больше никто не будет, гонять тебя по комнате тоже никто не будет... Собирай шмотки, придётся ехать домой к родителям, ха-ха-ха!

И в этот момент Мадам во сне издаёт такой оглушительный, утробный и ехидный хохот, от которого стены общаги начинают рушиться.

Ляйсан в седьмом часу утра подпрыгивает на матрасе так, будто её током шарахнуло. Глаза по полтиннику, дыхание сбито, сердце колотится в самом горле от ужаса перед перспективой вылететь из Алматы и вернуться в родные пенаты. Деваха сидит в темноте взъерошенная, дикая, судорожно хватает телефон, смотрит на время и понимает, что если прямо сейчас не выбежит, то точно огребет кучу проблем с этими платными отработками.

— Бля-а-а-а! — в панике вскрикивает она, слетая с кровати и начиная лихорадочно натягивать джинсы. — Успеваю! Чуть всё не проспала, твою мать! Какое ехать домой, что за дичь мне вообще снится?!

Пока Ляйсан, спотыкаясь о курьерскую сумку, в панике металась по комнате, Мадам на подоконнике тихонько угарала, прикрывая рот ладонью:

— Процесс пошёл, ха-ха! Будешь знать, как пары просыпать. Профсоюз 402-й комнаты бдит, малая!

В середине марта вечерняя Алма-Ата быстро погружалась в сырую, промозглую темноту. Пока девахи обсуждали свои дела, дед Матвей, только что вернувшийся с очередной прогулки по длинным коридорам семейной общаги, с заговорщицким видом подсел ближе к столу. Он дождался, пока Санёк оторвётся от своих железок, и, понизив голос, выдал свежие новости:

— Слушайте, народ, тут такое дело... Оказывается, у нас в общаге уже две кражи случилось по факту, прикиньте? А мы тут сидим и ни сном ни духом! Расслабились совсем, булки в своей изнанке пораскинули, пока у нас под носом чужие хаты бомбят! Мадам удивлённо приподняла бровь, а Шура даже подалась вперёд от неожиданности:

— Да ладно, дед! Прямо обокрали кого-то? И как они вообще действуют?

— Да как... Аккуратно замки взломали, без шума и пыли, — махнул рукой Матвей, усаживаясь поудобнее и недовольно кряхтя. — На слухах принесло, соседи на первом этаже всю шушукуются. Видать, воры какие-то завелись, на шару пустые квартиры вычислят, шкурный интерес у них. Причём, сдаётся мне, наводчик у них из местных. Кто-то из своих им точно подсказал, в какие часы ломиться, кого и когда дома нету! Вот они прямиком и идут, сразу вскрывают. Если бы они тут крутились, высматривали да вынюхивали что-нибудь, мы бы их по-любому заприметили, они бы из толпы выделялись! А эти как к себе домой заходят. А мы-то, призрачный патруль, блин, в каждый угол

одновременно сунуться не можем, вот и прохлопали этих гадов!

Шура нахмурилась и недоуменно пожала плечами:

— Так, подождите... Какие ещё воры? Тут если днём между делом по коридорам пройтись

— вроде вообще всех своих знаешь, лица одни и те же годами мелькают. Откуда эти левые взялись?

Санёк отложил отвёртку, лениво откинулся на спинку табуретки и со смешком протянул:

— Ага, Шура, удачи. Ты теперь лично на стрёме стоять будешь и каждого встречного тормозить? Сама подумай, они же не с мешками наперевес тут ходят. Обычные типы, от местных жильцов хрен отличишь, пока они в чужую дверь не полезут.

Саня хитро прищурился, оглядел Шуру с ног до головы и от души заржал, продолжая её подкалывать:

— Вот представь: и как ты их ловить-то будешь, а? Ты перед ними прыгать, что ли, начнёшь и руками махать? Будешь орать им прямо в уши: «Мы призраки, а ну стоять!»? Так они тебя всё равно ни хрена не увидят и не услышат, ха-ха-ха!

Дня три банда жила в режиме повышенного внимания. Раз в день кто-нибудь из них обязательно лениво прохаживался по длинным коридорам общаги, приглядываясь к незнакомым лицам, да и вечером обстановка оставалась такой же. В 402-ю комнату к Ляйсан они лишний раз принципиально не заглядывали — исключительно ради её же спокойствия, чтобы своим призрачным присутствием, разговорами и вечными сквозняками не мешать студентке заниматься делами. Собирались все строго у Шуры. Так совпало, что на третий день во время очередных посиделок, пока Шура шёпотом докладывала банде свежие коридорные новости, в прихожей раздался отчётливый, сухой металлический щелчок. Входную дверь в квартиру кто-то аккуратно взламывал снаружи. Призраки мгновенно осеклись на полуслове и синхронно повернули головы в сторону тёмного коридора. В наступившей гробовой тишине Санёк медленно перевёл взгляд на деда Матвея и одними губами выдохнул:

— Что за блин?..

Шура ехидно прищурилась и решила с ходу устроить ворах весёлую жизнь. Только шкурники снаружи справились с замком и потянули ручку на себя, как Шура призрачной силой намертво заклинила дверь. Вор с той стороны налёг плечом, пытая от усердия. Шура на секунду ослабила хватку — дверь резко приоткрылась, шкурник по инерции полетел вперёд, но покойница тут же с грохотом захлопнула её обратно прямо перед его носом. С той стороны коридора донёсся глухой мат и шипение ушибленного лба.

Дав воришкам ещё полминуты судорожно поковыряться в замке, Шура наконец позволила им зайти. В полумрак квартиры воровски скользнули два силуэта. Действовали шкурники слаженно: аккуратно прикрыли за собой дверь, даже не подозревая, что Шура тут же бесшумно заперла её на замок обратно с призрачной стороны. Мошенники замерли, прислушиваясь к тишине и радуясь, что хата пустая.

Но тут Мадам решила, что пора открывать театр, и скомандовала банде начинать шоу. Первым делом полыхнул яростный свет в прихожей — лампочка замигала как безумная, устроив ворах дикий светозвуковой шок. Не успели они опомниться, как дед Матвей уселся прямо перед старым телевизором и принялся яростно играть со звуком. Динамики на полной громкости то выдавали оглушительный ор какой-то рекламы, то резко уходили

в звенящую, ультразвуковую тишину, а в следующую секунду врубали замогильное, басовитое шипение, от которого у живых поджилки затряслись на полную катушку. На кухне с грохотом посыпалась из шкафов посуда, зазвенели тарелки, создавая эффект полноценного, разъярённого полтергейста. Шура с Мадам в этот момент вовсю развлекались, летая вокруг воров, подкидывая вещи в воздух и буквально играя на их натянутых нервах.

Перепуганные шкурники, растеряв всю свою спесь, ломанулись было назад к выходу, но ручка запертой двери даже не шелохнулась. Спасаясь от оглушительного шума, они в панике кинулись на кухню, надеясь укрыться там.

Едва они влетели в проём, Мадам тут же повторила свой коронный прикол. Из кухонной раковины под диким напором ударила мощная направленная струя воды, напроць глуша воришек и заливая им глаза. Гады отшатнулись, отплевываясь и тяжело дыша, как вдруг всё вокруг затихло.

В этой зловещей тишине кухонные ножи на магнитной ленте над столом один за другим с металлическим звоном отделились от стены. Клинки взмыли в воздух, развернулись остриями прямо на замерших мошенников и угрожающе зависли, словно невидимый метатель прицелился и вот-вот собирался запустить их прямо в цель. Воры оцепенели, боясь даже вздохнуть под прицелом летающей стали.

Увидев зависшие в воздухе ножи, воры окончательно потеряли остатки рассудка. Страх, что острое железо сейчас полетит прямо в них, придавал им ускорения. Шкурники с дикими воплями вылетели из кухни обратно в прихожую и со всей дури начали долбить в закрытую входную дверь, судорожно дёргая ручку.

Грохот на весь этаж поднялся знатный. Соседи по общаге, прекрасно знавшие, что эта комната сейчас пустует, знатно удивились такому шуму, заподозрили неладное и тут же набрали полицию.

Пока воришки в панике вышибали запертую дверь, Шура, державшая ухо востро, услышала внизу во дворе сирену, а затем и быстрые шаги на лестничной площадке. Патрульные поднялись на этаж как раз вовремя. Шура ехидно хихикнула и технично открыла замок с призрачной стороны.

В ту же секунду дверь под напором мошенников распахнулась, и они кубарем вылетели в коридор — прямо под ноги наряду. Патрульные от такой неожиданности аж за дубинки схватились:

— Опача! А вы кто такие? Что здесь потеряли?!

Воры, мокрые от кухонной струи и бледные как смерть от летающих ножей, даже сопротивляться не думали. Для них живая полиция в этот момент показалась самым безопасным местом на земле. Наряд долго разбираться не стал — скрутил обоих за шкирку, защёлкнул наручники и повёл вниз, оформлять за проникновение. А призрачная банда, толпясь у порога, с чувством выполненного долга провожала взглядом уезжающий УАЗик.

Следом за патрульными к общаге прибыла следственная группа для оформления взлома. Вместе с ними вызвали и дочку Шуры — как хозяйку жилья, чтобы проверить, не пропало ли чего из вещей. Сама Шура, высунувшись из окна прихожей, лениво разглядывала суету во дворе, как вдруг её призрачное сердце пропустило удар: из подъехавшей машины

вместе с оперативниками вышла её собственная дочь.

Всей толпой, под протокол, они зашли в разгромленную квартиру. Дочка Шуры сразу нахмурилась, оглядывая кавардак. На расспросы следователя о том, не утащили ли чего ценного, она только устало вздохнула — эмоционально из этой хаты всё самое ценное вывезли уже давным-давно, оставался только старый бытовой хлам.

Особенно сильно женщина нахмурилась, когда они с группой зашли на кухню и увидели осколки на полу:

— М-да... Всю посуду поразбивали, придурки. Мать бы такое увидела — точно бы им хвост накрутила на полную катушку. Это же была её любимая посуда, она всегда идеальный порядок любила.

Слушая эти слова, Шура стояла рядом, едва сдерживая призрачные слёзы и одновременно улыбаясь от того, как хорошо дочка её помнит.

Пока следственная группа заканчивала описывать место происшествия и заполнять бумаги, дочка Шуры сама присела и аккуратно, осколок за осколком, собрала всю разбитую кухонную утварь, подмела мусор и привела развороченную кухню в относительный порядок. Закончив со всеми делами, оперативники двинулись к выходу, и дочка аккуратно закрыла за всеми входную дверь обратно на замок.

Уже на выходе из подъезда один из следователей, смеясь, рассказал ей, что эти двое воришек лепетали при задержании:

— Да там эти воры в машине такое плетут — обхохочешься. Твердят на полном серьёзе, что когда они залезли, на них эта квартира сама напала! Водой брызгалась, ножами кидалась. Говорят, везите нас лучше сразу в камеру, там безопаснее!

Когда все уехали, а в общажной квартире снова воцарилась тишина, наша призрачная бригада просто со смеху упала прямо на ковёр. Дед Матвей держался за живот, Санёк угарал в голос, а сама Шура, хоть и утирала слезы после встречи с дочерью, ехидно хихикала громче всех: «Напала на них квартира, надо же такое придумать, ха-ха!»

В начале апреля вечерняя прохлада лезла сквозь щели, но в комнате было шумно. По старой традиции банда собралась отмечать второй день рождения Санька — дату, когда он официально пополнил их посмертные ряды. Шура в их компании появилась всего полгода назад, так что для неё многие общажные приколы и обычаи были ещё в новинку. Так уж совпало, что почти у всех в их призрачной банде дни рождения выпадали на весну и лето. Шура, лениво развалившись на диване, окинула парней ехидным взглядом и со смешком подколола:

— Я не поняла, вы что, свои настоящие дни рождения праздновать собрались? Живые, что ли, вылупились тут?

Санёк отложил свои вечные железки, переглянулся с дедом Матвеем и откровенно заржал, задавая тон всей их компании:

— Ага, Шура, разбежалась! Мы первые дни рождения, которые при жизни были, вообще не считаем и не празднуем. Зато вторые — посмертные — отмечаем по полной программе, ха-ха! Так что давай, у меня сегодня юбилей на том свете.

— А кто вообще эту традицию придумал? — поинтересовалась Шура, переводя взгляд с одного парня на другого.

Дед Матвей хитро прищурился и кивнул в сторону именинника:

— Да Сане поначалу просто скучно было одному куковать, вот он и изгалялся как мог. А потом оно как-то само в привычку вошло.

Шура с любопытством оглядела компанию:

— И как же это у вас отмечается?

— Ну как, как... Как и все нормальные праздники! — хмыкнул Санёк. — Мы ж раньше в четырёхста второй комнате вовсю развлекались. Пока родственники Мадам её риелторскому агентству не продали, там вообще лафа была. Можно было и музыку по-тихому врубить, и пошуметь вволю, не боясь никого из живых потревожить.

— Слушай, я сколько по району ходила, пока разведку вела, вообще впервые такую традицию вижу, — со смешком заметила Шура. — На районе с этим делом как-то вообще никто не заморачивается. Ходят все унылые, а тут прямо праздники.

Мадам изящно повела плечом и вздохнула:

— А что делать, дорогая? Надо же себя как-то развлекать. Мы-то здесь всё время проводим, добровольно-принудительно. Так что хочешь не хочешь, а надо было что-то придумывать, чтобы с ума не сойти. А тут Саня сперва деда подбил на это дело, а потом я уже к ним присоединилась.

Мадам ехидно хмыкнула и развела руками:

— Вообще, у нас каждый с ума по-своему сходит, кто как хочет, так и отмечает. Но лично в нашем кругу я свой посмертный день рождения не праздную. Я просто тупо дату забыла, ха-ха!

Стоило Мадам на секунду отвернуться к окну, как Санёк тут же заговорщически подмигнул Шуре и призрачно покивал головой — мол, врёт зараза, всё она прекрасно помнит. Шура понимающе махнула головой, едва сдерживая смешок: ясен хрен, кокетничает Мадам, марку держит.

— Ну что, народ, кого пойдём грабить на вкусняшки? — заговорщически подмигнул Саня, потирая руки. — Кто тут с именинником сладким поделится в честь праздника, ха-ха?

Шура ехидно прищурилась, окинув парня взглядом:

— Поделиться-то поделятся... Но сперва сколько лет исполнилось с того света — столько раз я тебя за уши и отдеру! И не надейся, без этого ритуала вообще ничего не получишь, ха-ха!

Саня, прочуввав опасность, попытался было технично свалить в угол комнаты, но Шура оказалась быстрее. Она ловко поймала именинника за уши и хорошенько, от души оттаскала под общий хохот банды. Только после этого она сжалась и достала припрятанные заготовки — призрачный чай сообразили быстро, а к нему на столе материализовались всякие мелочи: конфеты, карамельки и прочие нехитрые общажные сладости.

Посидели знатно, шумно прихлёбывая чай. Дед Матвей, глядя на молодёжь, весело ухмыльнулся в усы и вспомнил былые времена:

— Эх, Санек, это тебе сейчас весело, — дед Матвей весело ухмыльнулся в усы, глядя на именинника. — А помнишь, как ты первое время после смерти тут бродил? Ты ж тогда к лестничной клетке привязанный был, только-только осваивался. Ходил там, дурак, зачем-то выл возле перил и со всей дури в стену бился. Зачем ты это делал — я до сих пор понять не могу! Насмотрелся, видать, при жизни старых фильмов пятидесятых годов,

где привидения такие звуки издавали: «У-у-у-у!» Вот и ты так же ходил, завывал, ха-ха! Один же призрак тогда на весь подъезд был, вот и чудил. У меня аж призрачный живот от смеха болел, когда я за тобой наблюдал!

Саня от таких откровений чуть чаем не подавился, но тут же ехидно прищурился и выдал в ответку:

— Да ладно тебе, дед, наезжать-то! Нашёл что вспомнить. А сам-то, помнишь, как меня тогда до жути боялся, до усрачки прямо? Ты ж сам тогда ещё относительно свежим призраком был, зелёным совсем, вот и шугался от каждого шороха. Как услышишь моё завывание на площадке, так сразу в свою халупу прятался — она ж тогда ещё, в кавычках, «твоей» оставалась, ты там по старой привычке сидел. Специально ведь там забивался и нос на коридор не выставлял, пока я этажом ниже не спущусь!

— Да уж, интереснее не придумаешь, — прыснула со смеху Шура, качая головой. — Настоящие романтики с большой дороги, один воет, второй до усрачки в углу жмётся. Куда ни плюнь — сплошные спецэффекты. Повезло же мне в такую интеллигентную компанию попасть!

— Ну а с нашей мадемуазель как в итоге смогли язык наладить? — полюбопытствовала Шура, кивнув в сторону Мадам.

Дед Матвей хмыкнул и заговорщически понизил голос:

— Да тут, Шурочка, дело такое... Помнишь ты или нет, но в этой комнате она при жизни вообще не жила.

Шура нахмурилась, пытаясь сопоставить факты, и уставилась на деда:

— Так, подожди... Как это не жила? Стоять. Мне же Мадам сама сказала, когда вы меня встретили, что ты её мёртвое тело в этой комнате показал! Я же помню, что её отсюда, из общаги, в кавычках «выносили»!

Дед Матвей аж за подбородок схватился, усы расправил и громогласным басом выдал на всю хату:

— У-ха-ха! Да нет же, Шурочка! Никто её отсюда не выносил. Комната вообще пустая стояла, никто в ней не жил. А про мёртвое тело — это Мадам тебе специально выдала, для того чтобы тебя немного попугать и типа успокоить, ха-ха-ха! За чистую монету приняла, ну дела! Мадам здесь уже потом появилась, когда призраком стала.

— Интересные дела... — протянула Шура, переводя взгляд на хитро улыбающуюся Мадам, но лениво лезть в душу не стала. Лишь мягко добавила: — Ну ладно, захочешь — сама расскажешь потом. Если захочешь, конечно.

Помолчав немного, Шура снова повернулась к деду:

— Слушай, Матвей, а вы её встретили так же, как и меня? Ну, когда вы с Мадам передо мной нарисовались и до усрачки меня напугали? Я же тогда вас как увидела, так чуть второй раз не померла от страха.

— Не, тут немного поинтеллигентнее вышло, — Матвей качнул головой. — Почти, да не совсем. Мы её в этой комнате и нашли, считай, случайно, когда просто ради смеха ходили по этажам смотреть, где что есть. Заглядываем — а она там сидит со стеклянным видом, вообще ни на что не реагирует. Дня два, наверное, всего прошло после смерти, её ещё в чувство пришлось приводить. Потом уже познакомились относительно нормально. Хотя, конечно, я-то её ещё застал, когда она первое время здесь жила. Я же к тому моменту

уже в изнанке был, так что всех живых тут по факту знал, ха-ха!

Посиделки были в самом разгаре, когда всё вокруг резко изменилось. Свет в комнате не погас, а как-то неестественно, жутко потускнел, словно из лампочки высосали всю яркость. Сами лампы над головой надсадно, со свистом загудели. И тут же по потолку, прямо над ними, поползли жирные, чернильно-тёмные пятна.

Шура, у которой опыта в этих делах ещё не было, удивлённо захлопала глазами, не понимая, что за чертовщина творится. Но стоило ей повернуться к остальным, как слова застряли у неё в горле.

У всей старой троицы — у Сани, деда Матвея и Мадам — волосы встали дыбом на голове и на заднице. Этих паразитов давно не было, общага на время затихла, и банда уже успела подзабыть этот липкий ужас.

— Полундра, блин... — сиплым, сорвавшимся шёпотом выдавил Саня, мгновенно растеряв весь свой праздничный задор.

— Шура, ходу отсюда! Живо смывайся куда-нибудь! — рявкнул дед Матвей, подскакивая с места. — Назад сдавай, отходи от этих пятен подальше! Уходи и не мешай, всё равно отбить их не сможешь, опыта ноль!

А пятна на потолке тем временем становились всё объёмнее, словно из них в комнату вот-вот должно было вывалиться что-то живое и очень голодное.

Эти паразиты были совсем не теми мелкими и слабыми недотыкомками, от которых банда отбивалась в прошлый раз. Ту, первую шваль, удалось взять чисто на испуг, прикрикнуть да шугануть. С этими, разжиревшими в тёмных углах общаги, такой номер бы не прошёл. Против них требовались средства поядрёнее.

— На испуг их не взять, это вам не та мелочь! — крикнул дед Матвей, швыряя Шуру в самый дальний, условно безопасный угол. — Саня, Мадам, за вещи держись!

В ход пошло то единственное, что могло удержать и сокрушить матёрых тварей — простые, но самые важные предметы, которые когда-то накрепко связывали каждого из них с миром живых. Те самые личные «якоря», оставшиеся от прошлой, человеческой жизни.

Саня тут же мёртвой хваткой вцепился в свои вечные железки, которые до этого лениво крутил в руках. Его пальцы побелели от напряжения, а по металлу побежали злые, колющие искры посмертной энергии. Мадам резко подобралась, её взгляд мгновенно растерял всю напускную кокетливость, став ледяным и острым, как бритва — она потянулась к своей вещи. Даже дед Матвей как-то разом подобрался, готовый выставить против прущей из потолка черноты всю силу своего «якоря». Изголодавшиеся паразиты капали из чернильных пятен вниз, но старая банда уже была готова дать им полноценный, жёсткий отпор.

Мадам мгновенно сориентировалась в ситуации. Пока Саня и дед Матвей принимали на себя первый удар, отвлекая прущую с потолка черноту, она мёртвой хваткой вцепилась в локоть Шуры.

— За мной, быстро! — скомандовала она, резко дёрнув её на себя.

Шура, которая была чуть постарше Мадам, но совсем не имела опыта в таких делах, едва успевала перебирать ногами. Мадам действовала жёстко и решительно: она выволокла Шуру из комнаты, быстро захлопнула за ними дверь и вывела наружу, на лестничную

клетку подъезда, надеясь укрыть её подальше от эпицентра кучи-малы.

В это время внутри комнаты мужики вовсю раздавали тварям на орехи. Саня матерился сквозь зубы, круша чернильные сгустки искрами от своих железок, а дед Матвей наотмашь лупил прущую из потолка гниль силой своего «якоря». Паразиты лопались один за другим, комками разлетаясь по стенам, но радоваться победе было рано.

Матвей резко опустил кулаки и тяжело задышал, напряжённо оглядывая комнату. Саня тоже замер, опустив руки, и недоумённо нахмурился.

— Слышь, дед... — протянул Саня, сплёвывая посмертную копоть. — Тебе не кажется, что как-то подозрительно легко они от пиздюлей ложатся?

— Вот и я о том же думаю, — мрачно отозвался Матвей, вглядываясь в редеющие пятна на потолке. — Настоящие матёрые паразиты за каждый сантиметр изнанки зубами грызутся, их так просто хрен раскатаешь. А эти... они будто и не сопротивляются яростно, как всегда. Они лезут сюда кучкой, специально под наши удары подставляются. Нас просто отвлекают, братан.

Мадам быстро дотащила Шуру до выхода и буквально вытолкнула её наружу, во двор.

— Всё, дуй за стену, на улицу! — на ходу бросила она ошарашенной Шуре. — Паразиты сквозь стену во двор не пройдут, это не их территория. Сиди здесь, сейчас с мужиками закончим и позовём тебя!

Шура даже ответить ничего не успела, как Мадам уже развернулась и на всех парах помчалась по коридору обратно в общагу, на подмогу мужикам. Она верила, что на улице Шура в полной безопасности.

Мадам почти добежала до лестницы, когда прямо перед ней воздух неестественно сгустился. Она рванула на полной скорости, но споткнулась обо что-то невидимое и с маху полетела на пол. Тяжело дыша, она подняла голову, приподнимаясь на локтях, и замерла от ужаса.

Прямо перед ней посреди тёмного коридора сидел угольно-чёрный кот. Пока она поднималась, он не сводил с неё взгляда своих рубиновых, зловеще светящихся глаз, утробно шипел и хищно, смачно облизывался во всю пасть. Вдруг кот громко, протяжно мяукнул — и этот звук эхом покатился по углам.

Тут же за его спиной, прямо из жирной темноты, начали бесшумно вырастать огромные, уродливые силуэты церберов. Твари мгновенно, без единого рыка, взяли Мадам в плотное кольцо.

Она даже пикнуть не успела, как один из церберов мёртвой хваткой вцепился ей в ногу и резко уволок её назад, в черноту коридора. На всю общагру раздался тихий, задушенный женский крик — негромкий, но полный безысходного страха.

В эту же самую секунду внутри комнаты Саня и дед Матвей, замахнувшиеся для очередного удара, застыли на месте. Прущие с потолка паразиты прямо у них на глазах начали стремительно испаряться. Прошла пара мгновений — и они тупо исчезли в воздухе, словно их и не было вовсе. Исчезли сами твари, пропали чернильные пятна, даже вонючих следов копоты на стенах и потолке не осталось. В комнате воцарилась гробовая, зловещая тишина.

Саня и дед Матвей переглянулись в пустой, мгновенно затихшей комнате. Поняв, что паразитов здесь больше нет, они бросились наружу — искать девок, пока вся эта

чертовщина не обернулась чем-то совсем хреновым.

Матвей сразу сообразил, что Мадам скорее всего попыталась увести новенькую в безопасное место и вывела её на улицу, во двор. Мужики на полной скорости выскочили в подъезд, добежали до выхода и вывалились во двор.

Там у стены, озираясь по сторонам, стояла одна Шура. На ней лица не было от страха.

— Шура! — тяжело дыша, крикнул Саня, подбегая к ней. — А Мадам где? Куда она делась?

Шура недоумённо захлопала глазами, переводя взгляд с Сани на деда:

— В смысле? Она же к вам побежала! Вытолкнула меня сюда, сказала, что на улице безопасно, а сама развернулась и на полном ходу помчалась обратно в общагу, вам на подмогу...

Мужики замерли, и в наступившей тишине двора у Сани внутри всё похолодело. Назад в комнату Мадам так и не вернулась.

Саня и дед Матвей, не теряя ни секунды, бросились обратно в здание. Шура, несмотря на пережитый шок, упрямо двинулась следом — бросать Мадам никто не собирался.

Всю ночь напролёт они прочёсывали общагу. Мужики наизнанку выворачивались, проверяя каждый грёбанный угол: обшарили до последнего кирпича заваленный хламом подвал, поднялись на продуваемую крышу, прошлись по всем заброшенным комнатам и тёмным переходам — всё впустую. Мадам как сквозь землю провалилась, ни единого следа, ни зацепки. Только звенящая тишина пустых коридоров.

К утру измотанная, злая и в край задолбанная компашка поняла, что в стенах общаги ловить больше нечего. Сами мужики выйти наружу и перешагнуть порог не могли — проклятая привязка держала их в здании намертво.

Едва первые лучи солнца коснулись крыш, мужики приняли единственное возможное решение. Они снарядили Шуру на разведку, отправив её одну прочёсывать район вне стен общаги. План был простой, но нудный: ходить по изнанке улиц, дворов и закоулков, расспрашивать тамошних местных, кто из неприкаянных её видел, а кто нет. Искать хоть какие-то зацепки, не мелькало ли на районе чёрных церберов или того странного рубиногоглазого кота. Теперь вся надежда оставалась только на ноги и упорство Шуры. Разведка Шуры на районе принесла ровным счётом нулевой результат. Она вернулась в общагу ни с чем, уставшая и злая, и прямо с порога выложила мужикам: никто Мадам не видел, никаких чёрных тварей или рубиногоглазого кота на изнанке улиц не мелькало. На этом все зацепки оборвались.

С того жуткого дня пролетел целый месяц. Поиски так ничего и не дали. Во время своих вылазок Шура общалась с самыми разными призраками на районе, и некоторые из этих неприкаянных пожимали плечами и цинично заявляли, что Мадам, скорее всего, просто окончательно исчезла — растворилась в небытии навсегда, как со временем случается со многими духами. Но банда в этот бред не верила. Мужики слишком хорошо знали характер Мадам, чтобы поверить, будто она могла просто так взять и без следа растаять в воздухе.

Правда, делать было нечего. Чтобы окончательно не сойти с ума от бездействия и мрачных мыслей, Саня, дед Матвей и Шура решили пока просто приглядывать за студенткой Ляйсан, которая в мире живых осталась одна в 402-й комнате. Пока Мадам

отсутствовала и поиски продолжались, троица из изнанки начала потихоньку помогать девчонке, подстраховывая её по мелочи там, где это было нужно.

Сама же Шура иногда наводила разведку в этой 402-й комнате, проверяя обстановку. Но обстановка там сильно изменилась, причём не только на призрачной стороне. Из-за отсутствия хозяйки комната начала стремительно сдавать позиции и в мире живых. По недорогим риелторским обоям поползли мелкие, уродливые трещинки, а с потолка, прямо под крышей, начало подозрительно подтекать, оставляя грязные разводы.

Сама Ляйсан тоже отчётливо чувствовала эти перемены. Без невидимого контроля Мадам в четырёх стенах стало как-то по-особенному неуютно, сыро и зябко. Будто из комнаты вместе с её призрачной хозяйкой медленно, но верно уходило последнее живое тепло, оставляя девчонку один на один с наступающей могильной холодрыгой.

Женщина очнулась в полной темноте. Она чувствовала под собой поверхность старого дивана и сквозь плотный, липкий полумрак различала едва слышное, дребезжащее тиканье часов. Сил в теле не было вообще — оно казалось чужим и наотмашь отказывалось служить. Единственное, что хоть как-то подчинялось её воле, — это глаза, но и в них стояла лёгкая, раздражающая рябь, будто зрение подёрнулось мутной, сероватой плёнкой.

В воздухе завис густой, неподвижный слой застарелой пыли, которая, казалось, не оседала годами. Комната встретила её тяжёлым, спёртым запахом давно заброшенного, нежилого помещения. Дышать было нечем, в четырёх стенах стояла удушливая, давящая духота, от которой кружилась голова. Во рту царил полная, иссушающая засуха, словно она долгое время глотала раскалённый песок. И посреди всей этой мёртвой неподвижности женщина внезапно ощутила, как от неё самой, откуда-то из самой глубины замершего естества, исходит едва заметное, мягкое тепло. Сначала она даже не поняла, что это такое, и мысленно споткнулась об это ощущение — просто потому, что за столько лет посмертия это простое, естественное чувство живого тепла было ею уже напрочь забыто.

Когда глаза немного привыкли к темноте, она с ужасом осознала, где именно находится. Это место казалось странным, непонятным, но до тошноты, чересчур знакомым. Чуть придя в себя и преодолевая страшную слабость, она медленно повернула голову. В углу комнаты смутно темнел силуэт старого телевизора. Вглядевшись в глянец выключенного экрана, женщина смогла рассмотреть собственное отражение. Из темноты на неё смотрела бледная, едва заметная серость. С трудом сквозь рябь в глазах она разобрала, что её волосы были окрашены в блондинку, причём в некоторых местах краска уже давно выгорела и поблёкла.

Уши подключились к изучению мира с небольшим опозданием, и вскоре она услышала собственное тяжёлое, надсадное дыхание, а вместе с ним — неприятный, монотонный пищащий звук. Женщина с трудом повернулась на этот раздражающий источник шума. В той стороне ослепительно ярко горел зелёный экран. Поскольку её глаза уже успели привыкнуть к глубокой темноте, этот резкий свет буквально ослепил её, причиняя режущую боль. Из-за этой вспышки она никак не могла разглядеть чёткие очертания

прибора, который издавал этот писк и свечение.

Поспешно вернув голову назад, она оцепенела. На том самом месте, где мгновение назад в углу чётко угадывался силуэт телевизора, теперь стоял стул. На этом стуле сидела незнакомая женщина. Она хищно, зловеще улыбалась, глядя прямо на неё, а её глаза светились непонятным, пугающим светом. Это свечение странно напоминало что-то до боли знакомое из прошлой жизни — габаритные автомобильные фары, но только с приглушённым, зловеще-тусклым сиянием.

Женщина, сидящая на стуле, натянула фальшивую, приторно-милую улыбку и произнесла:

— Ну что, привет ещё раз, мой сытный ужин. Сейчас будем тебя есть по кусочку... Ещё очень много, сотни раз.

Женщина хлопнула в ладоши, и возле неё из ниоткуда появились два огромных, страшных цербера с горящими красными глазами и текущей слюной, похожей на вязкую чёрную смолу. После второго хлопка всю комнату ослепило резким, но лёгким серовато-синеватым свечением.

Женщина, сидящая на стуле, хищно прищурилась и добавила:

— Тебе знать, кто я, совершенно не обязательно, мой ужин.

После этого ослепительного хлопка глаза женщины, лежащей на диване, всё же смогли и успели выхватить из полумрака окружающую обстановку. Женщину, придавленную к дивану тяжёлым одеялом, накрыло настоящим животным ужасом.

Она узнала это место. Она была в своей собственной комнате в общежитии — той самой, которую покинула долгих двадцать лет тому назад. Ошарашенная, она дикими глазами обвела комнату, пока к ней потихоньку, крупница за крупницей, возвращалась память о том, как именно она здесь оказалась.

Женщина, сидящая на стуле, лениво махнула рукой одному из псов, приказывая подойти к дивану поближе. Огромный цербер бесшумно двинулся вперёд, остановился в шаге от неё и утробно зарычал, причём этот рык из глубины пасти почти переходил в мерзкое, влажное клочкотание.

А вот женщина, беспомощно лежащая на диване, никак не могла вспомнить своё имя и собрать разлетающиеся мысли в кучу — в голове всё ещё было пусто, она не понимала, кто она и как вообще здесь оказалась. Видя её дикий ужас и нарастающую панику, гостья на стуле довольно улыбнулась. Прямо на глазах её силуэт поплыл, и она мгновенно сменила облик на мужской.

Мужчина вальяжно откинулся назад и спросил:

— Ну что, ты вспомнила? Кто ты? И почему ты всё-таки не выполнила мою просьбу?

Женщина на диване, услышав этот вопрос, сперва даже не поняла его смысл. Но когда она пригляделась и сквозь пелену в глазах чётко увидела, КТО именно перед ней сидит, она со всей силы, до хруста в костях вжалась в матрас. Страшный пазл в башке наконец сошёлся: она смогла собрать мысли и вспомнить, кто она такая и где находится. Она находилась в самом жутком моменте своей жизни — на волоске от гибели, прямо в ту секунду, когда она заснула навсегда.

Мужчина обратно сменил облик на женский, и женщина игриво, издевательски улыбнулась.

— О, ты всё-таки вспомнила, — протянула она, и в её глазах снова зажглось это тусклое, пугающее свечение. — Это хорошо... Значит, будешь ещё вкуснее. Ты это пыталась вспомнить почти семь миллионов композиций назад. Но меня радует, что память к тебе вернулась. Ну что, наш ужин продолжается?

Женщина на стуле подалась вперёд, и её ухмылка стала совсем ехидной, сочащейся ядом:

— Я тебе до этого не говорила, почему я тебя забрала, но ты мой ужин. А всё потому, что ты сначала сама позвала смерть, потом трусливо от неё отказалась, а потом взяла и умерла. Хотя ты человеку пообещала, что с тобой ничего не случится! То есть ты соврала, да ещё и обещание нарушила. Как нехорошо... Именно поэтому ты и попала в мой рацион.

Она заметила, как на диване задёргались бледные губы, и предостерегающе подняла палец:

— Не, не, даже не пытайся. Я тебе вернула память только о той, твоей прошлой живой жизни, и о самом моменте, когда ты заснула навсегда. А вот всё то, что происходило с тобой после смерти, все эти годы — ты не помнишь и вспомнить не сможешь. Пока я сама этого не захочу.

То, что женщина на стуле постоянно, без остановки меняла свои обличья с женского на мужское и обратно, доводило лежащую на диване до тошноты и дикой ряби в глазах. Вместе с внешностью гостя постоянно меняла и голоса, которые то сливались в уродливое эхо, то переходили на рваный шёпот, из-за чего некоторые слова и фразы становились просто непонятны.

В один из таких моментов сущность снова перекинулась в мужской силуэт, ехидно склонив голову, и заговорила чужим, ломаным голосом:

— Почему ты здесь осталась, а? Ну и зачем ты была такая беспечная?

Эти бесконечные допросы, сменяющиеся маски и прыгающие звуки превращали каждую секунду в кокон в сплошное, изнурительное месиво, из которого не было выхода.

Женщина на стуле ещё какое-то время корчила милые рожицы, но потом это занятие ей окончательно надоело. Лицо её мгновенно стало холодным и равнодушным. Из ниоткуда она достала небольшую непонятную коробочку белого цвета и длинную тонкую иголку.

Шагнув к дивану, гостя грубо перехватила руку лежащей женщины и аккуратным, но точным движением проткнула ей палец. Надавив, она собрала выступившую каплю и приложила коробочку к чему-то совершенно невидимому в густой темноте комнаты.

Закончив свои манипуляции, она молча посидела пару секунд, тупо глядя в пустоту перед собой, а затем разочарованно протянула:

— Всего лишь единица... Ой, как жалко. Ты же была такая расчётливая.

Женщина на стуле вдруг дико, заливисто расхохоталась, отчего её силуэт снова уродливо смазался.

— Ты хоть сама понимаешь, что ты натворила, расчётливая моя? Ты ведь тогда прибила двоих! Ха-ха-ха! Себя-то ты уничтожила физически, а вот другого... другого ты уничтожила морально, просто растоптала по факту! Тело его осталось целым, но от того человека, кто с тобой всё это время был рядом, ничего не осталось. В итоге получился уже совсем другой человек. Тот самый, кто тебя саму потом пригвоздил к этому месту своей безумной

любовью-ненавистью. К этой самой общаге, потому что она была для тебя по-настоящему твоим родным домом, да?

— О, я вижу, ты вспоминаешь! — гостыя на стуле подалась вперёд, жадно вглядываясь в серое лицо на диване. — Даже слёзы побежали, надо же... Это радует. Ещё вкуснее будешь. Ну ты же правда, правда ведь могла всего один звонок сделать? Ну даже всего один, просто на всякий случай!

Она резко дёрнулась, и её силуэт снова поплыл, за долю секунды перекидываясь в мужской облик. Мужчина в упор посмотрел на неё и с глухой, давящей обидой договорил фразу:

— ...как я тебя просил.

Но не успела лежащая на диване даже глотнуть воздуха, как существо на стуле опять поменяло облик на женский. Сужая глаза, она вкрадчиво спросила:

— Так почему ты этого не сделала, а? Ну ты же не врачей же испугалась. Ну и точно не забыла.

— О, как пахнет хорошим ужином! Ты прямо так хорошо пахнешь страхом и отчаянием... Но ничего, ещё пару экспозиций, и я тебя доем. Ну так что ж ты молчишь-то? Такого шанса у тебя тогда и не было, а сейчас он у тебя есть — выговорить всё. Он ведь далеко не всем даётся.

Сущность на стуле притворно вздохнула, картинно приложив руку к груди, и её голос наполнился фальшивым, издевательским сочувствием:

— Я тогда, знаешь ли, просто немножечко не успела. Извини меня. Просто я... Просто я не знала, что ты вернёшься в свой настоящий дом, а не останешься там, где ты по-настоящему стала холодной. А тут случайно наткнулась на тебя. И главное где — там, где вообще не ждала! Я ведь изначально совсем за другим шла. А тут мои друзья-паразиты сказали, что ты там. Я такая: ну ничего себе, как в фильме «1+1», да? Ну, за кем я шла — того я уже съела. И мне этого оказалось очень мало. Так что ты у меня теперь как маленький десерт.

— Ну что ж ты молчишь? Ну скажи ты что-нибудь! Ты сейчас как египетская мумия, которую стащили из пирамиды и перепродали на раскраске, ха-ха!

— Ну не дуйся ты на меня, ну не обижайся! Ну ты чего лежишь с круглыми глазами, дуешься как рыба фугу? Ну ты же сама сказала за то время, что будет, не так ли?

Предчувствие предчувствием, а сама её позвала, а потом... а потом что? Ну не говори, что испугалась за человека! Ты его пыталась подготовить, только не получилось у тебя никак. И ты решила сделать всё молча, как обычно. И где мы теперь? А теперь мы здесь, и я здесь уплетаю тебя за обе щёки.

— Ха-ха-ха! Но всё-таки, если тебе за все эти экспозиции интересно, где же это мы с тобой находимся... мы находимся за две секунды до конца. Это я сейчас держу тебя, не даю тебе в сон соскользнуть. А как в сон улетишь — так сразу в общаге своей окажешься! Ой, да, забыла, половину памяти у тебя тоже же отшибло. Как меня это всё бесит! Чтобы поесть, мне нужно говорить, и чтобы ты говорила, понимаешь? Мне мало, когда ты молчишь. Скажи что-нибудь!

Пока женщина на стуле вела эту пустую беседу, лежащая на диване лихорадочно обшаривала пальцами пространство вокруг себя. Наконец рука наткнулась на тонкую

пластиковую трубку, которая оказалась ближе всего к ней. Аккуратно, стараясь не привлекать внимания сущности, она подтянула её к себе. Руки действовали чисто механически, без участия воспоминаний. Они сами, ведомые мышечной памятью, аккуратно вставили эту трубку в рот.

Женщина на диване так же по памяти сделала осторожный вдох, втягивая воздух из трубки. В ту же секунду по ней потекла густая кислятина со слегка сладковатым привкусом.

Женщина на стуле резко обернулась. Выражение её лица мгновенно перекосилось так, будто она разом съела целый ящик лимонов. Сущность яростно процедила сквозь зубы: — Это не по правилам! Ужин не должен думать! Выплюнь трубку изо рта!

Но женщина на диване даже не обращала внимания на её истошные выкрики. Она просто продолжала жадно пить эту смесь, чувствуя, как с каждым глотком стремительно возвращается в сознание.

Женщина, сидящая на стуле, рванулась вперёд, пытаясь подойти к дивану и силой вытащить трубку у неё изо рта. Но она просто не смогла сделать даже шага навстречу — её тело со всего размаху наткнулось на глухую невидимую стену. Тварь замерла на месте, а затем начала дико, утробно шипеть от ярости и бессилия, принимаясь со всей силы долбить в эту прозрачную преграду кулаками.

Пока тварь яростно долбила в невидимую стену, женщина, лежащая на диване, окончательно пришла в себя, насколько это вообще было возможно. На её бледном лице появилась ехидная усмешка, и она хрипло засмеялась:

— Слушай, ну ты бы могла мне ещё сочинить, что он начал всех убивать и ненавидеть, ха-ха-ха! Ну, я этого человека знаю, он, конечно, вредная фигня, но стойкая фигня, и делать так точно не будет. Конечно, дуется всё это время, но тут уже ничего не поделаешь. И в тот день тоже сперва скользнула — он меня вытащил, а потом мы просто оба испугались. Так что не надо мне тут разводить трагедию из моей жизни. Я, конечно, молчала, я, конечно, подозревала, что меня когда-нибудь на ужин позовут куда-нибудь... но явно не на поедание меня, конечно, ха-ха.

От этих хриплых слов женщина, бившаяся в невидимую стену, ошарашенно замерла и попятилась назад.

— Подожди... как ты помнишь? — пролепетала она, дико озираясь. — Я же тебе не дала память! Ты не должна ничего помнить!

— Да, конечно нет, не должна, — спокойно ответила женщина с дивана, крепче сжимая трубку губами. — Ну ты же мне сама всё напонила, не так ли?

— Ну, ты хотела, чтобы я с тобой поговорила? Так вот, пожалуйста, я с тобой говорю, как ты и просила, — продолжала женщина на диване, едва заметно пожимая плечами. — Конечно, я сейчас своего имени не помню, но сути-то это не меняет. Ну а как ты скажешь человеку, что всё, если уже сама это чувствуешь? Ну, в первый раз я не подумала, сказала я. А во второй раз... ну, insult схватил бы человека, скажи я ему это. Так что вот такая вот закавыка, тут выбирать не приходилось. Что обещание не сдержала — понимаю, но я ведь просто прилегла, и всё. И уже потом узнала об этом. Ну просто что уж здесь поделаешь, у любой вещи срок годности есть. И мой срок вышел.

— То, что я про это никому не говорила, кто со мной был после... просто это бы ничего не

изменило. Ошибки — это наши ошибки, в принципе, и пускай они остаются нашими ошибками. Не расходятся куда не надо. Я с ними существую, и он с ними проживёт. Ну, если он с ними живёт, значит, чему-то это его научило. И это хорошо.

От этих слов женщину, которая только что яростно долбила в невидимую стену, начало буквально плавить, а её силуэт стал уродливо размываться в воздухе. Огромные собаки, до этого покорно стоявшие рядом с диваном, со страхом попятились назад, поджимая хвосты и уже слегка, растерянно рыча.

Женщина с дивана, ехидно глядя на ту, что только что называла её ужином, спросила: — Ой, подруга, тебе не поплохело, а?

Она аккуратно встала с дивана, слегка покачиваясь от слабости.

— Ой, подружка, тебе подать ручку? Это и мне плохо, и тебе плохо... Ну иди сюда, обниму, ха-ха!

Она спокойно достала простую серебряную цепь из кармана своего халата. Существо, прикидывавшееся женщиной, в ужасе попятилось назад. А вот женщина, вставшая с дивана, просто швырнула в неё эту цепочку, хрипло бросив на прощание:

— В следующий раз, если ко мне придёшь, просто знай — не давай всё вспомнить сразу, ха-ха! Просто некоторые вещи не только сильные, когда их при жизни подарили... Они и после смерти хорошо работают. Если даже подарены после смерти существа.

Как только цепочка прикоснулась к твари, та мгновенно вспыхнула ядовитым, зелёным болотным цветом и с глухим шипением превратилась в серую пыль.

Собаки, оставшиеся после исчезновения существа, в ужасе прибились к стенке. Они буквально забились в угол, дрожа всем телом и не понимая, что их ждёт дальше.

Женщина просто подошла ближе, наклонилась и подобрала с пола цепочку. Спрятав её обратно в карман халата, она повернулась к забившимся псам и спокойно махнула им рукой:

— Нам с вами делить нечего. Так что, если хотите, уходите.

Церберы недоверчиво переглянулись, а затем синхронно повернулись в сторону двери. Дверь из комнаты сама собой медленно приоткрылась, являя глухую темноту коридора, и собаки, сорвавшись с места, пулей выбежали прочь.

Женщина ещё пару минут молча смотрела им вслед, а затем подошла к окну и распахнула створку, впуская внутрь прохладный ночной воздух. На подоконнике она внезапно заметила общую тетрадь. Сперва пометки на её страницах показались ей совершенно непонятными, какими-то чужими знаками, но уже через секунду в голове окончательно прояснилось. Женщина просто спокойно улыбнулась, взяла тетрадь и без сожаления порвала её в клочья.

Рядом, в густой тени, она отыскала ту самую маленькую белую коробочку, из-за которой тварь на стуле так разочарованно цыкала. Женщина поднесла её ближе к бледному свету, падавшему из окна. Это был самый обыкновенный глюкометр.

Она хмыкнула и просто выбросила прибор в открытое окно, не глядя, как он летит вниз.

— Ты мне больше не нужен.

— Ну всё-таки спасибо тебе, непонятно что... за то, что помогла наконец мне самой себя простить. А остальное — всё херня.

Женщина развернулась, уверенно подошла к выходу, открыла дверь из комнаты и

спокойно вышла наружу, растворяясь в темноте коридора.

Дверь комнаты 402 тихо скрипнула, и наша мадемуазель вернулась назад. Первым делом она увидела мирно спящую на своей кровати студентку. Глядя на неё, гостя тепло, едва заметно улыбнулась.

Но стоило ей оглядеться, как улыбка мигом сошла с её лица. Комната за три месяца её отсутствия знатно сдала позиции. По углам скопилась серая, тяжёлая сырость, недорогие обои покрылись свежей паутиной мелких трещин, а в воздухе завис спёртый, удушливый запах заброшенного жилья. Духота стояла невыносимая. Женщина подошла к окну, чтобы открыть створку пошире и впустить свежий ночной воздух, но едва её пальцы коснулись подоконника, она замерла. На пластике тускло светились настольные цифровые часы с календарём. Она машинально бросила на них взгляд, собираясь проверить время, и у неё в груди всё похолодело.

Июнь. Раскалённая летняя жара. Два часа ночи.

Глаза округлились, а дыхание перехватило. На дисплее чётко горела летняя дата.

— Твою ж мать... — вырвалось у неё шёпотом.

У неё-то по ощущениям прошёл от силы один час, пока она сидела там, на диване в коконе, и препиралась с этим монстром. Один паршивый час! А в реальности за окном давно стоял мартовский снег, отгремела весна и наступило лето. Она где-то пробыла целых три месяца.

Мадам тяжело вздохнула, пытаясь уложить этот бред в голове. Ладно. Главное, что вырвалась.

Она бесшумно подтянула от стола старый стул, присела на самый край напротив спящей Ляйсан и устало опустила голову на руки. Одиночество и злость на эту серую коробку общаги, копившиеся годами, вдруг зажали её в тиски. Мадам обвела тяжёлым, тёмным взглядом потрескавшиеся углы и глухо, с давящей обидой заговорила сама с собой, обращаясь напрямую к стенам:

— Я ведь тебя до сих пор ненавижу, слышишь? Каждым сантиметром своего призрачного тела ненавидела и ненавижу эту малосемейку. Все эти коридоры, вечную вонь, грохот... Но почему я сюда опять вернулась? Какого хрена меня притащило обратно именно к тебе? Я не знаю... Или это ты меня тогда, двадцать лет назад, обратно к себе позвала, когда я засыпала в той благоустроенной квартире? Ответь мне. Ну же!

Комната ответила ей лишь глухим, давящим общажным молчанием да тихим дребезжанием старых настенных часов. Никаких знаков. Только сырость по углам под её взглядом начала лениво, неохотно отступать, уступая место первому ночному теплу. Мадам горько ухмыльнулась, поднимаясь со стула. Повернувшись к спящей девушке, она аккуратно, стараясь не звенеть металлом, вложила ей в раскрытую ладонь ту самую серебряную цепочку, которую отобрала у твари.

— Я ведь точно такой же была... — тихо прошептала она, глядя на Ляйсан. — У тебя всё получится, девка, главное — постараться. Это тебе от меня, так сказать, напутствие за новую жизнь.

Она тихонько попятилась к выходу и бесшумно выскользнула в тёмный коридор общаги.

Надо же было такому случиться, что именно в этот момент в темноте коридора на неё случайно наткнулся Саня. Он лениво брёл мимо перил, уныло поигрывая своими железками, как вдруг в тусклом свете замигавшей лампы выросла она.

Глаза у Сани округлились до размеров чайных блюдечек, а челюсть буквально отвисла до пола. Секунду парень просто хватал ртом воздух, не веря собственным глазам и тупо тыча в неё пальцем, а в следующее мгновение заорал дурным голосом на весь этаж, поднимая на уши всю изнанку малосемейки:

— Эту скотину вернули! Народ, шухер, её вернули! Матвеич, Шура, бегом сюда!

Мадам лишь тихонько захихикала, прислонившись спиной к стене и наблюдая за его паникой. Уже через пару минут в коридоре поднялся знатный переполох. Дед Матвей примчался так, что его призрачные тапки чуть не загорелись, а Шура вылетела из угла, на ходу протирая глаза. Банда мгновенно взяла вернувшуюся Хозяйку в плотный оборот. На неё посыпался град вопросов, её начали шутливо мутузить, тормошить и наперебой допрашивать: где была, что было, зачем было и куда она вообще пропала на целых три месяца?

— Ты где, скотина эдакая, целых три месяца шлялась?! — дед Матвей в сердцах так шутливо звякнул своим призрачным гаечным ключом по перилам, что по коридору покатился глухой эхоподобный гул. — Мы тут весь район Сейфуллина на уши подняли, Шуру во все высотки засылали, а она выплывает как ни в чём не бывало!

— Мадам, ну ты капец даёшь! — Саня, уже немного придя в себя, угарно заржал, хватаясь за косяк и тормоша её за плечи. — Мы думали, тебя торгоши из преисподней в контракт закатали! Весь прикид изговняли, пока искали, а она светится, как новенький тенге!

Шура, стоявшая чуть позади, ехидно прищурилась, уткнув руки в бока:

— С лицами-то попроще станьте, деятели хреновы, — хохотнула она, подмигивая банде.

— Живая вернулась — и ладно. Но колись, подруга, где тебя три месяца носило?

Мадам лишь тихонько захихикала, прислонившись спиной к старой кирпичной стене коридора, и лениво поправила полы своего халата. Внутри её язвительного сердца всё ещё колыхался блаженный, чистый восторг от победы над тварью.

— Ладно вам орать на всю малосемейку, уши вянут, — хмыкнула она, обводя Троицу весёлым взглядом. — Пошли в пустующую комнату, пока наша студентка в четыреста второй десятый сон видит. Там и перетрём.

Когда соседи плотно забились в хату, закрыв за собой дверь, Мадам вальяжно опустилась в старое сломанное кресло и резко посерьёзнела. Напускное кокетство мигом слетело, а взгляд тёмных глаз стал тяжёлым и холодным.

— Никакие это были не налётчики, — глухо начала Мадам, разглядывая свои невидимые ногти. — Помните, Шура, я тебя тогда до выхода дотащила и буквально вытолкнула во двор, пообещав, что паразиты туда не пройдут? Так вот, я почти добежала до лестницы, как воздух передо мной неестественно сгустился. Я рванула на полной скорости, но споткнулась обо что-то невидимое и с маху полетела на пол. Поднимаю голову — а передо мной посреди тёмного коридора сидит угольно-чёрный кот. Смотрит рубиновыми

зловещими глазами, шипит и облизывается. А потом громко, протяжно мяукнул, и прямо за его спиной из жирной темноты выросли огромные уродливые силуэты церберов. Я даже пикнуть не успела, как один из них вцепился мне в ногу и резко уволок назад, в черноту.

Она тяжело вздохнула, и воздух в комнате заметно похолодел:

— А очнулась я уже в полной темноте на старом диване. И у меня в башке — абсолютная пустота, даже имени своего вспомнить не могла. Тварь на стуле сидела, рожи корчила, маски меняла и голоса ломала. Она мне вернула память только о той моей прошлой, живой жизни и о самом моменте, когда я заснула навсегда. И вот тут-то этот паразит по времени и координатам крупно, просто неестественно ошибся. Намудрил, сволочь, настолько сильно хотел меня сожрать, что замешал моменты и вернул вообще не туда! Мадам сделала паузу, обведя друзей ошарашенным взглядом:

— Вы же помните, я вам всегда говорила, что в этой общаге шестнадцать лет сижу? И все вы меня привыкли видеть брюнеткой, ведь когда я жила здесь, в четырёхста второй, это был мой родной цвет волос. Но когда я в том коконе повернула голову и взглянула на глянец выключенного экрана телевизора, из темноты на меня смотрела... бледная крашенная блондинка! Вот тут-то меня и торкнуло, у меня аж глаза на лоб полезли! Эта тварь вытащила кусок памяти из совсем других годов! Из того времени, когда я уже давно съехала отсюда, жила в благоустроенной квартире и красилась в блондинку. Паразит взял мою реальную смерть там, в квартире, — с этим упавшим в самую трубу сахаром, с критической гипогликемией, с белой коробочкой-глюкометром на единице... Взял то моё нарушенное обещание любимому человеку, когда я соврала, что просто прилегла отдохнуть, и не вызвала скорую... Я ведь тогда просто легла, просто уснула — и всё на этом. А очнулась уже здесь, в общаге, призраком. И помню только то, что последнее писала перед сном, а дальше — всё, темнота. А этот паразит взял весь этот мой квартирный кошмар, который со мной в реальности случился, и засунул его сюда, в стены старой общаги, где я когда-то ходила брюнеткой и знать не знала ни о каком падении сахара!

Мадам ехидно ухмыльнулась, глядя на притихших соседей:

— Вот в этот замешанный винегрет тварь на стуле меня и заперла, три месяца по кусочку жрала. Думала, я у неё десертником стану.

— И как же ты эту суку раскатала-то? — сиплым от напряжения шёпотом спросил Саня, подавшись вперёд.

— А руки-то помнят! — Мадам победно оскалилась, показав призрачные зубки. — Пока эта кошелка воздух ртом хлопала, я пальцами вокруг дивана пошарила и нащупала пластиковую трубку. Мышечная память сработала быстрее воспоминаний — я трубку в рот и давай жадно качать питательную смесь, глюкозу, чтобы эту чёртову единицу на приборе вверх набить, сахар поднять! Тварь аж перекосило, завывала, что ужин не должен приходить в себя и думать, начала в невидимую стену правил долбиться, да только хрен там! Я в себя окончательно пришла, выдала ей, что ошибки — это наши ошибки, пускай с ними и живёт, кто остался. А потом достала из халата нашу серебряную цепочку и швырнула в неё! Тварь ядовитым болотным зелёным цветом вспыхнула и в пыль рассыпалась! Церберы её хвосты поджали и в темноту коридора удрали. Так что я её

просто переиграла на её же поле.

Мадам откинулась на спинку кресла, и на её губах снова заиграла привычная ехидная ухмылка:

— Напоследок я тот глюкометр и тетрадку с пометками порвала и в окно выкинула.

Сказала: «Ты мне больше не нужен». Спасибо, конечно, этой херне на стуле — помогла мне самой себя простить.

Она на секунду замолчала, задумчиво прищурившись, а затем добавила уже тише, со своей привычной проницательностью:

— Но знаете, что я теперь думаю? Есть у меня мыслишки на этот счёт... Кот этот чёртов на лестнице и церберы караулили меня там совсем не случайно. Это ведь был специальный, спланированный подвох, ловушка. Тварь намеренно устроила этот сбой и мешанину, подсунув мне общагу вместо квартиры, чтобы зацепить за живое, окончательно дезориентировать и утащить в свой кокон. Хотела сыграть на моих былых тайнах и чувстве вины, да только подавилась. А остальное, народ, — всё херня! Наша студентка в четырёста второй под моим присмотром, порядок восстановлен, так что хрен мы кому теперь дадим тишину на этаже нарушить!

— Так, подожди, — Шура оторвалась от косяка и недоумённо пожала плечами. — А почему всё-таки общага, а не та квартира, раз ты в ней жила? Насколько я помню, проблемы с сахаром у тебя ещё здесь начались, в четырёста второй.

Мадам горько ухмыльнулась и качнула головой:

— Здесь они были не такие критические. В общаге мне ещё удавалось продержаться сахар в пределах нормы. Это уже потом, в квартире, он начал очень сильно скакать. А по поводу того, почему квартира, а не общага... Паразит не просто промазал, он конкретно просчитался. Общага никогда не была моим родным домом, мне сюда из-за определённых обстоятельств и тяжёлых моментов вообще пришлось съехать в своё время. Я её терпеть не могла. Но прожила я здесь по факту дольше всего, и прожила плотно. Поэтому так глупо и получилось с этой привязкой. Я сама долгое время не понимала и до сих пор гадаю, почему меня притащило именно сюда, к этому фундаменту, а не в ту благоустроенную квартиру. Видать, изнанка посмертия сама так криво распределила по часам прожитого времени.

Она ехидно, сочно рассмеялась, обведя соседей хитрым взглядом:

— И кстати, там во флаконе была не просто чистая глюкоза, а наша специальная смесь.

Мы, пока в отношениях были, целые эксперименты ставили, чтобы её нахимичить.

Лимонная кислота и сахар — мы искали состав, который и сахар нормально повышает, и в то же время не даёт ему улететь слишком сильно, чтобы можно было потушить сразу, как только его станет много. Так что мышечная память меня не подвела, я именно этот наш старый рецепт из трубки качала.

Дед Матвей ехидно прищурился и заговорщически подмигнул Сане:

— Ну нифига себе, экспериментаторы хреновы! И что у вас там ещё за опыты были, а?

Мадам сочно, заливисто рассмеялась, отчего её прозрачные плечи затряслись:

— Мой дружбан очень не любил эти мои утренние заклинания «воскресни, любимая», когда сахар уходил в полную задницу и меня приходилось по утрам вытаскивать. Ты не поверишь, Матвейч, он меня после этого ещё и зарядку делать заставлял! Так что много

чего интересного было. За меня он тогда конкретно взялся, не то что некоторые тут... Ладно, упоминать уже не буду, как говорится.

Она резко оборвала смех, и её лицо снова приняло серьёзное выражение:

— Но самое главное во всей этой истории — паразит-то чётко выслеживал именно те наши кошмары. Эта тварь на стуле сама мне проболталась, пока память ломала. Он ведь изначально вообще не за мной шёл. Говорил мне, что шёл за совершенно другим человеком, а в итоге нашёл меня и утащил к себе.

Дед Матвей тяжело вздохнул, поскрёб призрачную щетину и понимающе кивнул:

— Ну, теперь-то понятно, почему ты, когда только появилась здесь после смерти, всё молчала и ни в чём не сознавалась. С таким-то грузом на душе... Если бы меня вот так намертво пригвоздило к этой общаге из-за нарушенной клятвы, я бы, честно говоря, сам ни за что не сознался.

Мадам лишь глухо обронила в ответ, устало качнув головой:

— Да такое и объяснить-то было никак. Потому что начни рассказывать — и всё, пиши пропало, вся подноготная наружу вываливается.

Саня в своей олимпийке не удержался и угарно, сочно подколот:

— Ну, теперь-то понятно, почему ты у нас два дня зависшая была, когда мы тебя нашли! Проснулась в одном месте, оказалась вообще в другом, да ещё и совсем в другом агрегатном состоянии, ха-ха-ха! Не, ну у меня реально тоже такое было, когда я на лестничном пролёте умер, ха-ха-ха! Точнее, пролетел его весь до самого низа!

Шура в ответ на Санину шутку лишь закатила глаза и ехидно хмыкнула:

— О да, Санёк, ты прямо мастер юмора. Шутишь теперь чисто как патологоанатом, ха-ха! Мадам немного отсмеялась, утёрла призрачную слезу и, вернув лицу строгое выражение, перевела взгляд на друзей:

— Ладно, шутки шутками. А со студенткой-то нашей что, пока меня здесь три месяца не было? Как у неё дела вообще?

В ту же секунду Шура, Саня и дед Матвей переглянулись и синхронно, словно по команде, вытянулись перед её креслом по струнке. Саня даже приложил ладонь к козырьку воображаемой фуражки.

— Докладываем, товарищ Мадам! — бодро гаркнул дед Матвей, едва сдерживая улыбку.

— Домашка выполнена полностью, зачёты все до единого сданы, год закрыт на круглые пятёрки, чисто на отлично!

Мадам от такой внезапной строевой подготовки и армейского отчёта просто поломало напополам от смеха. Она схватилась за лацканы своего халата, запрокинула голову и сочно, заливисто похотала на всю комнату, вытирая выступившие слёзы.

Утро началось с того, что Ляйсан лениво разлепила глаза. Солнце уже вовсю по-хозяйски палило сквозь окно, заливая комнату ярким, золотистым светом. У неё начались каникулы, уезжать из Алма-Аты она никуда не собиралась, так что торопиться было абсолютно некуда.

Но едва сев на кровати, девка удивлённо принюхалась и огляделась — в комнате явственно и резко что-то изменилось. Пропала та давящая, удушливая пустота последних

месяцев. Грязные разводы от подтёков под потолком как-то сами собой исчезли, обои разгладились, а спёртый, сырой запах заброшенного жилья уступил место привычному аромату раскалённого летнего дня. В четыреста второй как будто сразу стало чуточку теплее и уютнее, словно сюда наконец-то вернулось что-то родное.

Потягиваясь, Ляйсан сонно зажмурилась, и тут в её башке всплыл странный, обрывочный ночной бред. Ей снилось, будто какая-то строгая тётенька силой вложила ей прямо в ладонь серебряную цепочку.

Девка сладко зевнула, посмотрела на свою руку и замерла, уставившись на ладонь всеми глазами.

На раскрытой ладони, поблёскивая в солнечных лучах, лежала настоящая, вполне себе осязаемая серебряная цепочка.

У Ляйсан внутри аж похолодело. Она тупо смотрела на металл, боясь пошевелиться.

— Чего?! Откуда она взялась? Это же просто сон был! — пробормотала она вслух, а потом, сопоставив внезапный уют в комнате с этой ювелиркой, облегчённо выдохнула: — А-а, понятно. Херня вернулась.

Мадам, которая как обычно уже сидела на своём законном посту в старом кресле в углу, от этой фразы просто поломало напополам от смеха. Скрестив ноги, она схватилась за живот и сочно, заливисто поохотала на всю комнату. Надо же, «херня вернулась»!

Настроение у Хозяйки было великолепным, да и выглядела она теперь совсем по-другому. Свой старый, вечный халат, в котором она всю зиму отпахала, Мадам наконец-то скинула. Она аккуратно, бережно повесила его на вешалку — строго на своей, призрачной стороне изнанки. Провела рукой по заношенной ткани и тихо, с лёгкой грустью шепнула:

— Ну всё, халат... Хватит с тебя, пора и в порядок себя привести за столько-то времени, и отдохнуть пока. Хоть мы с ним тебя оба и любили...

Теперь на ней было лёгкое летнее платье, сидевшее с каким-то особым, победным шиком. С возвращением домой, как говорится.

Мадам отсмеялась, поправила подол нового летнего платья и решила, что в такой шикарный денёк грех не погреться на солнышке. Скучать в четырёх стенах не хотелось, так что она привычно спустилась вниз, подхватила деда Матвея с Саньком, и вся компашка дружно вывалилась на подъездный козырёк.

Они только устроились поудобнее, как Мадам прищурилась и сверху, у самого края, заметила на дорожке того самого паразита — хвостатого засранца, который караулил её в кошмаре. Тварь опять крутилась возле общаги, вынюхивая и высматривая новую добычу. Внутри у Мадам аж всё заклокотало. На этот раз она долго думать не стала — сорвалась с места, как молния, и с яростным шипением понеслась прямо на него. Кот от такой загробной атаки дико взвизгнул, рванул прочь, но Мадам на чистом азарте летела следом, в упор не замечая ничего вокруг.

И тут случилось то, чего никто не ожидал. На полной скорости Мадам со свистом пролетела ту самую невидимую, глухую границу подъездного козырька, которая намертво держала её все эти годы! Она даже не заметила, как пробила эту стену, догнала паразита уже на тротуаре и отвесила ему такого сочного, весомого пинка под зад, что кот кубарем

покатился в кусты и припустил во все лопатки подальше от секции.

На козырьке наступила мёртвая тишина. Саня первый вылупил глаза, свесился вниз и истошно, на всю улицу, крикнул:

— Мадам! Слышь! Ты в курсе вообще, что ты из общаги выйти смогла?!

До Санька дошло первому, и он, не дожидаясь ответа, сориентировался на местности и давай дико, угарно ржать на весь район. Шутка ли — спустя шестнадцать лет стена рухнула!

Мадам от такого окрика замерла на месте. Она медленно повернулась лицом к подъезду, посмотрела на свои ноги, стоящие на асфальте за пределами фундамента, и её откровенно перекосило от полной, абсолютной неожиданности. Шаблон аннигилировался в секунду.

Мадам медленно, на негнущихся ногах двинулась обратно. Просочилась сквозь входную дверь в подъезд, постояла там пару секунд, тяжело переводя дух, а потом решительно развернулась и снова вышла на улицу. Чеканя шаг, она дошла ровно до того самого места на тротуаре, до кустов, куда только что с позором отогнала хвостатого паразита.

Стена не появилась. Воздух не сгустился, назад её не швырнуло.

Она не поверила. Развернулась, почти бегом заскочила обратно в подъезд, дотащилась до первой ступеньки лестницы и опять рванула наружу. Вискочила на асфальт, добежала до той же точки у кустов, замерла — дышится свободно, ноги стоят на тротуаре прочно.

В третий раз Мадам уже чисто напролом, как танк, зашла в подъезд и тут же пулей вылетела обратно, пролетев это расстояние до кустов в один миг. Сделала один шаг, второй, третий... Никакого сопротивления. Вся её былая привязка к фундаменту, державшая её мёртвой хваткой, просто испарилась.

Окончательно убедившись, что это не глюк, Мадам застыла на месте. До неё наконец дошло по факту: никаких границ вокруг этой чёртовой общаги для неё больше нет. Она теперь свободна как ветер.

— Я, кажется, поняла, почему это произошло. Похоже, всё дело в том, что я наконец-то отпустила ту прошлую жизнь. Или разорвала последнюю осязаемую связь — как тогда, с глюкометром и тетрадь. На сто процентов утверждать не берусь, это только моё предположение.

Она перевела пронизательный взгляд на Матвеича, а затем на Саньку, и ехидно, с лёгким вызовом прищурилась:

— Но если вы двое знаете, что конкретно держит вас в этой общаге и привязывает к фундаменту... Попробуйте разобраться. Я не знаю, получится ли, но попытаться точно стоит.

Дед Матвей с Саньком секунду тупо хлопали глазами, а потом Матвеич сорвался с места и пулей полетел обратно в секцию за Шурой. Выскочил в коридор, призрачным ключом по дверям гроыхает, орёт на весь этаж:

— Шурка, бросай всё, бегом на улицу! Там Мадам цирк устроила!

Через минуту на козырёк вылетела Шура, а за ней запыхавшийся дед. Сверху смотрят — а Мадам преспокойно стоит за пределами фундамента, на тротуаре, и носком туфли

камушки лениво пинает. Демонстрирует, так сказать, сверхъестественное наяву. Шура от такого зрелища прямо там, на козырьке, и присела. Обалдеть — это ещё мягко сказано. Глаза по полтиннику, рот приоткрыла, пару секунд воздух хватала, а потом кубарем скатилась по ступенькам подъезда вниз. Выскочила на асфальт, медленно подошла к Мадам, потрогала её за плечо, проверяя, не привиделось ли.

— У тебя правда получилось?.. — тихо, в полном шоке выдохнула Шура.

— Сама в шоке, подруга, — ехидно ухмыльнулась Мадам, хотя в глазах у неё всё ещё читалось искреннее удивление. — Сама не знаю, как так вышло. Шестнадцать лет, как ни крути, здесь в привязке просидела, к этой общаге намертво приколоченная была, каждый кирпич спиной чувствовала. А тут — раз, и пошла.

Шура со всей силы, до хруста призрачных рёбер, налетела и обняла её, поздравляя от души. Но, отстранившись, мигом вернула своё привычное строгое выражение лица и предостерегающе подняла палец:

— Но ты мне это... Далеко-то от общаги пока не уходи, поняла? Покамись тут крутись, в пределах видимости. Фиг его знает, как оно сработает дальше. Это мне тогда в первый раз чисто на удачу повезло немного пройти, и то вернулась обратно такая, будто по мне товарняк проехал! Так что не рискуй резко.

Мадам от этой шуринской подколки сочно, заливисто рассмеялась на весь двор:

— Ой, Шурка, умеешь ты романтику обломать! Ладно, далеко не пойду, буду пока местный асфальт осваивать.

Мадам ехидно прищурилась, глядя на Саньку, который уже вовсю строил планы и воодушевленно потирал ладони.

— Слышь, Саня, облом твоим шопинг-турам! — сочно хохотнула она, уперев руки в бока.

— Ты вон тогда пытался Шуру припрячь, чтобы она за покупками моталась, а теперь на меня губу раскатал? Не выйдет, дорогой! Я сразу отказываюсь гонцом с золотыми пятками по магазинам бегать, даже не надеюсь. Так что зря ты тут ходил и предлагал эту тему. А насчет того твоего рацпредложения... Помните, народ, тему про ходячего почтальона Печкина, который будет письма носить для запертых призраков? Так вот, Мадам тут еще очень крепко подумает, стоит ли за это браться. Надо же проследить, чтобы тут двое наших холопов в заперти не взбунтовали, ха-ха-ха!

Саня от такого захода аж подавился воздухом и смешно захлопал ртом, мгновенно растеряв весь свой деловой запал.

— Ну ладно, — Мадам уже спокойнее перевела взгляд на Шуру и лениво поправила подол летнего платья. — Так и быть, послушаю тебя, Шурочка. Далеко пока от секции отходить не буду, покручусь на виду, фиг его знает, как оно с непривычки обернется.

Но тут же в её тёмных глазах снова зажглись ехидные искорки. Она сделала шаг к подруге, заговорщически подмигнула ей и громко, с угарным подколом докопалась:

— Кстати, Шур! Раз уж я теперь выездная... А ну колись, где там твоя баба Катя живет со своими фирменными пирожками, а? Давай колись, адрес выдавай, ха-ха-ха!

Мадам вальяжно сидела в своем любимом кресле в углу четыреста второй комнаты, лениво рассматривая ногти. Погода за окном шептала, летнее солнце вовсю заливало подоконник, и Хозяйке до безумия надоело тухнуть в четырех стенах. Прошла примерно неделька после того, как невидимые границы фундамента окончательно лопнули, и осознание того, что её здесь больше ничего намертво не держит, приятно грело душу. Она повернула голову к Шуре, которая пристроилась на краю кровати, и ехидно прищурилась:

— Слушай, Шурок... Хватит тут сидеть и ресницами хлопать. Настроение у меня сегодня гулятельное. Пошли на улицу, проветримся.

Шура удивленно приподняла брови, переведя взгляд на Мадам:

— В смысле проветримся? Я же тебе говорила далеко не ходить, пока физику процесса не проверим. Страшно же, фиг знает, как изнанка посмертия за углом сработает.

— Слушай, Шурок... — Мадам пренебрежительно махнула рукой, поднимаясь с кресла и победно приводя в порядок свою прическу к выходу. — От одной общаги до второй я уже находилась, спасибо, сыта по горло! Надоело тут тухнуть. Моей душе масштаба хочется! А вот для этого ты мне и нужна, подруга. Пойдешь со мной в качестве официального эвакуатора. Ты у нас девка свежая, выездная, город знаешь. Если почувствую, что меня начнет куда-то утягивать, растворять или хмарь общажная назад за шкуру потянет — хватай меня мертвой хваткой и тащи обратно к нашему фундаменту. Поняла схему? Шура оценила масштаб задумки, ехидно улыбнулась и поднялась вслед за ней:

— Ну, раз в качестве эвакуатора — тогда ладно, подстрахую, куда я денусь. Пошли, покажешь, на что твои золотые пятки способны.

Они не торопясь спустились по старой общажной лестнице. Возле почтовых ящиков традиционно сквозняком шуршал Саня, а дед Матвей грел кости у окна фойе. Заметив, что Мадам с Шурой целеустремленно чеканят шаг прямо к выходным дверям, мужики синхронно зависли. Саня аж олимпийку за лацканы перехватил, а дед Матвей понимающе угукнул в усы, провожая их долгим, заговорщическим взглядом.

Мадам решительно толкнула хлипкую дверь и вышла на крыльцо. Раскаленный, сухой воздух летнего зноя мгновенно обжег лицо тяжелой волной. Привычный пятак перед корпусами и торец соседней общаги они миновали на расслабоне — эта домашняя зона давно была обхожена вдоль и поперек.

Настоящий экстрим начался, когда Мадам дошла до края родного участка, аккуратно выставила ногу вперед, перешагивая невидимый рубеж, и наступила на асфальт чужого, городского квартала. Она замерла. Никакого сопротивления. Воздух не сгустился, назад её не швырнуло. Вся её былая привязка к общаге просто испарилась.

— Ну что, эвакуатор, работает схема-то! — Мадам победно обернулась к Шуре, и на её губах заиграла привычная язвительная ухмылка. — Пошли углубляться во дворы.

Посмотрим, что эти бизнесмены хреновы тут за шестнадцать лет наворотили.

Они медленно двинулись в глубь старых алматинских дворов, прочь от родной секции. Технологией Мадам удивить было трудно — за годы соседства со студентами она на светящиеся айфоны, Kасpi-платежи и коробки курьеров насмотрелась до тошноты. Одно дело — разглядывать панораму с крыши, и совсем другое — столкнуться с этим масштабом вблизи, на земле. Когда над головой поплыли сами дворы, Хозяйка изнанки

испытала настоящий пространственный шок. Мозг окончательно сломался от того, насколько печально перевернулось сам город, превратив его в невыносимую каменную сковородку.

Мадам всю жизнь помнила эти кварталы зелеными, просторными и насквозь продуваемыми свежим горным воздухом, который даже в самый лютый летний зной приносил ночную прохладу. Теперь же дворы превратились в глухой, удушливый бетонный лабиринт. Старые пятиэтажки стояли зажатые в кольцо гигантскими, аляповатыми челоуеиниками, которые выросли на каждом свободном пятачке земли. Новостройки стояли настолько плотно, окна в окна, что казалось, живые могут здороваться с соседями из дома напротив, не выходя из комнаты.

Мадам замерла посреди детской площадки, задрала голову вверх. Летнее пекло давило сверху, асфальт буквально плавился под ногами, а раскаленный гранит новостроек возвращал это тепло тройной силой. С крыши общаги эти гигантские ЖК казались просто уродливой панорамой где-то вдали, но здесь, снизу, эти стены буквально расплющивали пространство. Она тщетно пыталась отыскать привычный, величественный силуэт гор, но вместо заснеженных вершин упиралась взглядом в бесконечные стеклянные высоты, утопающие в густой серой хмари смога.

— Твою ж мать... — вырвалось у неё шёпотом, а взгляд темных глаз стал тяжелым и холодным. — Это что за заборы до самого неба они тут нагородили? Город просто в коробку пластиковую зажали! Из-за этих высоток весь воздух с гор перекрыли наглухо. Раньше хоть какая-то прохлада спускалась, а тут же дышать буквально нечем, духота удушливая стоит, как в крематории! Где палисадники наши? Где вековые тополя, карагачи, которые тень давали? Сплошной гранит и плитка дешёвая вокруг, аж смотреть тошно. — Ой, подруга, это ты еще до проспектов не дошла, — Шура сочувственно вздохнула, обмахиваясь призрачной ладонью от этого невыносимого зноя. — Город разросся так, что старые районы вообще не узнать. Вместо зеленых скверов теперь кругом парковки да коммерческие коробки. Землю по кусочку выгрызали, шкурный интерес у людей. В такое пекло тут живые вообще как плавленный сырок ходят.

Они прошли еще пару кварталов, просачиваясь сквозь чужие дворовые заборчики. Пространство вокруг давило круглосуточным, тяжелым гулом машин и пышущим от дорог жаром, который пробивался даже сюда, вглубь некогда тихой жилой зоны. Город стал огромным, суетливым, агрессивным и совершенно чужим. Логика Мадам просто трещала по швам от осознания, как быстро, тупо и беспощадно уничтожили тот самый прохладный, интеллигентный алматинский вайб, который она хранила в своей памяти с две тысячи десятого года.

— М-да, Шурок... — Мадам горько ухмыльнулась, оборачиваясь к напарнице. — Проснулась в одном месте, а вышла вообще в другой мир. Масштабы, конечно, они бахнули знатные, только душу и прохладу из Алма-Аты напрочь вытряхнули. Сплошной раскаленный каменный мешок получился.

Однако боевого задора и былой спеси Мадам хватило ровно еще на два соседних двора. Стоило им просочиться сквозь очередную аляповатую металлическую калитку с кодовым замком и выйти на открытый участок, как Хозяюку накрыло окончательно. Ноги, которые шестнадцать лет знали только каноничный орднунг родного паркета, начали предательски

подкашиваться. Призрачное тело, непривычное к дальним дистанциям, начало стремительно терять плотность. Чужая, тяжелая энергетика огромного мегаполиса с его миллионным каспи-шумом и глухим бетоном буквально глушила её родные общажные частоты, выпивая силы до капли.

Мадам резко остановилась у облезлой скамейки, ухватила рукой за спинку и тяжело, шумно выдохнула. Её летнее платье слегка колыхалось от идущего снизу жара, а лицо из бледного стало каким-то сероватым.

Шура, шедшая на полшага позади в качестве официального подстраховщика, мгновенно оценила ситуацию. Она ехидно прищурилась, но тут же подошла вплотную, готовая в любую секунду сработать на перехват:

— Ну что, Хозяйка? Кажется, золотые пятки-то наши малость припухли? Весь бензин на человеки потратила?

— Ой, замолчи, Шурок... — глухо, со своим тяжелым немецким акцентом процедила Мадам, тщетно пытаясь вернуть на лицо привычную язвительную маску. — Мой призрачный вес сейчас будто в тонну превратился. Этот проклятый город... он меня просто выпил за эти полчаса. Воздуха нет, кругом один бетон раскаленный, майн готт! Земля под ногами плывет, как плавленый сырок.

— Ладно-ладно, не бухти, — Шура по-хозяйски перехватила Мадам под локоть, беря её на буксир. — Я же говорила — я твой официальный эвакуатор на сегодня. Держись крепче, потащили твою царскую тушку обратно под вентилятор, пока тебя тут посреди чужого двора окончательно на хмарь не распидорасило.

Мадам даже спорить не стала, что само по себе было историческим событием. Опираясь на крепкую руку напарницы, она медленно, шаркая туфлями по плавающему тротуару, двинулась в обратную сторону. Весь её победный марш превратился в бесславную, но дико угарную эвакуацию.

Шура аккуратно, с усилием довела Мадам до первой ступеньки общажной лестницы, специально, с хитрым умыслом усадила её прямо на деревянный настил, хитро подмигнула и тихо шепнула: «Посиди пять минут». Хозяйка изнанки сидела бледная, навалившись спиной на перила, и всем своим видом выражала тотальный финал своего первого грандиозного выхода в город.

Саня и дед Матвей все еще дежурили на своих стратегических позициях у окон. Заметив, в каком потрепанном виде возвращается гроза четвертого этажа, Саня аж олимпийку за лацканы дернул, с трудом сдерживая гомерический хохот:

— Опа... Матвеич, глянь! Нашу Мадам-то надолго не хватило! Экскурсия по ходу подошла к концу, ха-ха!

Дед Матвей понимающе угукнул в усы, качая головой и ехидно прищурившись:

— Ну что, девки, как там изнанка мегаполиса? Все палисадники проверили или все-таки вы устали, Хозяйка? Как говорится, ха-ха!

Мадам от такой наглости медленно подняла тяжелую голову. В её тёмных глазах на секунду мелькнула былая ярость, но сил, чтобы выдать фирменное немецкое ругательство, банально не хватало. Она лишь глухо процедила сквозь зубы со своим тяжелым заgrabным акцентом:

— Ах ты... змея подколодная, деятель хренов. Ну погоди у меня, Санёк... Только попроси у

меня снега зимой! Хрен ты теперь хоть одну конфету из четыреста шестой получишь, будешь у меня по углам сухой пылью шуршать!

Мужики на первом этаже дружно заржали, оценив такую лютую ответочку. Мадам сердито отвернулась, уставившись на облупившуюся краску на стене. Шура сделала шаг назад, демонстративно отряхнула ладони и, уткнув руки в бока, угарно хохотнула:

— Официально заявляю: эвакуация на ступеньках закончена! Я подписывалась только дотащить твою царскую тушку до общаги, контракт выполнен в полном объеме. Так что дальше давай сама, по-пластунски до четвертого этажа, ха-ха!

И ровно в этот момент, пока они сидели на ступеньках, призрачная физика процесса выдала тот самый ожидаемый финт.

По коридору первого этажа пополз едва заметный, прохладный сквозняк. Мадам резко замерла, прислушиваясь к внутренним ощущениям. Где-то в самой глубине её призрачного естества, прямо у фундамента старой малосемейки, будто щелкнул какой-то невидимый тумблер. Пространство вокруг нее мягко завибрировало, и Мадам отчетливо почувствовала, как её тело на глазах начинает стремительно наливаться плотностью и хтонической силой.

Это была самая настоящая загробная зарядка. Энергия родной общаги, к которой она привыкала целых шестнадцать лет, мощным потоком хлынула обратно, мигом вымывая всю дорожную усталость и слабость от раскаленного городского смога.

Буквально за минуту Мадам полностью пришла в себя. Лицо мгновенно приобрело каноничный, строгий вид, серость ушла, а по телу разлилась блаженная, чистая мощь Хозяйки. Ей стало настолько легко и просто, будто она и не нарезала только что круги по плавящемуся асфальту. Шаблон слабости аннигилировался в один миг.

Мадам вальяжно, легким и грациозным движением поднялась со ступеньки, расправила подол летнего платья и победно оскалилась, продемонстрировав банде свои острые призрачные зубки. Взгляд её тёмных глаз снова стал тяжелым, уверенным и полным язвительного превосходства.

Шура, стоявшая рядом, ни капли не удивилась. Она лишь угарно, сочно хмыкнула, скрестив руки на груди, и ехидно выдала ей прямо в лицо:

— Ну и кто у нас тут теперь змея подколотная, а, Мадам? Я же говорю — посиди пять минут, и всё само пройдет. Пользуйся моментом, пока батарейка полная!

Мадам гордо вздернула подбородок, чеканя шаг, легко взлетела по лестнице на пару пролетов вверх и громогласно, сочным басом выдала на всю общагу, оставляя последнее слово за собой:

— Ладно, бездельники, сидите тут дальше, уши грейте! А Мадам пошла в свои законные владения. Четыреста вторая комната сама себя в орднунг не приведет!

Шура, убедившись, что Мадам скрылась на своем этаже, повернулась к Сане и деду Матвею. Она хитро прищурилась, подошла поближе к их стратегическому посту у окна и, оперевшись плечом о косяк, заговорщически понизила голос:

— Слушайте, мужики... У нашей Мадам сегодня, считай, историческое событие. Первый выход в свет за шестнадцать лет, пусть и бесславный. Я вот что подумала. Вы тут традиционно отмечаете её этот... день смерти, ну, своеобразный день рождения в кавычках. А давайте сегодня устроим ей нормальный праздник? Настоящий день

рождения бахнем? Она же его никогда не празднует, вечно сычом в своей четыреста второй сидит. Хочу немного поменять наши унылые общажные традиции, если вы, конечно, согласны. А то для нее этот выход за забор — реально достижение века. Мужики от такого предложения на пару секунд зависли. Саня переглянулся с дедом Матвеем, почесал затылок, обдумывая идею, и наконец согласно кивнул:

— А что, в принципе, дело говоришь. Давай, почему бы и нет? Пусть у Мадам хоть какая-то радость в жизни будет, а то только орднунг свой наводит целыми днями. И когда планируем это шоу?

— Да прямо сегодня и сделаем, чего откладывать, пока она там в себя приходит, — улыбнулась Шура.

Саня заинтересованно подался вперед, поправляя лацканы олимпийки:

— Ладно, а как именно ты хочешь традицию поменять, Шурок? В чем приколы-то будут?

— Отмечать будем почти как твое день рождения, Саня, — ехидно подмигнула Шура. —

Только с одним маленьким «но». Нам с вами, мужики, кровь из носу нужно найти одну вещь. Побегайте по секциям, поищите нормальную свечку. Ну и спички обязательно.

Дед Матвей, который до этого молча слушал Шуру, понимающе угукнул в усы и с легкой усмешкой выдал:

— Свечку — это ладно, найдем. А почему именно спички-то, Шура? Чем тебе зажигалка обычная не угодила? Сейчас у каждого первого студента в кармане колесико чиркает.

Шура угарно хохотнула, представив будущую картину, и развела руками:

— Дед, ну ты включи логику! Зажигалка — это слишком просто. А со спичками будет полное ощущение, что Мадам всё сделала сама. Ну, типа, как в старые добрые времена — сама коробком чиркнула, сама свечку зажгла, ха-ха-ха!

Ближе к вечеру, когда раскаленный алматинский зной за окнами малосемейки наконец-то сменился относительной прохладой, Мадам вальяжно отдыхала в четыреста второй комнате. Она уже полностью восстановила силы после дневного приключения, заняла свое законное кресло и лениво потягивала воображаемый кофе в полнейшей тишине.

Идиллию бесцеремонно нарушил громкий стук. Дверь резко распахнулась, и в комнату влетела Шура с абсолютно круглыми от удивленного паники глазами. Она подскочила к креслу Хозяйки, тяжело дыша, и затормозила прямо перед ней:

— Мадам, бросай свой кофе, там ЧП! Санёк совсем страх потерял — решил из моей комнаты в соседнюю квартиру сквозь стену просочиться, да так в ней и остался! Короче, застрял задом в моей квартире, а все остальные части туловища — уже на той стороне, в чужой хате! Торчит посреди стены ни туда ни сюда, у меня плотности не хватает его выдернуть!

Мадам от такого известия даже чашку призрачную за секунду аннигилировала. Она медленно подняла взгляд, картинно округлила темные глаза и предательски поползла вверх бровью, виртуозно врубая свой любимый образ строгой Хозяйки изнанки.

— Никогда такого не было, и вот опять! — глухо, со своим фирменным шуточным немецким акцентом процедила Мадам, поднимаясь с кресла. — Что за херня... В стене он застрял, задом наружу, деятель хренов! Ну-ка пошли посмотрю, поржём хоть. Мне аж самой интересно стало, как его там раскорячило!

Мадам решительно зашагала вслед за напарницей, мысленно предвкушая, как сейчас устроит Сане самый веселый и угарный разнос за порчу общажного имущества.

Они вышли в коридор и завернули к Шуре. В комнате царил привычный для их призрачной реальности полумрак — свет здесь никто не включал, да он им, по сути, и не был нужен. Мадам уверенно толкнула дверь, шагнула через порог, готовая вовсю стегать торчащую из стены олимпийку... и замерла как вкопанная. Вся её наигранная строгость моментально испарилась, а челюсть буквально упала на пол.

Никакого застрявшего Сани в стене не было. Зато в глубине комнаты негромко и ненавязчиво играла какая-то легкая, приятная музыка. Посреди помещения стоял аккуратно накрытый стол, ломящийся от призрачных ништяков в лучших традициях общажного фуршета — там виселись горы «отжатых» конфет из четыреста шестой комнаты и куча фантомных угощений. А за столом, абсолютно целые, невредимые и дико довольные, сидели Саня и дед Матвей. Стоило Мадам войти, как мужики синхронно улыбнулись и начали дружно, вовсю хлопать в ладоши.

Мадам полностью потеряла дар речи. Она переводила обалдевший взгляд с накрытого стола на хлопающих мужиков, лупила на них глаза вовсю и наконец, кое-как справившись со ступором, выдала уже своим нормальным, растерянным голосом:

— Что... Что за праздник? Так... а где застрявший Саня?

Саня от такого вопроса аж хлопать перестал. Он на секунду завис, смешно почесал затылок, запутавшись в показаниях своей же секретной легенды, и растерянно выдал:

— Так, подожди... Где я застрял?

Шура за его спиной не выдержала и громко прыснула со смеху, утыкаясь лицом в ладонь. Саня понял, что эпично спалился в первую же секунду, махнул рукой и угарно хохотнул:

— Да это я Шуре сказал, типа, так тебе передать, чтобы ты сюда пришла! Ха-ха! Конспираторы из нас, конечно, хреновы.

Мадам всё еще стояла на пороге, чувствуя, как у неё окончательно аннигилируются все шаблоны. На её лице отразилась целая гамма эмоций — от искреннего шока до теплой улыбки, которую она пыталась скрыть за привычным язвительным прищуром.

— Какой еще день рождения? — буркнула она, скрестив руки на груди. — Я же его никогда не праздную, вечно вы со своими унылыми традициями лезете. Да и дата моего... упокоения еще не скоро.

В этот момент дед Матвей медленно поднялся из-за стола. Он понимающе, по-доброму угукнул в свои пышные усы, подошел к Мадам вплотную и аккуратно положил свою тяжелую призрачную ладонь ей на плечо. Ехидный блеск из его глаз исчез, уступив место какой-то глубокой, вековой мудрости.

— Да забудь ты эту старую дату, Хозяйка, — тихо, но твердо произнес дед Матвей, хитро прищурившись. — Забудь и больше никогда не вспоминай. То день смерти был, чего там праздновать-то? А мы сегодня твою новую дату отмечаем. День, когда ты за забор вышла и этот раскаленный мегаполис на прочность проверила. Так что с новым днем рождения тебя, Мадам! Только тебя и ждём, присаживайся за стол.

Шура с улыбкой сделала шаг вперед. В руках она бережно держала ту самую нормальную, дефицитную свечку, а поверх нее аккуратно лежал настоящий, слегка потрепанный коробок спичек. Она протянула этот праздничный набор Мадам, хитро подмигнув:

— Мы эти унылые традиции поменяли не просто так, подруга. Ты сегодня совершила невозможное — вышла за забор и сама с собой справилась, перешагнув старые страхи. Так что давай, Хозяйка. Как в старые добрые времена. Сама коробком чиркни, сама свечку зажги, чтобы всё по орднунгу было.

Мадам посмотрела на коробок, и на её губах заиграла привычная язвительная ухмылка. Она вальяжно взяла свечку в руку — после дневной зарядки от фундамента призрачной плотности вполне хватало, чтобы уверенно держать физический предмет. Пальцы уверенно легли на шершавый картон. Мадам вытащила одну спичку, картинно прищурилась, готовясь выдать красивый перформанс перед своей бандой, и резко чиркнула о коричневую полосу.

Ничего не произошло. Серная головка просто глухо проскользила по коробку.

Мадам слегка нахмурилась, решив, что дело в плотности нажатия. Она перехватила спичку поудобнее, сконцентрировалась и чиркнула второй раз, уже сильнее. Результат оказался нулевым — даже искры не появилось. Саня и дед Матвей подались вперед, внимательно вглядываясь в её руки. Напряжение в комнате росло.

На третий раз Мадам вложила всю свою хтоническую силу, которую только что впитала на ступеньках, и с силой полоснула спичкой по коробку. Деревянная палочка в её пальцах послушно двигалась, физика процесса была идеальной, но серная головка упорно

отказывалась вступать в реакцию с картоном. Спички просто не зажигались. Вообще никак. Будто законы термодинамики в её руках полностью аннулировались.

Шура, Саня и дед Матвей синхронно замерли, и их праздничные улыбки моментально сползли с лиц. Троица обалдело уставилась на Мадам, чувствуя, как весь их идеальный план и праздничная атмосфера начинают стремительно рушиться. Мужики растерянно переглянулись, Шура расстроено опустила руки, а в комнате повисла тяжелая, разочарованная тишина.

И в этой самой тишине, прямо возле уха Мадам, внезапно раздался спокойный, уверенный женский голос:

— Давай подсоблю.

Мадам даже вздрогнуть не успела. Незнакомка бесцеремонно перехватила её руку, полностью игнорируя зажатый в пальцах коробок, и плавно провела ладонью Мадам прямо поверх фитиля. В ту же секунду дефицитная свечка вспыхнула ярким, ровным пламенем, мгновенно разогнав полумрак комнаты.

Вся праздничная троица так и застыла с открытыми ртами, намертво обалдев от увиденного. Но смотрели они теперь не на свечку. Все взгляды были прикованы к женщине, которая только что буквально соткалась из воздуха в комнате Шуры.

Это была высокая, коренастая дама средних лет, выглядевшая на редкость монументально. Её абсолютно белые, как снег, волосы были аккуратно подстрижены под строгое каре, а необычный контрастный стиль платья резко выделял её на фоне всего привычного общажного антуража. От незнакомки веяло такой непостижимой, тяжелой силой, что на её фоне вся былая спесь Мадам моментально испарилась. Перед этой женщиной она казалась просто несмысленной мелочью.

Мадам медленно, испытывая чистый, первородный шок, повернула голову. Она смотрела на незваную гостью огромными, круглыми глазами, в которых застыл полнейший ступор — вся её наигранная строгость и шуточный немецкий акцент вылетели из головы в ту же секунду.

Беловолосая женщина лишь ехидно прищурилась, окинула взглядом застывшую компанию и весело подмигнула окончательно потерявшейся Мадам:

— А свечка-то от спички не зажглась по одной простой причине. Это ведь не только твой день рождения, но и ваш общий новый виток.

Беловолосая дама обвела взглядом застывшую компанию, плавно отпустила руку онемевшей Мадам и весело, открыто улыбнулась. Она окинула взором праздничный стол с конфетами, ни капли не смущаясь гробовой тишины, которая воцарилась в комнате Шуры.

— Вы не против, если я к вам на праздник зайду? Посидим, отпразднуем? — с легкой ехидцей в голосе поинтересовалась гостья.

Троица обалдело переглянулась, всё еще не в силах вымолвить ни слова от такого напора. Женщина тем временем спокойно подошла к свободному стулу, уверенно взяла его и с улыбкой добавила:

— Ой, да ладно вам, я же, считай, уже пришла. Сама зашла, сама стул беру. Просто, как говорится, со дня сотворения мира ничего по-настоящему интересного не праздновала, соскучилась уже! Ха-ха!

Беловолосая дама вальяжно устроилась на стуле и сделала легкий, едва заметный жест рукой прямо над столом. В ту же секунду общажные призрачные конфеты бесцеремонно подвинулись, а посреди скатерти со стуком и шорохом материализовались невиданные угощения. Здесь были сочные, лопающиеся от спелости диковинные фрукты, завернутые в плотные зеленые листья, и старинные глиняные пиалы, до краев наполненные крупными оливками и инжиром. Всё это выглядело невероятно свежим, идеальным и источало тонкий, манящий аромат.

Шура и Саня синхронно подались вперед, обалдело разглядывая это внезапное изобилие, а дед Матвей даже усы поправил, не понимая, откуда в их глухомани взялся такой деликатесный натюрморт.

— Ну вот, теперь можно и побеседовать, — довольно хмыкнула гостья, окинув взглядом их вытянувшиеся лица. — Я ведь, как видите, не с пустыми руками пришла. Угощайтесь, абсолютно всё в нормальном состоянии, свежак. Чистый четвертый век до нашей эры! Саня, который уже потянул было руку к сочному инжиру, резко замер на полпути и медленно отдернул пальцы назад. От одного только упоминания таких дат парень не на шутку перепугался, да и дед Матвей со страхом покосился на диковинную посуду. Праздничная атмосфера в комнате Шуры от этих слов на секунду начала стремительно покрываться плотной коркой самого настоящего ужаса — ребята шуток про древность явно не заценили.

Женщина уловила это резкое изменение, но ни капли не стала утяжелять обстановку или накидывать лишней жути. Наоборот, она весело ухмыльнулась, оценив эффект, и абсолютно буднично, по факту пояснила:

— Ну ладно вам, чего застыли? Если честно, зачем я вообще к вам припёрлась-то? Изначально, конечно, шла чисто из-за вашей именинницы. Но и за вас в том числе, чего уж там. Интересные вы оказались, однако! Вот я к вам, так сказать, и зашла. А тут у вас, оказывается, еще и повод такой отличный — ну и что бы, думаю, не заглянуть на огонек?

— Давайте без лишних церемоний, объясню, зачем я вообще сюда пришла. Представьте картину: сижу я, никого не трогаю, и тут передо мной является этот древний кусок гнева и смерти, весь в обиде и растерянности. Жалуется, что какая-то смертная в кавычках мало того что по шапке ему знатно надавала и пообедать собой не дала, так еще и полностью уничтожила!

Она усмехнулась, качнув головой, и продолжила уже более серьезно, раскрывая суть:

— Этот паразит ведь как действует: он ловит духа на чувстве вины, запирает в кокон за

две секунды до конца, полностью отшибает память и уничтожает по кусочку годами, пока от несчастного вообще ничего не останется. Из его капкана выходов нет — духи просто стираются из изнанки навсегда.

Беловолосая дама подалась вперед, внимательно взглянув на женщину в летнем платье: — А весь прикол в том, что ты не просто эту древнюю тварь переиграла на ее же поле. Главный фокус в другом. За счет того, что ты в коконе сама себя простить смогла и все его иллюзии порвала, ты умудрилась сделать то, чего я за столько лет здесь еще не видела — ты полностью отцепилась от своего якоря. С корнем его вырвала! От этого твоя мертвая привязка к общажному фундаменту, которая тебя столько лет тут держала, просто взяла и испарилась. Ты теперь свободна, а для меня это такое интересное зрелище и забавный казус, что я мимо вашей компании пройти просто не могла. Женщина в летнем платье после этих слов по-настоящему оцепенела, полностью лишившись своего привычного ехидства. Она сидела неподвижно, тупо уставившись в одну точку перед собой, и её пальцы судорожно, чисто механически принялись теревить легкую ткань подола.

В голове у неё прямо сейчас происходил мощнейший тектонический взрыв. Оказывается, тот угольно-черный хвостатый гад, от которого она отмахивалась в коконе как от назойливого общажного вредителя, был вовсе не рядовым паразитом. И в этой изнанке, помимо мелких присосок, существует нечто гораздо большее, древнее и страшное.

Она медленно подняла свои призрачные ладони, переводя на них ошарашенный взгляд, и у неё внутри всё похолодело от запоздалого осознания. До неё наконец дошло по факту, на каком волоске она только что висела все эти три месяца и какая чудовищная машина пыталась сожрать её по кусочкам.

Женщина шумно сглотнула, продолжая разглядывать свои дрожащие руки, которыми она так слепо и наугад качала старую смесь из пластиковой трубки. Внутри неё колыбался уже не победный восторг, а дикий, прошибающий до костей шок от мысли, как же ей, сука, повезло. Один неверный шаг, одна секундная слабость или заминка — и от неё не осталось бы даже серой пыли. На чистом везении и упрямстве переиграла того, перед кем пасовали вековые духи.

— Этот паразит, кстати, весьма породистый, — ехидно добавила беловолосая гостья, заметив её ошарашенный вид. — Он вообще появился еще со времен испанских завоеваний. Это дух индейцев, которые тогда гибли, когда Испанцы свои завоевания делали.

Она вальяжно закинула ногу на ногу и хмыкнула, забавляясь произведенным эффектом: — Про таких духов вообще много чего ходит. Их ведь на самом деле полно рождается — с каждой крупной войны, с каждой большой человеческой трагедии по всему миру они пачками лезут. Так что зверушка тебе попала с историей, а не просто какая-то мелкая местная присоска из подвала.

Беловолосая гостья ехидно поманила Шуру пальцем, подзывая её поближе к столу.

В ту же секунду прямо в воздухе перед ними соткались и мягко опустились на столешницу еще пару бутылок хорошего вина.

— Помоги-ка разлить, дорогуша, — с улыбкой попросила гостья, кивнув на материализовавшийся алкоголь. — А то у вашей компании, я вижу, после моих рассказов

совсем в горле пересохло. Пора бы уже и выпить нормально.

Беловолосая гостья ехидно поманила Шуру пальцем, подзывая её поближе к столу. В ту же секунду прямо в воздухе перед ними соткались и мягко опустились на деревянную столешницу еще две бутылки хорошего вина. Саня с дедом Матвеем синхронно вытянули шею от такого зрелища, а Шура на секунду замерла с протянутой рукой, переводя ошарашенный взгляд с появившегося из ниоткуда алкоголя на улыбающуюся гостью. Впрочем, Шура быстро сориентировалась, взяла первую бутылку и принялась аккуратно разливать вино по бокалам, стараясь не выказать своего волнения.

Заметив их вытянувшиеся лица и общую неловкость, дама вдруг звонко расхохоталась и всплеснула руками, качая головой. В её голосе вдруг отчетливо зазвучали странные, первобытные интонации, отдаленно похожие на треск сухого костра или шелест степного ветра.

— Ой, блин, ну надо же так оплошать! Я же вообще представиться забыла, сижу тут с вами, разговоры разговариваю, а элементарных вещей не сделала. Скримс. На вашем нынешнем человеческом языке это значит просто Крик. Вот так меня звали, и так можете ко мне обращаться, раз уж мы тут все за одним столом собрались.

Она вальяжно откинулась на спинку стула, закинула ногу на ногу и с интересом окинула взглядом всю притихшую компанию, остановив взор на нашей мадам, которая внимательно слушала гостью. Поняв, что все присутствующие ждут от неё продолжения, Скримс сделала небольшую паузу, давая им возможность переварить услышанное, а затем заговорила уже совершенно другим, более глубоким и весомым тоном, полностью раскрывая свои карты.

— Раз уж у нас сегодня такой особенный день, давайте я вам сразу поясню, кто я вообще такая на самом деле и какая у меня роль на этой изнанке. Вы ведь до этого момента наверняка думали, что я просто какая-то очередная авторитетная или очень сильная баба из мертвецов, которая тут случайно мимо проходила и решила права покачать. Но всё гораздо масштабнее, дорогие мои. Я — та самая сила, которая держит всю эту реальность, я веками по кусочкам сшивала эту изнанку и выстраивала те самые законы, по которым вы все здесь существуете, даже если вы об этом никогда не задумывались.

Шура застыла на месте, так и не опустив бутылку, а Саня с дедом Матвеем затаили дыхание, боясь упустить хоть одно слово из уст сидящей перед ними легенды. Скримс хитро улыбнулась, явно довольная произведенным эффектом, и продолжила свой рассказ от первого лица, неторопливо развивая мысль.

— При этом вы должны четко понимать одну важную вещь: я вовсе не была самой первой

умершей на этой земле, как многие могли бы сейчас подумать. Нет, до меня люди тоже гибли пачками, каменный век все-таки, там смертность была будь здоров. Вот только все они сразу же после кончины скатывались в безликую, глухую серость, лопались как мыльные пузыри или бесследно исчезали в пустоте, потому что удерживать себя не умели. Подсказать мне правила игры или как-то помочь здесь было абсолютно некому, я оказалась в полном одиночестве среди этого бескрайнего ничто. И я стала самой первой из всех умерших, у кого вообще хватило мозгов сориентироваться, включить соображалку, не сгинуть в первые же минуты и начать потихоньку подбивать эту мертвую реальность под себя, подчиняя её своей воле.

Она сделала глоток из своего бокала, довольно зажмурилась и вдруг снова весело прыснула со смеху, мгновенно сбивая весь нахлынувший пафос и возвращаясь к своей привычной непринужденной манере общения.

— И вот тут, ребята, кроется самый сок, потому что история моего личного первопроходчества на самом деле максимально нелепая и ржачная одновременно. Если вы наострили уши в ожидании великой трагедии, шаманских ритуалов, зова предков или пафосной жертвы во имя спасения племени, то можете сразу расслабиться и выдохнуть. Я тогда банально оказалась не в том месте и совершенно не в то время. Бегала в те времена у нас по округе одна очень неприятная хреновина, на панцирного кабана-переростка похожая, только размером с хорошую гору, да еще с рогами на морде. Для вас сейчас эти гады — просто далекая история, кости в музеях и картинки в учебниках палеонтологии, а для меня это был вполне реальный, живой и очень злой засранец, от которого мне пришлось удирать со всех ног. Короче говоря, я на полной скорости удирала от этого чудовища, не вписалась в поворот на тропе, оступилась и со всего маху полетела с обрыва прямо в глубокую скалистую пропасть.

Скримс задорно подмигнула Сане, у которого от удивления уже начала подрагивать челюсть, и продолжила описывать свои доисторические приключения.

— Лечу я, значит, со скалы вниз, ветер в ушах свистит, и от дикого первобытного страха я просто намертво зажмурила глаза, ожидая удара. А когда открыла их, то увидела перед собой картину маслом: внизу на камнях лежит мое собственное поломанное, окровавленное тело, а сама я стою совершенно целая рядом с ним. Стою в полном ступоре, смотрю на всю эту чертовщину и в своей первобытной голове вообще понять не могу, что вокруг происходит, где я нахожусь и что мне теперь делать. Но ничего, панике я поддаваться не стала, постепенно освоилась, начала изучать это пространство методом тыка и в итоге выстроила здесь всё так, как посчитала нужным.

Она снова посерьезнела, обводя взглядом комнату общаги, и перешла к объяснению устройства их мира, чтобы у компании наконец сложилась правильная картина происходящего.

— Всю эту машину, всю эту систему с жесткими правилами, якорями и привязками к конкретным зданиям или вещам я придумала и создала лично, и сделала это специально. Это не моя прихоть, это глобальный и очень важный предохранитель, без которого тут давно бы все рухнуло. С одной стороны, якоря нужны для того, чтобы сильные, обозленные или сошедшие с ума от тоски духи не могли спокойно шатать реальный мир, вредить живым людям и устраивать там хаос. С другой стороны, эти же самые правила защищают и вас самих, чтобы вы здесь, на изнанке, просто не сожрали друг друга от голода и злости и не навредили себе подобным. По первости, когда людей на планете было мало, я честно пыталась помогать вообще каждому встречному духу, вытаскивала всех подряд и учила выживать. Но со временем мертвецов стало слишком много, пошли войны, эпидемии, катастрофы, и в одиночку контролировать этот поток стало физически нереально. Поэтому система изменилась, и теперь моя адресная помощь и контроль переходят только на тех редких одиночек, кто, как ваша мадам, когда-то смог проявить настоящий стержень, справиться с собой внутри кокона и не растерять остатки разума.

В этот момент Саня, который уже едва переваривал весь этот масштаб обрушившейся на него информации, нервно сглотнул и испуганно повернулся сначала к деду Матвею, а затем прямо к госте, пытаясь как-то защитить их маленькое укрытие.

— Так, подождите, какие еще якоря и предохранители? Мы же с дедом Матвеем тут вообще ничего такого противозаконного не делали, живых не кошмарили, правила изнанки не нарушали, сидим себе тихо в общаге, помогаем чем можем. К нам-то какие претензии могут быть?

Скримс медленно повернулась к нему, её глаза хитро блеснули, а на губах заиграла загадочная и весьма многозначительная ухмылка. Она чуть подалась вперед, опираясь локтями о стол, и с издевкой произнесла:

— А вы точно в своей прошлой жизни уверены, мальчики? Подумайте-ка над этим хорошенько на досуге. И уверены ли вы в том, что именно ваши привычные якоря вас здесь на самом деле удерживают, и нет ли тут другой причины? Вот то-то и оно, дорогие мои, так что я в эту вашу общагу сегодня пришла как раз-таки в том числе и конкретно по вашу душу тоже, а не только ради именинницы.

— Вот вы сейчас сидите тут, глазами хлопаете и называете это место изнанкой, — Скримс лениво крутанула бокал, обводя им комнату. — Простая, понятная изнаночка, где можно тихо переждать вечность. На самом деле, первые пару тысяч лет у этой реальности вообще никакого названия не было. Для меня это было просто «здесь» — бескрайняя серая пустота, которую я обживала в полном одиночестве. Зачем первобытному человеку сложные термины? Но потом живые на той стороне начали плодиться, строить цивилизации и усложнять язык. Появился там один жутко гордый народ, который любил всё завоевывать и раскладывать по полочкам. Вот у них-то я пару тысяч лет назад и

подслушала, а точнее, втихую спёрла два отличных понятия. Взяла их слово «микстура», означающее ядреное смешение всего со всем, и склеила со вторым их оригинальным словом, которое у них вообще-то значило регион. Но я его прочитала чисто под себя и переделала по-своему, превратив в черту. Обтесала всё это на свой лад, и получилось имя — Мирега. И это не просто красивое словцо, это и есть суть нашего пространства. Мирега — это буквально смешанная черта, застрявшая между бытием и небытием, где в один плотный коктейль перемешались осколки чужой памяти, потерянные души, эмоции и всё то, что уже не живое, но еще не окончательно мертвое.

Наша мадам от таких откровений только балдела, молча переводя взгляд с гостьи на притихших мужиков. Она и сама даже близко не подозревала, что здесь существует настолько масштабная система. Заметив её ошарашенный вид, Скримс задорно подмигнула ей, давая понять, что про всю эту кухню вообще никто на изнанке не знает, кроме неё самой.

Затем беловолосая гостья лениво повернулась к мужикам и снисходительно махнула рукой.

— Ладно, не буду я вам усложнять жизнь, чтобы вы тут головы не сломали, — Скримс в упор посмотрела на деда Матвея. — Давай с тебя начнем, старый. Ты же уверен, что тебя здесь держит твоя проводка и железки? Да ни фиги подобного. На самом деле к концу жизни ты уже просто был тронут рассудком, из-за чего и поругался со всей своей родней. Но ты, Матвей, тут не виноват, просто так сложилось, как говорится. Так что тебе условия будут полегче.

Она перевела пронизательный взгляд на притихшего парня.

— А теперь ты, Саня. Ты ведь тоже умер не по чистой пенке, пролетел весь пролет по факту. А всё потому, что ты так и не попрощался со своей женщиной, из-за этого спился и в таком состоянии умер. Вот поэтому якорная система на вас обоих так и сработала.

Саня от такого пояснения просто обалдел, а дед Матвей растерянно уставился в пол.

— Я могу снять вас с якоря, — Скримс хитро прищурилась, оглядывая обоих. — Но при одном условии: вы будете такими же союзниками друг другу, как и до этого момента. Я сниму Якорь с вас обоих, а вы сидите и хорошо об этом подумайте. Матвей, тебе попроще, а ты, Саня, думай, думай.

Скримс плавно повернулась к Шуре, и её взгляд стал заметно теплее, без прежней ехидцы.

— Ну а ты у нас просто молодец, что не растерялась и начала развивать свою вторую жизнь после всего, — Скримс одобительно хмыкнула, оглядывая девушку. — Второй шанс на жизнь, конечно, в полном смысле этого слова я тебе дать не могу, но имеем то, что имеем, как говорится. Ты у нас вообще случайная переменная, которая запустила для

них весь этот новый виток.

Шура от таких слов немного обалдела, растерянно моргая и не зная, как реагировать на такую похвалу от хозяйки Миреги. Заметив её замешательство, гостя весело усмехнулась и пояснила:

— Да потому что ты на месте ровно не сидишь, постоянно пытаешься что-то придумать, новое, интересное. Короче, самый настоящий двигатель всей этой компании.

Скримс лениво повернулась обратно к мужикам, подперев подбородок ладонью, и насмешливо прищурилась.

— Ну что, мальчики? Что надумали?

Саня и дед Матвей переглянулись. Саня криво усмехнулся, почесал затылок и развел руками, озвучивая их общую мысль:

— Да ладно тебе, Крик. Слушай, а куда нам деваться-то? Мы тут по факту уже не просто соседи, а своеобразная семья вместе с мадам. Столько времени уже здесь, давным-давно все углы притерли. Так что мы только за такое предложение.

Дед Матвей согласно кивнул, солидарно внося свой голос в это общее дело. Заметив, как старик всё ещё немного переживает из-за раскрытой правды о своей родне, гостя добродушно подмигнула ему.

— Не расстраивайся, Матвей. Ты же сам сегодня сказал нашей имениннице забыть свою дату смерти? Ну вот теперь и сам давай, начинаем всё заново, как говорится. Так что считай, у тебя тоже появился отличный шанс начать всё с чистого листа.

Скримс посерьезнела, обвела мужиков взглядом и уже без всяких смешков добавила:

— Чтобы вы понимали, держит вас здесь на самом деле не только то, что вы там при жизни натворили, и не ваши дела. Обиды, гнев, злоба — вот что держит, и держит очень хорошо, конкретно. И я вам про это всё не просто так сейчас рассказываю. Может, вы мне тут хотя бы поможете? Я знаю, что далеко вы отсюда уходить не можете, но мне будет намного проще, если вы поможете кому-нибудь тоже снять свои якоря. По факту, как это работает, вы уже знаете на себе. Я просто банально не везде успеваю всё это снять, а сил это у меня отнимает очень много. Да и от этой системы мне уже отказаться нельзя. Если я всю эту систему брошу, из-за черты столько дерьма выльется, слишком много валится, как говорится. Но дело это, конечно, сугубо добровольное.

Пока мадам сидела слегка подвисшая от всего услышанного, она всё же пришла в себя и робко пискнула:

— А... а что нам для этого делать-то надо?

Наша гостья на это просто тепло улыбнулась и покачала головой:

— Да ничего особенного. Вы у нас одни из немногих по-настоящему живущих душ во всей этой серости. Так что просто живите, общайтесь как раньше. Если кого-нибудь найдете — ну, объясните нормально или помогите, чем сможете.

Скримс весело обвела взглядом всю компанию и со смешком подытожила, разбавляя энергетику:

— Я сейчас, между прочим, сижу в кругу, где все здесь сидящие живет всех живых. Скримс хитро прищурилась и плавно провела ладонью над столешницей — прямо по центру из ниоткуда материализовалась другая свеча, куда больше прежней. Мадам машинально потянулась было к своим спичкам, но гостья ловко перехватила их из-под пальцев хозяйки и нагло забрала коробок себе.

— Ну-ка, мадам, повтори свой фокус, — Скримс поманила её пальцем к незажженному фитилю. — Только теперь давай без одиночной самостоятельности. Сделай то же самое, как мы с тобой тогда вместе её зажгли.

Она жестом приказала всей компании собраться плотнее вокруг стола в комнате.

— Ну чего застыли? Руки свои давай сюда, все вместе. Складывайте друг на друга.

Матвей, Саня, Шура и мадам растерянно переглянулись, но спорить не решились. Они робко потянулись вперед и сложили ладони в одну общую кучу над пустой свечой. Мадам аккуратно направила их общее движение, и они вместе провели руками над фитилем.

В ту же секунду свеча вспыхнула непривычным, ярко-голубым свечением. Огонек сорвался с фитиля, поднялся чуть выше — сантиметров на тридцать над поверхностью — и завис прямо в воздухе, продолжая гореть ровным мистическим светом. Компания от такой фигни просто обалдела, во все глаза уставившись на парящее пламя.

Гостья ехидно улыбнулась, глядя на их ошарашенные лица, и вальяжно поднялась со своего места. Она повернулась к хозяйке дома:

— Ну и тебя поздравляю. Давай только, возвращай свое истинное имя, Вера. С новым днем рождения.

У мадам от этого имени глаза буквально на лоб полезли, она застыла, не в силах вымолвить ни слова. А Скримс уже обвела взглядом притихших мужиков и Шуру:

— А вас всех — с новым витком, как говорится.

Она приподняла руку, готовясь щелкнуть пальцами, и напоследок коротко бросила:

— Извините, мне дальше дела делать надо. Приятно было посидеть. Возможно, еще когда-нибудь увидимся.

Раздался громкий щелчок, и беловолосая гостья мгновенно исчезла, растворившись в воздухе, словно её здесь и не было. В комнате повисла звенящая тишина, в которой испуганно дышала Вера, а ярко-голубой огонек продолжал мирно парить над столом. Саня первым шумно выдохнул, нарушая повисшую тишину. Он растерянно почесал затылок, перевел взгляд со стола, где вся еда и выпивка остались нетронутыми, на парящий в воздухе неоновый огонек, и выдавил:

— Ну нифига себе фейерверк на сегодня получился...

Матвей только молча качнул головой, всё еще не сводя глаз с тридцати сантиметров пустоты под голубым пламенем. Мужики потихоньку отходили от шока, а вот мадам продолжала сидеть в глубочайшей прострации. Она смотрела в одну точку перед собой, едва дыша. Скримс не просто показала фокус — она безжалостно содрала с неё удобную, безликую маску «мадам», за которой та пряталась всё это время после своей смерти, игнорируя собственное прошлое. Гостья жестко поставила её перед фактом: ты Вера, и тебе придется с этим жить.

Шура внимательно посмотрела на застывшую подругу, мгновенно оценив степень её ступора. Она понимающе усмехнулась, подошла ближе и, осторожно приобняв мадам за плечи, заговорила своим привычным, слегка ехидным подпольным тоном:

— Ну что, Вера... Раз уж тебя такие силы официально поздравили, да еще и добро на всё дали, чё киснуть-то теперь? Хватит уже. Сама видишь, традиции поменялись. Пошли, я отведу тебя в комнату.

Вера медленно моргнула, словно возвращаясь в реальность от звука своего настоящего имени, которое больше невозможно было отрицать. Шура аккуратно потянула её за собой, помогая подняться со стула, и повела прочь из комнаты. Мужики лишь молча проводили их взглядами, понимая, что в эти женские дела им сейчас лучше вообще не вмешиваться.

Шура аккуратно вывела Веру из своей комнаты и довела по коридору общаги до её собственной двери. Она помогла мадам зайти внутрь, собираясь усадить её в любимое кресло, чтобы та наконец пришла в себя. Но стоило им обеим переступить порог и взглянуть на сиденье, как они застыли. Прямо там лежал аккуратно сложенный листок бумаги, которого до праздника в комнате точно не было.

Подруги переглянулись. Шура, опережая Веру, осторожно взяла записку, развернула её и

принялась читать вслух. Почерк был размашистым, уверенным и явно принадлежал их недавней беловолосой гостье, которая успела скрытно заглянуть сюда еще до того, как завалиться к ним на посиделки.

Когда ты вернулась от духа — или от паразита, как вы его там всей вашей дружной толпой окрестили, — читала Шура, едва сдерживая удивление, — ты в этой комнате кричала, что ненавидишь её всей душой и просидела здесь целых двадцать лет. Я, конечно, понимаю, что в Миреге у тебя год за два считался от тоски, но вообще-то все прекрасно знают, сколько ты тут пробыла на самом деле. И кстати, почему тебя притянула именно эта общага? Да потому что то место, где ты жила до этого, никогда не было твоим родным домом. Душой ты к нему вообще не прикипела, чувств к нему не было никаких. Так что общага тебя буквально спасла — не будь её, ты бы уже давно растворилась.

А знаешь, что тебя тут на самом деле удерживает? — Шура сглотнула и продолжила читать, меняя интонацию. — То, как ты со своей студенткой возишься, которая с тобой в этой комнате живет. Ты ей помогаешь, душу вкладываешь. И вот за это ты от меня получаешь жирный плюс. Молодец. Именно эта твоя забота и делает тебя по-настоящему живой. Настоящей, живой женщиной, назло любой смерти и Миреге.

Я для тебя сейчас, по факту, и Жизнь, и Смерть в одном лице. Так что тебе самой решать, что будет с тобой дальше. Либо ты берешь этот второй шанс и начинаешь нормально жить, либо со временем просто исчезнешь навсегда.

Шура опустила листок и ошарашенно посмотрела на Веру, которая бессильно опустилась в то самое кресло, закрыв лицо руками. Написанное было адресовано лично ей и било наотмашь, не оставляя мадам пространства для старых иллюзий и жалости к себе, но давая при этом огромную силу. Беловолосая гостья ушла, но оставила Вере самый жесткий и честный выбор в её жизни.

Шура тихо прикрыла дверь Вериной комнаты, оставив подругу засыпать в кресле в тяжелых, тягучих думах после всего пережитого. Мадам, которая теперь снова была Верой, уплывала в глубокий сон, сжимая в руке листок, перевернувший её мир.

Шура быстрым шагом вернулась обратно в свою комнату, где Саня и Матвей всё еще сидели, не сводя глаз с парящего неоновых огонька. Мужики тут же вскинули на неё головы, и Шура, не дожидаясь вопросов, с ходу выложила им всё содержание записки. Саня ехидно присвистнул, качнув головой, и переглянулся с Матвеем:

— Ехидная девка... Вот это поворот, конечно! Наша мадам-то, оказывается, математик великий — год за два у неё шёл. А беловолосая её знатно приземлила. Но про девчонку-студентку в точку попала, именно на ней всё и держалось.

Они еще какое-то время вполголоса, наперебой обсуждали всё, что произошло за этот сумасшедший вечер. Голова уже пухла от мыслей, и Саня, потеряв уставшие глаза, кивнул на окно:

— Слышите, дождь пошел? Тёплый, летний. Пошли-ка на улицу, компашка, кислородом подышим, а то в четырех стенах уже крыша едет от этих чудес.

Они спустились вниз и вышли на крыльцо общаги. Ночная прохлада вместе с каплями летнего дождя приятно ударила в лицо, смывая дневную духоту и остатки ступора. Саня дошел до самого края, туда, где проходила та самая невидимая стена, за которую никто

из них раньше не мог сделать ни шагу.

Замерев на секунду, Саня ради интереса двинулся вперед — и спокойно перешагнул старую границу, выходя прямо под открытое небо и струи дождя. Он замер, подставив лицо каплям, а потом медленно повернулся к Матвею и Шуре, широко ухмыляясь:

— Она, слышишь... нас не обманула. Стены больше нет. Так что мы действительно можем начать по-настоящему уже жить.